Демократия и социализм XXI

№3 сентябрь 2017

Журнал является теоретическим и общественно-политическим печатным органом российских социал-демократов и социалистов, способствующим формированию гражданского общества в России

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

ЭКОНОМИКА

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

НАУКА И КУЛЬТУРА

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЗА РУБЕЖОМ

ВЕСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

ДИСКУССИИ. КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

ИНФОРМАЦИЯ О НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Редакционная коллегия

СЛАВИН Б.Ф. Главный редактор
БАБИЧ Д.О.
ВОЕЙКОВ М.И.
ИСТЯГИН Л.Г.
КОНОВАЛОВ Е.В.
КОТЕЛЬНИКОВ М.Е. Зам. главного редактора.
КУЗНЕЦОВ М.И.
МАСЛОВ В.Н. (Нижний Новгород)
МАХЛАЕВ А.В.
НИКОВСКАЯ Л.И.
ОБОЛЕНСКИЙ М.А. (Орёл)
ПЕТРОВ А.А.
ПАВЕЛЬЕВ Д.Д. (ответственный секретарь)
ПОТАПОВА С.Р.
РОМАНОВ Б.С.
РУДЫК Э.Н.
СТРАТИЕВСКИЙ Д.В. (ФРГ)
ЦАГОЛОВ Г.Н.
ШАРАКШАНЭ С.А.

Основные рубрики

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИКА
АНАЛИТИКА
СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА
НАУКА И КУЛЬТУРА
ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЗА РУБЕЖОМ
ВЕСТИ ИЗ РЕГИОНОВ
ДИСКУССИИ
КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ
ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАШИ АВТОРЫ

Электронный адрес редакции:
NIVALS@INBOX.RU

© Редакция журнала «Демократия и социализм XXI»

Содержание

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Борис Славин. От «старого» социализма к «новому».....4
Аббас Галлямов. Социализм возвращается и готов побеждать.....27

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

Михаил Котельников. «Отец» русского марскизма против марксистской ортодоксии.....31
Борис Романов. Н.К. Михайловский – забытый мыслитель.....55

АНАЛИТИКА

Дмитрий Бабич. Противоречие российской элиты: и вместе с Западом, и против него.....61
Юрий Олейников. Мегатренды постиндустриальной модернизации.....67
Лариса Никовская. Особенности состояния и перспективы среднего класса в современной России.....85

ЭКОНОМИКА

Георгий Цаголов. Время ли разбрасывать камни?.....111
Виктор Букреев, Эмиль Рудык. Смена парадигмы трансформации форм собственности.....118

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Александр Ломанов. Готова ли КНР отказаться от социализма?….....149

НАУКА И КУЛЬТУРА

Давид Павельев. Социальный протест в современной российской литературе.....155

ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вершина великой революции. К 100-летию Октября.....163
Александр Оболенский. Отрывок из новой книги «...Третий тихий государственный переворот».....164

Об авторах.....174

Борис Славин. От «старого» социализма к «новому»

Современный «левый поворот» в мире прямо связан с банкротством идей и политики либерального фундаментализма с его игнорированием роли социального фактора в условиях становления постиндустриальной цивилизации. Необходимость такого поворота особенно сильно ощущается сегодня в России, перенесшей в 90-е годы печальные плоды гайдаровской «шоковой терапии» и грабительской приватизации, породивших в стране десятки миллионов маргиналов и нищих, невиданную в мирное время детскую беспризорность, растущую преступность и коррупцию во властных структурах. Одним словом, возникший в ходе радикальных реформ варварский олигархический капитализм оказался большим злом, чем его исторический предшественник – бюрократический социализм.

Понятно, что в этих условиях возникло естественное стремление найти некий «третий путь», противоположный исторически исчерпавшему себя бюрократическому социализму советских времен и современному олигархическому капитализму. В этой связи уже в 90 е гг. многие ученые и политики в России стало обращаться к осмыслению практического опыта мировой социал-демократии и теории «демократического социализма».

В итоге возник естественный вопрос: как применить или преломить западные идеи социал-демократии на российской почве? Со временем стало ясно, что ответ на этот вопрос не может сводиться к простому копированию идеологии и практики западной социал-демократии. Когда на выборах в Думу в 1995 году наши отечественные социал-демократы попытались это сделать, выдвинув лозунг: «Хочешь жить, как в Европе, голосуй за социал-демократов», то получился конфуз: за социал-демократов проголосовало меньше людей, чем необходимо для регистрации соответствующего избирательного объединения. В условиях повальной бедности населения подобный лозунг только раздражал российского избирателя. Он не хотели верить, что мало кому известная политическая организация социал-демократов, может в одночасье сделать их жизнь такой, как в Европе. Отсюда простой вывод: отечественные сторонники левой идеи, изучая опыт международной социал-демократии должны знать и учитывать специфику России, ее исторические особенности, традиции и менталитет народа.

Особенно нельзя игнорировать живую историю советского общества, которая, повторим, развивалась в постоянной борьбе двух тенденций: демократической и бюрократической, линий Ленина и Сталина. Известно, что Сталин в свое время уничтожил миллионы людей, включая ленинскую когорту революционеров. Но этот же факт означает и другое: многие из этих людей отказывались принимать его тоталитарный режим. Мало того, они несли в себе антитоталитарные демократические начала, находясь к данному режиму в фактической оппозиции. Нельзя забывать, что на гулаговских нарах сидели меньшевики и большевики, плехановцы и троцкисты. Ясно одно, сталинизм как политический режим власти, нельзя отождествлять со всей советской историей. Как уже говорилось, в ней были и мрачные периоды господства тоталитаризма, и светлые годы демократизма 20-х годов, хрущевской «оттепели» и «перестройки», когда реформаторские силы в КПСС пытались придать реальному социализму в СССР «человеческое лицо».

Пока объективная политическая история СССР и России еще не написана. Дело в том, что историков сталинской школы быстро сменили в начале 90-х годов не менее ангажированные историки неолиберальной волны. Нам же надо четко осознать, что отделяет и что связывает современных российских социалистов и социал-демократов с прошлым.

Как мы знаем, российский народ в свое время отвернулся от социализма с бюрократическим, казарменным лицом, но хотел ли он получить вместо него современный полумафиозный капитализм с не менее бюрократическим лицом? Думаю, нет. Но если «демократию без социализма» и «социализм без демократии» российский народ отвергает, то отсюда следует логический и исторический вывод - в России должен прижиться «новый», демократический социализм, как конструктивная альтернатива нашему прошлому и настоящему.

Рассмотрим в этой связи некоторые актуальные и малоисследованные вопросы теории и истории социализма в России.

О некоторых «белых пятнах» теории социализма

Прежде всего, хочется затронуть один интересный и малоизученный вопрос о связи капитализма и социализма, а точнее о соотношении классового и общечеловеческого в этих обществах. Как уже отмечалось, здесь много запутанного ста-

линской школой фальсификации истории, рассматривающей социализм как сугубо антикапиталистческое общество, а капитализм только как антипод социализма.

Вместе с тем, любое социальное явление с точки зрения марксистской диалектики имеет двойственный характер. В нем можно найти как общечеловеческие, общецивилизационные, так и конкретно-исторические, классовые черты. Если с этой точки зрения подойти к проблеме исторической взаимосвязи социализма и капитализма, то мы увидим, что социализм наследует у капитализма все то, что имеет общечеловеческую, общецивилизационную природу. Так, он наследует у капитализма созданные им производительные силы, такие, например, явления, как «маркетинг», так называемую «капиталистическую бухгалтерию», работу на заказ и многое другое. Мы также увидим, что эти и подобные им явления не являются собственно капиталистическими или социалистическими. Это механизмы, которые имеют общецивилизационный характер. Безусловно, если мы не хотим остаться на сугубо схоластических и догматических позициях, эти элементы и явления должны «работать» и в условиях реального социализма.

В свою очередь, если социализм наследует от капитализма его технологический фундамент, стало быть он может и должен наследовать и многие экономические и организационные формы. В то же время, социализм не может наследовать у капитализма все, и, прежде всего, такие сугубо классовые явления, как эксплуатации, социальная и имущественная поляризация общества, распространение антигуманной «массовой культуры» и т. д. Напомню, когда Ленин обсуждал вопрос усвоения большевиками идей Форда или Тейлора, он подчеркивал, что научную сторону этих идей мы должны безусловно использовать, но без капиталистической практики «выжимания пота». Вот здесь и следует искать различие общечеловеческого и классового, которое вождь Октябрьской революции проводил в политике достаточно четко. Это означает, что общецивилизационные моменты, связывающие капитализм с социализмом, не отменяют классовые различия этих двух форм человеческого общества. Отсюда следует, что реальному социализму надо всегда развивать собственную промышленность, все время стремиться к использованию новейших технологий и научных достижений в сфере производства и обращения. Опора на собственные силы в экономике – залог независимости социалистической страны от возможных экспансионистских тенденций капиталистического мира.

Ряд современных идеологов считают, что реальный социализм и капитализм должны всегда соответствовать своим конечным идеалам, то есть быть в своем роде идеальными обществами. Практика показывает, что абсолютно идеальных обществ в истории не существует. Как капитализм имеет диктаторские и демократические режимы правления, (вспомним чилийских Пиночета и Альенде), так и социализм на практике может быть с диктаторским и «человеческим лицом» (сравни Сталина и Горбачева). При этом исторический опыт показывает, что диктаторские режимы чаще всего проявляются в странах, не прошедших школы буржуазной демократии, и сохраняющими в себе многие следы и пережитки средневековья. Именно таковой и была Россия, вступив на путь социалистического развития.

Как уже не раз говорилось выше для нее было характерно проявление двух противоположных тенденций: демократической и авторитарной. Наличие этих тенденций дает нам возможность более аргументировано провести обоснование идеи демократического социализма на российской почве и его отличие от аналогичного явления на Западе. Здесь я имею в виду, прежде всего, «ценностное» обоснование демократического социализма в развитых странах Западной Европы и историко-материалистическое обоснование демократического социализма в существовавших и существующих странах реального социализма.

Как известно, проблема ценностного или этического подхода к социализму в основном разрабатывается социал-демократической и левой мыслью Запада. Так, в докладе на съезде итальянских коммунистов, преобразовавшем Коммунистическую партию в Демократическую партию левых сил, бывший генеральный секретарь ИКП говорил, что они социализм связывают с теми ценностями, которые развиваются в рамках социал-демократической мысли, и прежде всего с такими, как «свобода, справедливость, солидарность». Причем эти ценности берутся как бы вне исторического контекста, выступают, как некоторые этические нормы и идеалы, к которым должно стремиться любое демократическое общество. Мне думается, что такое понимание социализма имеет под собой основания, прежде всего, в успешной практической деятельности современных социал-демократов и их правительств в Европе.

Но есть и иной подход в рамках марксистской школы, который продолжает существовать, не смотря на крушение советской модели социализма. Это – видение социализма, как посткапиталистического общества, вытекающего из глобаль-

ных общественно-исторических и культурных тенденций развития человечества, связанных с реальным, а не формальным обобществлением производства, с развитием действенной демократии и политической культуры масс, борьбой с бюрократическими извращениями властных структур в реальном социалистическом обществе. Подчеркнем, сегодня существует не одна, а по меньшей мере две модели демократического социализма: модель, которую реализуют социал-демократы на Западе, пытаясь мирным путем трансформировать капитализм в социализм. И модель, преодолевающая на практике бюрократические и тоталитарные деформации в странах реального социализма.

Последняя модель, в частности, восходит к демократическим и антитоталитарным тенденциям, возникшими в ходе Октябрьской революции, в периоды НЭПа, хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки в России, в условиях так называемой Пражской весны в Чехословакии, в ходе принципиальной борьбы с бюрократизмом в Китае, Вьетнаме, на Кубе. Итак, повторим: с одной стороны, речь идет о модели демократического социализма, которую пытаются воплощать в жизнь социал-демократические партии в Западной Европе, с другой, – о модели демократического социализма, контуры которой складывались и складываются в различные исторические периоды в странах «реального социализма».

Что в этих моделях является общим и в чем состоит различие? Прежде всего, обе эти модели исходят из признания таких известных социалистических ценностей как свобода, справедливость, солидарность, гуманизм. Однако, их философское обоснование различно: одни аппелируют к этике, другие ищут им материалистические и социальные основания. Для сторонников той и другой модели является предпочтительным демократический способ реализации этих ценностей: т. е. эти модели отрицают или подвергают принципиальной критике различные проявления тоталитаризма, будь то сталинщина, маоизм или полпотовщина.

Продолжая сравнение этих моделей, следует отметить, что для модели демократического социализма, разрабатываемой многими партиями Социнтерна характерен упор на постепенную эволюцию буржуазного общества и отрицание революционных средств его изменения. Они исходят из признания решающей роли государства в улучшении жизни трудящихся не в отдаленном будущем, а в реальной текущей жизни буржуазного общества. Это направление связывает осуществление своих ценностей и идеалов с «социальным государством», которое, аб-

страгируясь в своей деятельности от классовой природы общества, призвано «работать» в интересах всех слоев и классов общества. Опыт истории показал, что западные социал-демократы способны не только провозглашать идею реформирования буржуазного общества, но и обладают способностью реализовывать ее на практике. Это относится, прежде всего, к их успехам в области социальной политики, в отстаивании прав и свобод личности, реализации демократических институтов власти.

Похожие, но иные характеристики носит демократический социализм в бывших и существующих ныне странах «реального социализма». Так в Советском союзе интересен и во многом поучителен был опыт борьбы левой и правой оппозиции за демократические преобразования в партии и стране в послереволюционные годы. В условиях хрущевской «оттепели» мы имели такое позитивное явление, как борьба демократических сил в КПСС против «культа личности» и репрессивной политики Сталина. В условиях Перестройки был накоплен плодотворный опыт развития гласности и демократизации политической системы советского общества. В условиях современного Китая заслуживает пристального внимания и изучения проблема соединения частного интереса и общественного блага в экономической сфере, опыт решения сложнейших межнациональных проблем. В области социальной политики и самоуправления трудящихся имеет свои достижения социалистическая Куба. Нет сомнения, что современная теория социализма должна изучать и обобщать данный практический опыт. Современная социалистическая теория не может строиться только на опыте одной страны, как это было раньше. Она должна учитывать многообразие всех стран, строящих реальный социализм.

Требует также всестороннего изучения опыт взаимодействия двух вышеназванных моделей демократического социализма в практике взаимодействия коммунистических партий и западных социал-демократов в истории СССР, особенно в периоды разрядки международной напряженности и в годы перестройки. Мы имеем в виду, прежде всего проведение совместных акций в борьбе за мир и разоружение, решение экологических вопросов, обмен партийными и научными делегациями с целью развития социалистической теории и др. Этот небольшой, но ценный исторический опыт показывает, что в перспективе вполне возможно сближение этих разных моделей демократического социализма.

Есть еще один непростой вопрос теории социализма, связанный с отношениями страны, совершившей социалистическую революцию и окружающими ее буржуазными странами. В частности, перед Лениным этот вопрос со всей серьезностью встал сразу после польского объявления войны советской России. В ходе успешной защиты российских границ, у большевиков появилась возможность оккупации польской территории. Ленин решил использовать эту возможность с целью, говоря его языком, «прощупать штыком» готовность Польши к революции. В итоге, как известно, наступление Красной Армии на Варшаву провалилось. Это заставило Ленина и большевиков признать ошибочность своих действий и решительно пересмотреть свои взгляды на возможность превентивного экспорта революции. В итоге большевики поняли, что идея экспорта революции в другие страны есть малоплодотворная и по сути своей теоретически порочная идея.

Сознавая это, Ленин выдвигает свой знаменитый план – успеть цивилизоваться молодой советской России до начала возможной мировой войны. В рамках этого плана он предложил свою идею всесторонней культурной революции, которая означала не только ликвидацию неграмотности в России, но и решение задачи широкого использования в хозяйстве передовой науки и техники, осуществление всеобщей электрификации и кооперации страны. Именно тогда он призвал большевиков «черпать обеими руками» лучшие образцы организации и управления производством в развитых капиталистических странах.

Ясно, что эти идеи в прежнюю классическую теорию социализма не вмещались, но на то и нужна была конкретная практика создания социализма, чтобы обоснованно ответить на вопрос: верна ли старая марксистская теория перехода к социализму? Сегодня уже достаточно ясно, что проблема социализма и рынка - это проблема длительного переходного периода от капитализма к коммунизму, т. е. это проблема «первоначального» или «раннего» социализма, который в исторических масштабах занимает гораздо больше времени, чем думали большевики в 20-е и 30-е годы.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что строительство реального социализма будет только тогда успешным, когда будут реализованы по меньшей мере следующие условия: эффективная защита революции, наивысшие темпы экономического развития, создание более высокого уровня жизни людей, чем в развитых странах капитала, реализация широкой демократии. Без этих условий, как по-

казал опыт истории, происходит крушение стратегии социалистического строительства, а известный ленинский вопрос «кто кого?» решается в пользу капитализма.

Итак, строить социализм в отдельно взятый стране можно, но как ему выжить в условиях мощного капиталистического окружения? На этот вопрос пока окончательного ответа нет. Его в свое время нащупывал Ленин в своей новой экономической политике в России, на него ответил Дэн Сяопин своими экономическими реформами в Китае. Однако пока нет твердых гарантий, что Китай не последует за Россией. Такие гарантии будут только тогда, когда Китай на практике намного превзойдет развитые страны по уровню жизни и развитию демократии. Напомню еще раз, социализм может выжить и победить в одной стране только тогда, когда сумеет создать в ней наивысшую производительность труда, более высокий уровень жизни людей и более развитую и действенную демократию, чем в передовых капиталистических странах. Другого пути нет. Если бы Михаил Горбачев в свое время сумел решить проблему ускорения научно-технического прогресса и создать политическую систему, в которой социалисты сменяли коммунистов во власти, то вышеназванная гипотеза могла бы реализоваться уже в Советском Союзе. Однако этого не произошло. Советского Союза нет, но существует коммунистический Китай. Учтет ли он все негативные уроки истории СССР, покажет будущее.

Что касается современного олигархического капитализма в России, то, как известно, он далек от каких либо цивилизованных форм и методов своего развития. Говоря проще: он нахрапист и воинственен, циничен и груб. Он никогда не будет считаться с тем, кого и как эксплуатировать. Как показывает практика, формы эксплуатации, применяемые им, самые варварские и жестокие. Это хорошо видно сегодня на примере эксплуатации не только миллионов «гастарбайтеров», но и отечественных интеллектуалов. Помнится, как «демократы первой волны» утверждали: мы будем по-настоящему ценить интеллектуальный труд, который якобы не умели ценить коммунисты в СССР. Сегодня мы видим, как ценится этот труд, когда профессора трудно отличить от уборщицы, а инженера от нищего.

С начала 1990-х гг. государство под названием «Новая Россия» является сугубо классовым олигархическим государством, поклоняющимся только одному всепроникающему культу – культу мамонизма. Прошедшие годы «радикальных» буржуазных реформ показали колоссальную индифферентность многих слоев

российского общества, включая рабочий класс, интеллигенцию и крестьянство. Мы видим, что современный рабочий класс даже в условиях мирового кризиса не идет дальше экономической борьбы. Такое ощущение, что он вновь превратился в «класс в себе». Может быть, это объясняется тем, что долгие годы при Советской власти он был пассивным объектом патерналистской политики государства? Но то же самое можно сказать и о других слоях общества, демонстрирующих невиданное в мире терпение. Многие люди в России ждут чуда, но, как известно, чудес в природе не бывает.

Это не означает, конечно, что в России имеются какие-то «лимиты» на революцию, как утверждают современные «поссибилисты» среди левых и правых политиков и идеологов. Несомненно одно: рано или поздно, трудящиеся России найдут наиболее эффективный способ осуществить в современных условиях идеал демократического социализма – общества, в котором трудящиеся будут обладать не только высоким уровнем жизни, но и экономической, и политической свободой.

Еще одна чрезвычайно важная и мало разработанная проблема: к какому обществу идет современное человечество? Многие исследователи сходятся на том, что это будет посткапиталистическое или постиндустриальное общество, дающее ответ на глобальные вызовы современной информационной эпохи и вбирающее в себя все лучшее, что накопило человечество за свою историю. В этой связи, все чаще в научный оборот входит понятие «третьего пути», или так называемого «народного капитализма», в котором развиты акционерные предприятии с собственностью работников, преодолевается отчуждение работников от результатов труда и средств производства, реализуется экономическая и политическая демократия. В таком обществе существует смешанная экономика, функционируют всеобщие системы социального страхования, развиты политические свободы и права человека.

В принципе, такое общество не только возможно, но и вполне реально, особенно учитывая такие его ростки, как осуществление на практике американской программы ЭСОП, охватывающей свыше 11 миллионов работников, многотысячный испанский кооператив «Мондрагон» и др. подобные примеры, существующие в разных странах мира. В тоже время, говорить о полных успехах таких порядков в мире говорить пока рано. Дело в том, что тенденция превращения предприятий из

частных в коллективные является лишь тенденцией в рамках частнособственнического общества. Она не охватывает собой все общество, а составляющие ее предприятия с собственностью работников нередко терпят банкротство, подчиняясь суровым законам конкурентной борьбы на отечественном и мировом рынке.

О модели «старого» советского социализма

В последнее время все больше идеологов левого движения считают первостепенной проблему изучения и осмысления различных моделей социализма с целью теоретического обоснования модели «нового» социализма. Нам кажется, что это во многом не только нужная, но и во многом необходимая работа. В тоже время нельзя понять сущность «нового» социализма, не исследовав природу и причины крушения «старого». Под «старым» социализмом мы имеем ввиду, прежде всего модель советского социализма, который сыграл свою историческую роль в XX веке.

Не будем вдаваться в дискуссию о том, была ли эта модель подлинно социалистической или нет. Об этом подробно говорится в последней главе настоящей книги. Во всяком случае, мы исходим из того, что «чистого», или абсолютно «идеального» социализма не может быть вообще и особенно в странах, впервые выходящих из буржуазной действительности со многими средневековыми пережитками. В первую очередь это относится к России начала XX века – стране, с невысоким уровнем технологического и социально-экономического развития, наложившим свой заметный отпечаток на весь период советской истории.

Как мы уже говорили, в этой истории было все: взлеты и падения, победы и поражения, завоевания и трагедии. Тем не менее, конечный результат ее известен: та модель социализма, которая утвердилась в СССР и странах Восточной Европы в первой половине XX века рухнула в его конце. Возникает вопрос: какая это была модель и почему она рухнула? Ответив на эти вопросы, мы получим обобщенную характеристику «старого» социализма.

Есть много типологических характеристик и определений советского социализма. Спектр их широк и многообразен: от апологетических неосталинистских, видящих в советском социализме идеальный образец нового неэксплуататорского общества, до негативистских либеральных, утверждающих, что социализм тождественен тоталитаризму и является прямой «дорогой к рабству». Нам думается, что

эти крайности далеко отстоят от объективного анализа той реальной модели социализма, которая сложилась в СССР. Эта модель, конечно, была далека от идеала социалистического общества нарисованного в работах Маркса и Ленина, считавших социализм наиболее гуманным и демократическим строем. Тем не менее, это был первый плод ранних социалистических революций XX века, который требует пристального анализа и оценки.

Во-первых, специфика советской модели социализма состояла в том, что она утвердилась в одной, отдельно взятой стране. Как мы уже говорили, это противоречило классической теории, утверждавшей, что социализм возможен лишь как мировое явление. Во-вторых, советский социализм строился в многоукладной стране с большими пережитками средневековья, что не могло не сказаться на своеобразии экономической политики советского государства. Наконец, в-третьих, советский социализм вышел из ожесточенной гражданской войны, что отложило свой след на характере политической власти и ее способах функционирования в СССР.

Сказанное выше позволяет определить советскую модель социализма, особенно сложившуюся после В.И. Ленина, как государственно-бюрократическую или «казарменную». Для этой модели присуще жесткая централизация и регламентация экономической, социальной и идеологической жизни общества, отсутствие полноценных рыночных отношений, доминирование госсобственности, однопартийность в условиях сохраняющихся разных социальных групп и их интересов, догматизация господствующей идеологии, идеологизация науки, образования и культуры.

Данную модель нередко называют мобилизационной, т. е. способной эффективно функционировать в чрезвычайных условиях предвоенного, военного и послевоенного времени. Тем не менее, следует отметить, что эта модель советского социализма не оставалась неизменной на протяжении своей истории. Как уже отмечалось, она пережила различные периоды своего политического развития, начиная от жестокого репрессивного тоталитаризма времен сталинщины и кончая попытками демократического обновления в период хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки. Следует отметить, что «старому» советскому социализму, несмотря на его бюрократический и даже «казарменный» характер, удалось решить много сложных социально-экономических проблем, включая инду-

стриализацию, достижение среднего мирового уровня материального обеспечения граждан, осуществление реального права на труд, отдых, образование и здравоохранение, доступность науки и культуры для широких масс населения и т. д.

Вместе с тем, как показывает опыт истории, советская модель социализма не смогла в полной мере ответить на вызов времени, связанный с развитием научно-технической революции, трансформацией современного капитализма, вступившего в постиндустриальную эпоху, перехватившего у социализма способы эффективного решения многих социальных проблем, включая проблемы так называемого «человеческого фактора».

Какие же причины привели к крушению этой модели «реального социализма»? Как мы уже говорили выше, их несколько. Первая причина состоит в том, что «старый» социализм не сумел одержать экономической победы над капитализмом, т. е. не дал более высокую производительность труда, которую Ленин считал важнейшим критерием прогрессивности и жизненности социализма. Вторая причина связана с первой. Социализм не дал более высокого жизненного уровня трудящимся по сравнению с развитыми капиталистическими странами. Третья и, пожалуй, самая главная причина состоит в том, что социализм, который был у нас, не стал демократическим социализмом в подлинном смысле этого слова, ибо власть была во многом отчуждена от трудящихся, представляя прежде всего интересы партийной и государственной бюрократии. Вот почему в августе 1991 года эту партбюрократию в лице ГКЧП никто не поддержал. Наконец КПСС с ее концепциями «полной и окончательной победы социализма» и «развитого социализма» продолжала оставаться догматической партией, которая не только извратила на практике марксистские идеи социализма, но и часто мешала развиваться этим идеям. Все это мы должны осознать в полной мере, иначе мы ничего не поймем в нашем прошлом.

Подчеркнем еще раз: важнейшей из этих идей была ленинская идея использования рыночных отношений в ходе создания социализма. Как мы знаем, Ленин активно использовал ее при разработке новой экономической политики. В этой связи он пришел к выводу, что следует «пересмотреть» прошлые взгляды на социализм как на бестоварное общество. Обобщая сказанное, можно констатировать, что суть этого пересмотра состояла в следующем: в условиях господства мирового рынка и неразвитых экономических отношений внутри России, нельзя отказывать-

ся от рыночных отношений, которые могут поднять экономику страны, разрушенную мировой и гражданской войнами. Во-вторых, социализм может выжить в этих условиях только в том случае, если сумеет создать в сжатые сроки более высокий уровень производительных сил и общественного производства, чем в развитых капиталистических странах. Этого можно добиться путем решительного соединения лучших технологических и организационных достижений капитализма с Советской властью. Только в этом случае, можно надеяться на то, что вопрос «кто кого?»: социализм или капитализм будет решен в пользу социализма.

Надо отметить, что Ленин в отличие от своих последователей прекрасно сознавал, что социализм по сути своей есть не столько антикапиталистическое, сколько посткапиталистическое общество, впитывающее в себя все лучшее, что создано буржуазной цивилизацией. Как показал опыт истории, потеря такого понимания у руководства СССР и привела советскую модель социализма к кризису в 1970-1980 гг. и полному краху в начале 1990-х годов.

Основные черты «нового» социализма

Отталкиваясь от понимания главных причин крушения «старого» социализма и современных условий общественного развития, можно обрисовать в общих виде основные контуры той модели «нового» социализма, которую можно взять на идеологическое вооружение всем лево- демократическим силам. Каковы же эти контуры, или черты?

Повторим, во-первых, «новый» социализм следует рассматривать как посткапиталистическое общество, берущее у исторически предшествующего ему буржуазного общества все лучшее, что накоплено капиталистической цивилизацией, как в области технологии и организации производства, так и в области социальных программ, включая сюда социальную защиту населения, здравоохранение, образование и науку.

Во-вторых, «новый» социализм должен создать адекватную себе технологическую и экономическую базу. Безусловно, что этой базой не может быть прежний индустриализм, считавшийся в прежней теории характерной чертой социализма. Исторический опыт показал, что индустриальные технологии, повышая совокупную производительность общественного труда, не гарантирует человеку ликвидации технологического отчуждения (и даже увеличивают его). Они рождают массу

экологических проблем, повышают травматизм и долю профессиональных заболеваний. Все сказанное говорите том, что технологическая база «нового социализма» должна быть связана с развитием гибких технологий, робототехники, расширением доли электроники в производстве, безотходных и экологически чистых производств. Одним словом, речь идет о постиндустриальном и информационном характере общества и технологии. Только такие гибкие и изменяющиеся технологии могут создать материальные условия для более высокой производительности труда, чем та, которая существует в традиционном капиталистическом обществе.

Однако сами по себе новейшие технологии не смогут решить известного ленинского вопроса «кто - кого?» в пользу социализма без соответствующей экономической и социальной базы, включая сюда механизм заинтересованности работника в труде, проблему собственности, организации управления производством.

Отсюда, в-третьих, экономической основой «нового» социализма должны выступать такие формы собственности, которые дают более высокую эффективность производства и более высокие стимулы к труду, чем господствующие в современном буржуазном обществе. Это возможно лишь при органическом соединении личного и общественного интереса, преодолении отчуждения работника (труженика) от средств производства и управления предприятием. То есть речь идет фактически о формах собственности, преодолевающих наемничество. Новое видение социализма не отрицает многообразия форм собственности, но при этом должны поощряться прежде всего те формы собственности, которые раскрепощают человека, превращая его из бесправного наемника в хозяина своего труда и его результатов.

Как уже отмечалось, критические марксисты всегда считали, что собственность, прежде всего, экономическая форма развития производительных сил. Если она стимулирует развитие этих сил, она исторически оправдана. Например, если преждевременно ликвидируется частная собственность, которая стимулирует развитие производительных сил, то общество, как правило, идет к стагнации. Но то же самое происходит и с непродуманной приватизацией госсобственности. Сейчас Россия по показателям удельного веса частной собственности впереди планеты всей. Не отсюда ли перебои с электричеством, с нехваткой горючего в сельском хозяйстве и угля в северных районах, массовые отравления алкоголем и т. д.?

В-четвертых, следует осознать, что «новый» социализм по своей гуманистической природе не может не быть «социализмом экологическим», т.е. активно внедряющим на национальной и мировой арене создание благоприятной среды обитания человека и человечества.

Подлинные социалисты всегда отличались тем, что отстаивали интересы не только «близких», но и «дальних». Интернациональная сущность «нового» социализма буквально требует активного вмешательства в вопросы предотвращения «ядерной войны», заражения окружающей среды техническими отходами, создания безопасной атмосферы и т. д. В этом смысле сторонники «нового» социализма должны быть открыты для сотрудничества со всеми общественно-политическими движениями, заинтересованными в сохранении здоровой окружающей среды обитания.

В-пятых, «новый» социализм – это социализм, отдающий приоритет человеку труда, его свободному и всестороннему развитию. В отличие от «старого» он должен не только возродить доступную для абсолютного большинства общества мощную социальную сферу, но и придать ей новое качество, ориентированное на конкретно человека. И здесь не грех поучиться постановке социального дела у некоторых развитых капиталистических государств и, прежде всего, находящихся в Западной Европе, например у Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии и др., где накоплен соответствующий положительный опыт решения жилищной проблемы, здравоохранения, пенсионного обеспечения и других систем социальной защиты населения. Когда-то «реальный социализм» в СССР своими социальными программами заставил буржуазный мир открыться социальной проблематике. Теперь не грех российским левым этому поучиться у него.

В-шестых, в рамках «нового» социализма должна быть заложена широкая демократизация общества, начиная с элементов производственного и территориального самоуправления и кончая участием людей в решении общезначимых государственных проблем. Пора понять, что социализм сам по себе, автоматически, не дает демократии, тем более рабочей демократии без наследования широкого и разнообразного опыта демократических преобразований, развившихся в странах Запада, в том числе под влиянием классовой борьбы рабочих за свои экономические и политические права.

В этой борьбе все чаще принимают участия новые силы и движения, непосредственно не связанные с формальным подчинением труда капиталу. Это, как правило, люди занятые социально-творческой деятельностью, участвующие в альтерглобалистском движении, создающие некапиталистические формы «экономики солидарности», «демократии участия» и т. д. В этих новых формах и движениях все чаще проглядывают черты будущего подлинно свободного общества, в котором с неизбежностью будет преодолено глубокое социальное отчуждение трудящихся, органически присущее современному глобальному корпоративному капитализму.

Для новых социалистов и социал-демократов не может быть никаких политических и идеологических шор, мешающих выражать наиболее адекватно интересы трудящихся. Опыт парламентской борьбы, наличие политического и идеологического плюрализма, осуществление свободы слова и совести рассматривается ими как естественные параметры жизни современного цивилизованного общества, расширяющие возможность влиять на людей и вести их за собой.

Хочется подчеркнуть, что сторонники нового видения социализма отбрасывают субъективистское и вульгарное понимание партийности, как автоматическое следствие принадлежности к рабочему классу. Для них партийность есть результат строго научного анализа действительности и связанного с ним понимания интересов трудящихся в различные исторические моменты их деятельности. В этой связи, теория нового социализма предполагает в духовной жизни партии и общества живую конкуренцию научных идей и полный отказ от догматизма и схоластики. Главными своими ценностями новые социалисты и социал-демократы считают свободу, справедливость, равенство, гуманизм и солидарность. Здесь свобода понимается как власть человека над обстоятельствами и отношениями, как свобода от эксплуатации и угнетения одних людей другими; справедливость - как справедливое распределение общественного богатства, средств труда и власти; равенство – как равенство прав и возможностей человека; гуманизм - как основу человеческих взаимоотношений, как главный ориентир и критерий политики государства; солидарность – как взаимоподдержка и взаимопомощь людей труда, всех угнетенных наций и народов.

Наконец, в-седьмых, общество «нового» социализма – это общество, открытое внешнему миру, входящее в живой обмен товарами, людьми и идеями со все-

ми другими обществами и государствами. Сторонники «нового социализма», оценивая объективные процессы глобализации и интернационализации мирового хозяйства, считают, что они могут использоваться как во благо людей, так и во вред им. Они выступают за такой мировой порядок, который базируется на демократических началах, учитывающих интересы всех стран и народов, где сбалансированы не только разные полюса геополитических сил, не только интересы транснациональных монополий, но, прежде всего, интернациональные интересы людей труда.

Замкнутость, изоляция от внешнего мира, как показал прошлый опыт развития СССР и стран Восточной Европы, может привести только к стагнации и консервированию негативных сторон общественной жизни. Социализм, в конечном счете, всегда был и остается интернациональным явлением, результатом деятельности людей различных национальностей, рас и конфессий. «Новый» социализм всегда сохраняет свою генетически интернациональную сущность, что определяет его соответствующую национальную политику, которая базируется на идеалах равноправия всех народов и этносов, на солидарности трудящихся независимо от их национальной, расовой и конфессиональной принадлежности.

Практический опыт существования «старого» советского социализма показал, что потери им своей социальной базы с неизбежностью ведет его к гибели. В этой связи встает вопрос, на какую социальную силу должен опираться и какой политики должен придерживаться «новый» социализм?

О социальной базе и политике левых демократических сил

Опыт истории свидетельствует, что ни капитализм, ни «государственно-бюрократический социализм» не ликвидируют наемный труд и потому они весьма далеко отстоят от конечного идеала социалистического общества, связанного с преодолением наемного рабства. Отсюда становится понятным, что главной опорой движения за «новый» социализм в России должны стать, в основном, люди наемного труда. К ним относятся не только рабочие и крестьяне, продающие свою рабочую, но и громадный корпус инженеров, научных работников, представителей творческих профессий, деятелей системы здравоохранения и культуры, специалистов, связанных с электронной и иной новейшей техникой, одним словом, речь идет о громадном слое интеллигенции, которая ранее в прежних концепциях соци-

ализма исключалась из состава рабочего класса. В тоже время, эти социальные слои современного общества, продавая собственникам средств производства свои знания и творческие способности, на деле часто подвергаются большей эксплуатации, чем ряд представителей физического труда.

Конечно, современные социалисты и социал-демократы не должны игнорировать традиционные слои рабочего класса: шахтеров, металлургов, энергетиков, машиностроителей, миллионов так называемых «гастарбайтеров», которые сегодня во многом оказались в идейно-политическом вакууме (как известно, коммунисты-державники часто обходят эти слои рабочего класса стороной). В то же время все они являются объектом разрушительных неолиберальных реформ, превращающих многих представителей рабочего класса либо в потенциальных безработных, либо в людей хронически не получающих заработную плату.

Особый интерес для социалистов представляет молодежь и, прежде всего, учащиеся. Они сегодня практически не могут существовать на те мизерные пособия и стипендии, которые им предлагает государство. Вынужденные довольствоваться случайными заработками, эта часть общества становится наиболее социально уязвимой: после окончания учебы она сталкивается с тяжелой проблемой занятости, разлагающим влиянием улицы и т. п. Отсюда и громадный рост преступности среди молодежи, других видов безнравственности и антисоциального поведения.

Не менее остро сегодня стоит проблема пенсионеров, инвалидов труда и войны, составляющих треть населения страны. Уровень их пенсионного обеспечения в условиях инфляции и постоянного роста цен на продовольствие и коммунальные услуги в стране обрекает их на полуголодное существование и реальную перспективу потери жилья.

Как известно, современная финансовая политика существующего режима власти поставила всех, так называемых бюджетников, на грань нищеты, будь то пенсионер, учитель, врач, инженер или военнослужащий. Все они, осмысливая свое тяжелое положение, тяготеют к идее справедливости и, следовательно, нуждаются в организации, способной выразить их политические интересы. Социал-демократы, демократические левые, движение за «новый» социализм должны стать такими организациями.

Существует мнение, что социалисты и социал-демократы должны выражать интересы не только наемных работников, но и представителей капитала. Думается, что это ошибочная точка зрения. Как показывает опыт выборных компаний в Думу, профсоюзы и партии социалистической и социал-демократической ориентации, пытающиеся в прошлом создавать блоки, выражающие интересы не только труда, но и капитала, терпят сокрушительное поражение. Современные социалисты и социал-демократы должны учесть этот негативный опыт. Максимум, что они могут сделать, это выступить на защиту интересов той части мелкой буржуазии, которая испытывает на себе мощное давление и конкуренцию со стороны крупного национального и компрадорского капитала.

Интересы людей наемного труда, как главной опоры социалистов и социал-демократов, требуют разработки четкой социально-экономической политики. Такую политику условно можно разделить на два направления: первое, связанное с непосредственными задачами выведения страны из общего кризиса; второе, связанное с более отдаленной перспективой, с конечными стратегическими целями социалистического движения.

В рамках первого направления социалисты должны полностью отказаться от неолиберального монетаристского курса осуществления нынешних реформ, по сути дела, разрушающих отечественную экономику. Первый глобальный кризис это наглядно показал. Необходимо разработать новый курс подъема национальной экономики, опирающийся на исторический опыт стран, переживших у себя аналогичную кризисную ситуацию. Прежде всего, имеется ввиду программа, аналогичная новому курсу Рузвельта, обеспечившего выход США из кризиса 30-х годов, или послевоенной программе восстановления экономики Германии и Японии. В этом же русле следует перенять позитивный опыт и современных экономических преобразований, проводимых коммунистами в Китае. России нужна не монетаристская концепция перераспределения общественного богатства, а концепция, делающая упор на развитие промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны, расширение внутреннего рынка, увеличения товарной массы за счет роста производительности труда. Одним словом, новые социалисты и социал-демократы нуждаются не в идеях Хайека и Фридмана, а в поздних идеях Ленина и Дэн Сяопина.

Прежде всего, необходимо сохранить от новой волны приватизации ту часть государственного сектора, который определяет научно-технический прогресс общества и безопасность государства. Социалисты и социал-демократы и их левые союзники должны последовательно выступать за многообразие форм собственности в сфере производства товаров народного потребления и оказания услуг населению. Они должны отстаивать такую приватизацию средств производства, которая передает промышленные и иные предприятия в собственность самим трудовым коллективам. Международный опыт показывает, что предприятия с собственностью работников нередко более эффективны, чем государственные или частные предприятия.

Жертвы советского народа, принесенные на алтарь создания «реального социализма» в прошлом, не должны пропасть даром. При этом вовсе не обязательно снова возвращаться ко временам первоначального «дикого капитализма» и поголовному господству частнокапиталистической собственности. Не надо бояться передавать предприятия тем, кто на них работает. Только в этом случае можно заложить реальные предпосылки экономической демократии, как составной части будущего демократического социализма.

Необходимо возродить в России производственную и потребительскую кооперацию. В целях сокращения, а затем и ликвидации безработицы, сторонникам «нового» социализма необходимо добиваться реализации тех крупных социальных программ, которые связаны со значительным расширением транспортной инфраструктуры общества (строительство дорог, мостов, общественных сооружений и т. п.), стимулированием жилищного строительства, созданием мелких и средних предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, выпуском товаров широкого потребления. Следует дать вторую жизнь предприятиям ВПК, сориентировав их на создание технологий и продукции двойного назначения (военного и гражданского).

Нужна такая финансовая политика, которая бы стимулировала развитие промышленности и сельского хозяйства. В рамках этой политики необходима льготная система налогов для вновь создаваемых предприятий, строительного и сельскохозяйственного производства. В последнем случае нужна система налогообложения, аналогичная нэповским временам.

Что касается стратегических целей в развитии экономики, то современные социалисты и социал-демократы должны добиваться в перспективе создания такой технологической базы, которая сможет окончательно вытеснить тяжелый физический труд из сферы общественного производства, заменив его на такие виды всеобщего труда, как деятельность новаторов, изобретателей, ученых и других творческих профессий. Как уже говорилось, успехи России невозможны без развитием постиндустриальных и информационных технологий, автоматизации и роботизации производств.

Свою конечную цель в экономическом развитии общества все левые силы должны связывать с ликвидацией наемного труда и превращением всех тружеников в хозяев производства. Левые силы должны добиваться преодоления социальной поляризации общества, как и раньше отстаивать право каждого человека на труд, его своевременную и справедливую оплату, право на отдых и обеспеченную старость. Что касается социальной защиты населения, то следует восстановить те элементы советской системы, которые положительно зарекомендовали себя в прошлом, а именно: доступное и дешевое жилье, практически бесплатное образование и медицинское обслуживание, развитие широкой сети детских садов, летних лагерей труда и отдыха, эффективную охрану материнства и детства.

Как же прийти к обществу «нового» или «демократического социализма» в России? Как известно, есть всего два самых общих метода изменения общественных отношений в мире. Это метод постепенных реформ, то есть эволюционный метод и метол революционный. Вместе с тем, не следует забывать, что любая эволюция содержит в себе элементы революции, а любая революция имеет в себе элементы эволюции. Эти два метода часто путают с такими формами социальных изменений как вооруженная и мирная. Как известно, на Западе больше прижились эволюционные процессы и мирные формы социальных изменений. В России, напротив, всегда социальные изменения протекали в форме революций и контрреволюций, при этом нередко осуществлявшихся в крайне насильственных формах: вооруженное восстание, гражданская война, военные мятежи и т. п. Многие отечественные политики и идеологи из этого сделали вывод, что русский народ устал от революций и войн. Мне кажется, что подобные рассуждения не имеют под собой научной почвы. Что такое революция? Это смена классов у власти. Она может проходить мирно и постепенно, а может насильственно и быстро. Это зави-

сит от общего социального состояния общества, соотношения политических сил и политической культуры масс.

Если общество социально поляризовано, если в нем происходит обнищание большинства населения, если в нем творится политический и правовой беспредел, если зашкаливает уровень коррупции государственных служащих, и если верхи с этими проблемами не могут справиться – жди революции! Следует также учитывать, что революции не происходят по заказу вождей и партий, а являются стихийным явлением, возникающим по любому поводу: не дали вовремя зарплату в стране, не подвезли хлеба, забыли дать свет и тепло, то есть все то, что у нас происходит каждый день, но пока только на местном уровне.

Есть единственный способ избежать революций – это своевременное решение возникающих социально-экономических, национальных и политических проблем. Решением их и должны повсеместно заниматься как правящие, так и оппозиционные политические партии. Подобный опыт имеется у западной социал-демократии: перенять его не зазорно, и даже нужно. Но эффективное его использование возможно только тогда, когда отечественные социалисты и социал-демократы сами станут влиятельной политической силой.

Повторим, наемные труженики, составляющие подавляющую часть населения страны в условиях господства олигархического капитала наиболее подвержены дискриминации. Отсюда их протестные голоса нередко отдаваемые за представителей КПРФ. Вместе с тем большинство представителей наемного труда, включая учителей, врачей, научно-технической интеллигенции и квалифицированных рабочих не ассоциируют свои политические взгляды со взглядами традиционных коммунистов, которые до сих пор никак не могут выйти из «сталинской» шинели. Им ближе всего социалистические и социал-демократические идеи и ценности, оправдавшиеся международным опытом.

Вместе с тем, современные социалистические и социал-демократические организации и движения только тогда могут стать влиятельной политической силой, если они сумеют овладеть современными средствами массовой информации и коммуникации, если добьются доступа к телевидению, если сумеет создать общенациональную газету, продвигающую левые идеи в широкие народные массы, включая современную молодежь.

При этом нужно хорошо понимать своеобразие нынешних молодых людей, которые буквально живут в Интернете и созданных им социальных сетях. Они никогда не поверят партийному пропагандисту, догматически излагающему идеи своей организации. Только читая и участвуя в политических дискуссиях, они смогут сформировать свое собственное мировоззрение. Только в котле коллективной идейной работы, где постоянно будет «вариться» творческая социалистическая и социал-демократическая мысль, может появиться действенная программа партии, которую смогут поддержать миллионы российских избирателей.

Аббас Галлямов. Социализм возвращается и готов побеждать[1]

Главным итогом только что прошедших выборов в Великобритании стал успех находящейся в оппозиции Лейбористской партии. На старте кампании эксперты предсказывали, что она потеряет около тридцати мест в парламенте, вместо этого лейбористы эти тридцать мест выиграли. Для их лидера Джереми Корбина это было крещением огнем — первые выборы в качестве партийного руководителя.

Корбин — классический социалист, который считает, что партии надо сдвигаться влево — туда, откуда она была выдавлена в начале 80-х Маргарет Тэтчер. Он выступает за национализацию многих секторов британской экономики, поэтому партийный ареопаг недолюбливает его и называет «радикалом». Лидером Корбин стал два года назад вопреки желанию истеблишмента и исключительно благодаря массовой поддержке рядовых активистов.

Одним из первых с победой Корбина поздравил американец Берни Сандерс — еще один политик, называющий себя социалистом и требующий перераспределения национального богатства в пользу бедных. Год назад, выиграв предварительное голосование Демпартии почти в половине штатов, он стал главной сенсацией американских выборов. Лишь ценой невероятных усилий Хиллари Клинтон удалось тогда захватить партийную номинацию. Чем это закончилось, все помнят: разочарованные демократические избиратели остались дома, и на основных выборах победил республиканец Трамп. Очень многие считают, что если бы в финале Трампу противостоял Сандерс, то победу одержал бы именно последний.

Американские социологи фиксируют рост популярности левых идей. Среди молодежи социализм уже опережает капитализм. Два года назад исследование Гарвардского университета показало, что положительно к социализму относятся 49 процентов молодых людей в возрасте до 29 лет. Симпатии к капитализму тогда продемонстрировали лишь 42 процента. Это самый высокий рейтинг социализма за всю историю исследований. Корбин своим успехом тоже обязан молодежи. По сравнению с предыдущими выборами явка среди избирателей 18–24 лет выросла в Англии с 43 до 69 процентов — именно они и принесли победные голоса лейбористам.

1 Оригинал статьи: «Московский комсомолец», 21 июня 2017.

В качестве важной причины роста интереса к социализму в своих странах западные эксперты называют тот факт, что он перестал быть «идеологией врага». Строившего социализм Советского Союза нет, а Россия в смысле общественной формации от Запада ничем не отличается. Эта логика применима и в обратном направлении. Популярность социализма в Европе и Америке обязательно привлечет внимание к нему в России. Помешать этому могли бы напряженные отношения между нами, однако дело в том, что многие западные политики-социалисты относятся к России совсем иначе, чем традиционный истеблишмент этих стран. Корбин, например, считает расширение НАТО на Восток провокацией, которая и привела к росту напряженности между нами и Западом. Вину за присоединение Крыма он возлагает на лидеров западного мира, заявляя, что именно они спровоцировали этот шаг России. Главной проблемой американской внешней политики Корбин называет то, что проводится она в интересах американского капитала, — точка зрения, которую многие российские либеральные мыслители по привычке считают маргинальной и которая, напомню, недавно завоевала поддержку британских избирателей.

Одной из важных особенностей «нового социализма» является его респектабельность. Идеологию классового конфликта заменила идея сотрудничества классов. Поэтому за социализм сейчас голосуют не только бедные, но и богатые. Только что в Лондоне, например, впервые в истории свой голос за кандидата от лейбористов отдал Кенсингтон — самый богатый округ страны, да, пожалуй, и всей Европы.

В год юбилея российской революции стоит вспомнить, что в 1881 году, обращаясь к французским социалистам, Карл Маркс писал, что, используя демократические институты, рабочий класс в принципе может взять власть мирным путем. Зафиксировав этот тезис и избавившись от имиджа «радикалов», российские сторонники социалистической идеи могут значительно пополнить свои ряды.

Важнейшая особенность левой идеи — ее нацеленность в будущее. Не в том смысле, что ее не интересует сегодняшний день — конечно, интересует. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на результаты правления, например, шведских социалистов, сумевших добиться для своей страны высочайшего уровня жизни и высочайшего же уровня социального равенства. И тем не менее повторюсь: главное, что отличает социализм, — это не решение проблем, которые капи-

тализм решить не в состоянии, а ориентация на завтрашний день. Капиталист занят обустройством настоящего, социалист — строительством будущего. Капиталист эксплуатирует имеющиеся общественные институты, он работает со статус-кво; социалиста текущее положение дел не устраивает. Он хочет улучшения.

В этом подходе кроется серьезный потенциал. Потому что сейчас с планированием будущего у жителей России большие проблемы. Они не верят в завтрашний день и не хотят думать о нем. Согласно опросам социологов из «Левада-Центра», без малого половина жителей страны (46%) «не знают, что будет даже в ближайшие месяцы», еще треть (33%) может планировать лишь «на 1–2 года вперед». И только 5 процентов населения способны строить планы «на много лет вперед». Не так давно руководитель Всероссийского центра изучения общественного мнения Валерий Федоров очень хорошо описал проблему в своем интервью: «Мы боимся будущего… Мы не считаем, что завтра будет лучше, чем сегодня. Будущее повернулось к нам своей темной стороной. Будущее, как выяснилось, — это не прекрасные технологии, не красивые авиалайнеры или электромобили… Будущее — это потоки беженцев, теракты, странные вероучения, безработица, пугающее разнообразие, ситуация, когда твои навыки оказываются никому не нужны…»

Конечно, эта бесперспективность угнетает, и люди были бы рады вновь обрести уверенность в завтрашнем дне. Три года назад Крым вдохнул в россиян надежду: тогда казалось, что еще чуть-чуть — и все будет хорошо. Теперь эта надежда греет все меньше. Крым наш, но к экономической стабильности и росту уровня жизни это не привело. Скорее наоборот. Люди вновь разочарованы. Их опять лишили будущего. Социализм, с его верой в завтра, может заполнить этот вакуум. Так же, как он делает это сейчас в Европе и Америке.

Когда ты обсуждаешь с избирателями идеологические проблемы, ты часто слышишь: «Идея социализма нам, конечно, нравится, но ведь ее время вышло. Это идеология вчерашнего дня». На самом деле не все так просто, и успех Корбина с Сандерсом это подтверждает. Если российские левые сфокусируются на этих примерах, то сумеют объяснить избирателю, что смена формации — это не разовый акт, а длительный процесс со своими приливами и отливами.

Социализм начал набирать силу чуть больше ста лет назад — во второй половине XIX века. До конца 70-х годов XX века он находился на подъеме: сначала

победа Октябрьской революции в России, затем внедрение его элементов во всех капиталистических странах — посмотрите, например, на Рузвельта и его «новый курс», спасший Америку от Великой депрессии, или на торжество «государства всеобщего благосостояния» в Скандинавских странах.

Затем начался откат. С начала 80-х капитализм перешел в контрнаступление. Три последующих десятилетия стали эпохой торжества неолиберализма. Это было время, когда Рейган, Тэтчер и их последователи по всему миру демонтировали механизмы перераспределения национальных богатств между богатыми и бедными и дерегулировали рынки; когда неравенство, неуклонно снижавшееся в течение нескольких предыдущих десятилетий, вновь начало расти. После распада Советского Союза победа капитализма казалась окончательной. В 2000 году редактор главного марксистского журнала западного мира «Новое левое обозрение» Перри Андерсен признал поражение: «Впервые со времен Реформации в мире больше нет учения, способного противостоять доминирующей идеологии. Каковы бы ни были сложности с практическим воплощением неолиберальных идей, сами они правят миром. Это самая успешная идеология в мировой истории. Никто не сможет бросить ей вызов — по крайне мере до тех пор, пока на Западе не разразится полномасштабный кризис…»

В 2008-м — через восемь лет после этого признания — кризис разразился. Еще через несколько лет социологи стали фиксировать рост симпатий к социализму со стороны населения большинства западных стран. Возможно, Россия — следующая на очереди.

Михаил Котельников. «Отец» русского марксизма против марксистской ортодоксии

Фигура основателя российской социал-демократии Г.В. Плеханова сегодня, как и столетие назад, продолжает оставаться символом принципиального, непримиримого и в то же время теоретически состоятельного оппонирования большевизму. Однако вплоть до сегодняшнего дня в отечественной историографии марксизма традиционно воспроизводится обвинение Плеханова в пресловутом «догматизме», которое служит все тем же несмываемым ленинским «клеймом». В качестве примера достаточно обратиться к одному из новейших и наиболее фундаментальных биографических исследований, выполненных С.В. Тютюкиным. По мнению автора данной статьи, пафос всей теоретико-политической деятельности Плеханова сводится, по существу, к решению столь актуальной для современной России проблемы формирования гражданского общества. Однако, отдавая должное Плеханову как выдающемуся марксистскому теоретик и политику, требуется, разумеется, объяснить и причины его прижизненного поражения в диалоге с большевизмом.

Проявившаяся в «русификации» интернациональная сущность марксизма свидетельствовала о включении России в общеевропейский революционный процесс, что позволяло окончательно преодолеть ее многовековую социокультурную обособленность от Запада. Уже в самом факте создания осенью 1883 г. по инициативе Г.В. Плеханова первой марксистской (зарубежной) организации – группы «Освобождение труда» - прослеживается парадоксальная логика обращения народничества в марксистскую «веру». Но объективная трудность в распространении марксистских идей была связана с экстраполяцией российскими марксистами тезиса о близком крахе капитализма и переходе к социализму, тогда как в России речь могла идти лишь об устранении остатков средневековья и беспрепятственном развитии товарно-денежных отношений.

Историческая заслуга Плеханова состоит именно в том, что ему удалось, оставаясь верным научному потенциалу марксизма, преодолеть поистине роковое заблуждение «нигилистически» мыслящих российских ортодоксов, коренящееся, по словам Н.А. Бердяева, в *плохом понимании* «ступенности исторического процесса».

Сегодня, в канун столетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, особенно проникновенно и убедительно звучат те взвешенные оценки и предостережения, которые Плеханов адресовал Ленину и российскому ортодоксальному марксизму в целом. В ретроспективе мы, действительно, имеем все основания утверждать, «что в России, - как отмечает в этой связи американский историк и биограф Плеханова С. Бэрон, - по иронии судьбы, успешная революция создала непреодолимые препятствия для успешного построения нового общества. Трудно найти другое великое историческое событие, которое несло бы в себе больше противоречий, чем российская революция 1917 г.[1]»

С утверждением большевистской диктатуры и последовавшим вскоре уходом Г.В. Плеханова из жизни на долгие семь десятилетий прервалась история российской социал-демократии. Не удивительно поэтому, что в советский период жизнь и деятельность его не только в политической, но и в библиографической литературе освещались весьма скупо и тенденциозно. Но даже с учетом принципиальных изменений в идеологическом формате на протяжении четвертьвекового интервала, отделяющего нас от развала Советского Союза, таких исследований предпринято крайне мало. Это обстоятельство фиксирует автор монографии «Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста» С.В. Тютюкин.[2] Он справедливо подчеркивает, что «уже давно назрела потребность в новом, современном прочтении биографии Плеханова», которое он, собственно, и предлагает.

---

1 Бэрон С. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 127

2 Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 14. См. также: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. Наряду с данными авторами тему плехановедения в послесталинский период разрабатывали историки Ю.З. Полевой, Г.С. Жуйков, Р.В. Филиппов, философы Б.А. Чагин, И.К. Пантин, Г.Г. Водолазов, М.А. Лившиц и др. С начала 90-х гг. выходят работы: Бережанский А.С. Г.В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990; Коротаев Ф.С. Плеханов. Человек и политик. Пермь, 1992; Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994; кроме того появился ряд публикаций И.Н. Курбатовой, С.С. Волка, Т.И. Филимоновой.

Фиксируя смену политических ориентиров в интерпретации теоретического наследия Плеханова, С.В. Тютюкин замечает, что «перестройка» принесла с собой позитивный «лавинообразный процесс разрушения старых идеологических стереотипов и мифов, отказ от идолопоклоннического отношения к Ленину, радикальное изменение взглядов на марксизм, революцию, социализм…»[1] Вместе с тем, хотя «сначала его акции как политического противника Ленина и большевиков резко пошли вверх», в постсоветский период волна интереса к нему, достигнув своего апогея, приняла одностороннюю просветительско-патриотическую окраску и пошла на убыль в связи с «полным отрицанием нашего революционного прошлого и очернением марксизма». Разумеется, Плеханов и сегодня котируется как «провозвестник краха большевизма и критик ленинизма», но при этом из конъюнктурных соображений зачастую подается исключительно в облике «убежденного реформиста».

Тютюкин справедливо возражает против того, чтобы видеть в Плеханове политического деятеля, якобы разочаровавшегося в революции, с искренней симпатией воссоздает летопись его разносторонней и чрезвычайно насыщенной интеллектуальной и политической биографии. Однако после прочтения книги остается впечатление того, что «отец» русского марксизма так и не понял чего-то весьма существенного как в самом учении, так и в решении «проблемы… специальной адаптации марксизма к специфическим условиям России». Последней, как полагает автор, «для Плеханова *практически не существовало*[2]».

Камень преткновения для российских марксистов

Вряд ли можно согласиться с тем, что Плеханов, будучи, несмотря на нападки своих оппонентов, и официальным, и подлинным основателем российской социал-демократии, обошел стороной вопрос, имеющий для нее *первостепенное* значение. Решение его, в свою очередь, непосредственно зависело от оценки процесса разложения крестьянской общины, – процесса, историческую неизбежность которого Плеханов *вынужден был* признать под давлением неопровержимых фактов. По воспоминаниям его супруги, Р.М. Плехановой, «казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается

1 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 12.
2 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 368. Курсив мой. – М.К.

она или нет, являлся для него *вопросом жизни или смерти*[1]». (Курсив мой. – М.К.) Расставшись с народническими надеждами на спасительную роль общины и на возможность движения России по некапиталистическому пути, Плеханов, таким образом, прошел через фазу мучительных размышлений на этот счет, чего нельзя сказать о траектории теоретических изысканий Ленина. В отличие от Плеханова, он считал не заслуживающей внимания, *надуманной* даже саму *постановку* народниками проблемы «самобытности» России.

Написанная Плехановым в 1884 г. работа «Наши разногласия» явилась первой в российской социалистической литературе, где был дан марксистский анализ состояния экономики пореформенной России. Немногим более 10 лет отделяют ее от ленинской книги «Развитие капитализма в России», сопоставимой как в содержательном отношении, так и по значимости в идейно-теоретическом становлении обоих марксистов. Это касается прежде всего, разумеется, осознания перспектив набирающего обороты процесса капитализации. Не разделяя уже народнических представлений «о крестьянстве вообще, как о чем-то, - по выражению Ленина, – *антикапиталистическом*», Плеханов, вместе с тем, избегает и проявившейся впоследствии полемической крайности ленинского тезиса о том, что «русское общинное крестьянство – *не антагонист капитализма*, а, напротив, *самая глубокая и самая прочная основа его*». Если Ленин списывает в разряд заведомо обреченных на исчезновение все без исключения «традиции патриархального быта» и «общинного духа», то у Плеханова мы находим, по крайней мере, *зачатки дифференцированного отношения к общине*.

Между тем, вся история постановки и решения аграрно-крестьянского вопроса в России пореформенного периода свидетельствует о том, что он, имея первостепенное значение, явился, тем не менее, «самым слабым звеном» в логически выстроенной системе российского марксизма. Плеханов в этом отношении не составляет исключения. Приходится с сожалением констатировать, что, будучи, без сомнения, истинным патриотом своего Отечества и выгодно отличаясь от Ленина гораздо меньшей *идеологической* одержимостью и, соответственно, большей последовательностью и принципиальностью в сложнейших *теоретических* вопросах (в том числе глубокими знаниями в области

1 Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». М-Л., 1928. Сб. 6. С. 94. Курсив мой. – М.К.

социальной психологии, позволяющей учитывать и особенности российской ментальности), он, несмотря на весь этот набор ценнейших интеллектуально-нравственных качеств, так и не сумел разобраться в некоторых важных нюансах специфики развития аграрного сектора российской экономики с точки зрения его социалистической перспективы.

Констатируя наличие тенденции к разложению общины, сдерживавшей инициативу и предприимчивость своих членов, российские марксисты, казалось бы, решительно порывали с традиционной народнической идеологемой об «особом» пути развития России. Но при этом, как ни парадоксально, они вовсе не приближались к истине. Лишенные диалектического подхода, эти представления также не улавливали в полной мере того, о чем свидетельствовали «новые явления в хозяйственной жизни», ибо строились на доказательстве преимуществ *западной* модели рыночных отношений в сельском хозяйстве, отнюдь не созвучной настроениям основной массы крестьянства.

Все дело в том, что «врастая» в капитализм, крестьянская община как *тип коллективной самоорганизации* не просто «разлагалась», *бесследно* исчезая под натиском классовой борьбы между сельской буржуазией и пролетариатом, а вступила, выражаясь диалектическим языком, на путь *самоотрицания*. В условиях все более ощутимой, как писал Ленин, «власти денег» и «полной зависимости от рынка» освобождаемое от «оков общины» российское крестьянство, благодаря стихийно возникшему процессу кооперации, (не принимаемому в расчет ни Плехановым, ни Лениным), достаточно органично *адаптировалось* к ним, сохраняя «общинный дух» и одновременно переходя к качественно *иному* этапу в реализации коллективистского *принципа соединения труда и собственности*.

Можно сказать, что в многообразии форм кооперированного российского крестьянства возникали ростки, *аналогичные* возникшим еще при жизни Маркса в развитых странах Запада и упоминавшимся им в «Капитале» «кооперативным фабрикам рабочих». И если там они были, по словам Маркса, «*первой брешью*» в капиталистическом способе производства, но явлением именно по этой причине, мягко говоря, совсем не типичным, то крестьянская кооперация, достигшая в России поистине впечатляющих масштабов, имела значительные шансы превратиться в растущий и весьма перспективный *социально-экономический*

уклад с отчетливо выраженными *социалистическими* очертаниями. По отношению к «первобытному аграрному коммунизму», о котором писал Плеханов, - помогающему российскому «непосредственному производителю» *выжить* физически, но создающему препятствия для его *всестороннего развития*, - это была следующая ступень в эволюции коллективизма, та самая его социалистическая форма, в облике которой народникам удалось разглядеть лишь ее *однозначное противопоставление* капитализму (момент отличия).

Россия не могла, конечно, «перескочить» к социализму, минуя *развитую* (индустриальную) ступень капитализма, как полагали российские ортодоксальные марксисты. Но, устранив «централизованный деспотизм» царского режима в феврале 1917 г. и располагая в аграрном секторе *смешанной* экономики *жизнеспособным* и перспективным укладом в виде кооперированного крестьянства, она способна была, сохраняя и *расширяя* сферу его влияния, демонстрируя очевидные преимущества коллективной собственности и в сфере промышленного производства, создать все необходимые предпосылки для прорыва в индустриальное общество и *последующего* перехода к социализму.

Ближе всего к теоретической разработке этого варианта модернизации России приблизились в своем аграрно-индустриальном проекте легальные марксисты. В этой связи примечательна, в частности, позиция М.И. Туган–Барановского, книга которого «Социалистические основы кооперации» пользовалась заслуженной популярностью. Будучи известным историком и экономистом, он возглавлял журнал «Вестник кооперации», с 1908 г. был одним из руководителей «Комитета сельских и ссудо-сберегательных товариществ», принимал участие в кооперативных съездах, в организации кооперативных институтов в Москве и Киеве.

Что касается Ленина, он пришел к пониманию колоссального потенциала кооперации тогда, когда в результате политического переворота и кровопролитной трехлетней гражданской войны была установлена однопартийная административно-командная система с ее мощнейшим бюрократическим аппаратом. Сконструированная на основе всеохватывающей государственной собственности, она не оставляла места для полноценной *коллективной* собственности самих трудящихся. Достаточно в этой связи сколько-нибудь внимательно ознакомиться с трудами известных российских ученых-аграрников,

чтобы прийти к выводу о том, что ленинский кооперативный план в условиях политического монополизма большевиков (т.н. «диктатуры пролетариата») был заведомо нереалистичным, т.е. попросту *contradictio in adjecto* (противоречие по определению).

Превратившись вскоре после II съезда РСДРП (1903г.) в теоретического и политического оппонента Ленина, Плеханов, в отличие от него, *подчиняет* содержащийся в учении основоположников революционный радикализм теоретически безупречной логике материалистического понимания истории. Вместе с тем, он также не обратил внимания ни на отмеченный Марксом феномен уничтожения противоположности между капиталом и трудом в пределах «кооперативных фабрик самих рабочих» (глава «Роль кредита в капиталистическом производстве» в «Капитале»), ни на растущее кооперативное движение крестьянства в самой России. Более того. С именем Плеханова связана, как известно, история таинственного исчезновения ответа Маркса на письмо В.И. Засулич от 16 февраля 1881 г., где перспектива эволюции крестьянской земледельческой общины напрямую увязывается с «кооперативным трудом, организованным в широком масштабе». Как бы то ни было, не может вызывать сомнения то, что Плеханову была доподлинно известна неведомая Ленину точка зрения Маркса на русскую общину и кооперацию как *оптимальное* направление ее эволюции. Конечно, в алгоритме сформулированной Засулич *альтернативной* постановки вопроса - община *или* капитализм - Маркс высказывается в пользу ее сохранения. Но при этом, указывая на задачу создания «для нее нормальных условий на ее *нынешней основе*», он имеет в виду не ее *консервацию* (как ошибочно истолковывал, очевидно, этот тезис Плеханов), а только «первый шаг», совпадающий, по его словам, «с общим движением русского общества».

При условии нейтрализации «непроизводительных посредников» и получения «нормального количества земли для возделывания» (чего последовательно добивались сами российские крестьяне, народники, а затем и эсеры как выразители их интересов, выступая с требованием ее социализации), расширение масштабов крестьянской кооперации и означало, по мысли Маркса, «дальнейшую эволюцию» земледельческой общины. Даже при отсутствии

благоприятных условий «община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств».[1]

Проблема противоречивости марксизма и алгоритм ее решения Плехановым

Не продвинувшись, таким образом, в целом дальше Ленина в понимании вектора исторического движения общинного крестьянства, а в вопросе о целесообразности национализации земли даже отступив от этого рубежа, Плеханов точно также не выявляет в марксизме и концепта его ***основного противоречия*** (в диалектическом формате *несовпадения* «духа» и «буквы»). При этом в его работах мы находим предельно отчетливые формулировки «духа» марксизма (как диалектической методологии), а также многочисленные иллюстрации соответствующего применения в конкретных вопросах теории и на практике..

Указывая на это обстоятельство, С.В. Тютюкин полагает, что «*внутренние противоречия* были *хорошо прикрыты* блестящими *логическими* построениями Маркса, которые *буквально ослепили* Плеханова».[2] (Курсив мой. – М.К.) Однако феномен «ослепления» если и объясняет отчасти причину «популярности марксизма» (наряду с тем, «что в то время он еще нигде не был испробован на практике»), то, во всяком случае, такое объяснение нельзя признать *исчерпывающим*, не говоря уже о том, что природу самих «*внутренних противоречий*» биограф Плеханова явно усматривает в их формально-логическом происхождении. Примечательно, однако, то, что, по его словам, Плеханов, «в отличие от Каутского,.. был убежден, что Бернштейна совершенно *не за что благодарить* и на его *ереси* нужно поставить крест, чтобы другим неповадно было *выискивать в марксизме противоречия* и «узкие» места, подрывая тем самым *веру* пролетариата в грядущую победу».[3] (Курсив мой. – М.К.)

Сущность сформулированного Бернштейном «расхождения» между идеологическим и научным аспектами марксистской теории Плеханов списывает,

1 Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2003. С. 14 –15.
2 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 82.
3 Там же. С. 160.

руководствуясь в данном случае «общим правилом» всех *ортодоксальных* марксистов, не на «какую-нибудь серьезную теоретическую потребность», а на сугубо «практическую цель», оправдывающую в глазах «критиков» «все теоретические средства: побороть или хотя бы только ослабить… революционную тенденцию передового пролетариата».[1] В предисловии к третьему изданию работы Энгельса «Развитие научного социализма» он обращает внимание на то, что при жизни Энгельса эта проблема еще не была актуализирована. Справедливости ради следует, однако, заметить, что наличие **основного противоречия** в марксизме не было тайной для его либеральных критиков уже в тот период, когда вышла в свет его собственная, первая по счету марксистская работа (октябрь 1883г.) «Г. Плеханов, – писал о брошюре «Социализм и политическая борьба» в рецензии, помещенной в эмигрантском журнале «Общее дело» А.А. Христофоров, – горячо и красноречиво убеждает русских социалистов усвоить себе принципы «научного социализма», главного и даже единственного представителя которого он видит в лице Маркса. Нельзя не сочувствовать этим призывам к научности; но *полное отождествление* последней с доктриной Маркса должно вызывать *сильное возражение* в особенности ввиду тех заключений, которые были выводимы у нас из *главных положений* этой доктрины[2]». (Курсив мой. – М.К.).

Как теоретик, Плеханов вполне осознает те преимущества, которые присущи «**диалектике в ее отношении к формальной логике**». Но в той или иной конкретной ситуации данное *соотношение* у него не всегда четко рефлексируется. В частности, доказывая в полемике с Бернштейном принципиальную возможность научного социализма и руководствуясь при этом именно диалектическим методом, он не различает в *противоречии* его *разноплановые* смысловые грани.

Одним из расхожих аргументов, используемых всякого рода «критиками» Маркса, отмечает он, является утверждение, «что наука не может быть ни социалистической, ни буржуазной… Этот довод, – по его словам, – тоже основывается на смешении понятий», ибо то, что, например, «верно в применении к математике, то ошибочно в применении к общественной науке[3]». Естественные

1 См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. II. М., 1956. С. 615.
2 Цит. По кн.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983. С. 103.
3 Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» // Эдуард Бернштейн. Возможен ли научный социализм? «Ответ Г. Плеханова».

науки, конечно, гораздо в меньшей степени подвержены воздействию идеологического фактора, но Плеханов при этом допускает существенную неточность, полагая, что развитием общества (которое является «предметом социологического исследования») «и создается возможность **буржуазной** общественной *науки*, *равно* как и научного социализма». (Курсив мой. – М.К.) Выступая против подобного «уравнивания», либеральные критики в данном случае правы в том отношении, что идеологический аспект теоретического знания нельзя рассматривать в качестве *конституирующего* в структуре и содержании *науки* и, следовательно, дифференциация ее на «буржуазную» и «социалистическую» несостоятельна ни в предметной области математики, ни даже применительно к обществознанию. Это, разумеется, не означает, что идеологическая позиция ученого (а таковая имеет место и тогда, когда он придерживается политического «нейтралитета») никак не сказывается на его научных изысканиях и что математику в этом отношении, как и утверждает Плеханов, можно приравнивать к обществоведению. Верно и то, что «общество проходит в своем развитии **известные фазы, которым соответствуют фазы развития общественной науки**». Однако в том-то и дело, что буржуазная политическая экономия, на примере которой Плеханов иллюстрирует сформулированный тезис, – это не «фаза *развития* экономической *науки*», а лишь *этап в становлении* научного знания в данной области, который в своем классическом выражении *завершается с возникновением марксизма*, где политическая экономия приобретает свой подлинно научный фундамент в виде общетеоретической социологии. По этой причине можно говорить о «буржуазной» политической экономии (имея в виду исторически конкретное *состояние формирующегося* научного знания в этой области в домарксистский период), но нельзя, – о «буржуазной» общественной *науке*. Политическая же экономия социализма, в свою очередь, – не просто «*другая* фаза ее *развития*, непосредственно следующая за нею», как он пишет, а тот *водораздел*, который отделяет подлинно научное и во многом *вненаучное* знание. В современном своем виде теоретическое знание, относящееся к области политической экономии, в той мере, в какой оно реализует *идеологическую* функцию *апологетики* капитализма усилиями западных и отечественных теоретиков-антимарксистов, по-прежнему *ненаучно*, несмотря на то, что политическая экономия, появившаяся как научная

М., 1991. С. 60.

дисциплина с момента возникновения марксизма, обогатилась и собственно *научными* приобретениями, отсутствующими в его «колыбели».

Вместе с тем, если исходить из того, что *буржуазная* общественная *наука* невозможна в принципе (вследствие отсутствия альтернативной марксизму подлинно научной методологии исследования), то этого нельзя сказать о *научном* социализме: прилагательное «научный» по отношению к идейному комплексу, обозначаемому термином «социализм», используется для того, чтобы отличать его от *утопического*, возникшего, как известно, еще до появления буржуазных теорий. Иначе говоря, научный социализм «возможен» *именно постольку, поскольку невозможна* «буржуазная общественная наука».

Таким образом, выдвигаемый буржуазными теоретиками в качестве доказательства их правоты контр-довод на поверку вовсе не оказывается «бессмыслицей», так как указывает на *диалектическое*, а не формально-логическое «противоречие» (впрочем, диалектика и сегодня для них – синоним «бессмыслицы»). К сожалению, это отличие не фиксирует и Плеханов, отмечающий, что «тут *не только нет ни противоречия*, ни бессмыслицы, но тут впервые получается возможность **взглянуть на самый процесс развития науки, как на закономерный процесс**». (Курсив мой. – М.К.) Тем не менее, первому русскому марксисту вполне удается проследить *диалектически противоречивую* связь между потребностью научного знания в объективной истине и классовой ограниченностью, в той или иной степени свойственной мировоззрению каждого исследователя. «Было бы ошибкой думать, - по словам Плеханова, - что буржуазная экономия состоит из одних заблуждений. Вовсе нет! Поскольку буржуазная экономия **соответствует** определенной фазе общественного развития, постольку она заключает в себе *неоспоримую* **научную истину**. И вот почему, – поясняет он в сноске, – *классовая буржуазная точка зрения исследователей не только не мешала в свое время прогрессу науки, но* ***была его необходимым условием***.[1] (Курсив мой. – М.К.) Правда, продолжая эту мысль, следовало бы добавить, что и пролетарская «классовая точка зрения» способна стараниями идеологов приписывать «своим относительным истинам абсолютное значение». Впрочем, если не буквально, то *методологически* собственная позиция Плеханова – мыслителя с этим выводом согласуется или, во всяком случае, его не исключает.

1 Плеханов Г.В. Указ. Соч. С. 60.

Почему патриарх «русского марксизма» не был представителем его ортодоксального направления

Даже если допускать наличие во взглядах Плеханова т.н. «догматизма», ему было бы неправомерно придавать *критериальное* значение в сопоставлении с ленинской позицией по принципиальным вопросам. Во-первых, постольку, поскольку теоретическая концепция Ленина также страдает своего рода «революционным» догматизмом» (на что прямо указывает Плеханов). И, во-вторых, вследствие того, что эти «догматизмы» *разнонаправлены* и *неравнозначны* с точки зрения их фактического влияния на судьбу социалистической идеи.

Коренная причина *догматизации* марксизма его ортодоксальными «учениками» кроется в *абсолютизации* особенностей идеологии как формы общественного сознания, не учитываемых., кстати говоря, в полной мере вплоть до настоящего времени. Ортодоксы лишь *декларируют*, а фактически устраняются от *диалектического* алгоритма решения противоречия между «духом» и «буквой» марксизма. Причем, с одной стороны, доказывая легитимность «научности» идеологии, Ленин делает несомненный и значительный шаг вперед от ограниченного, однозначно-негативного смыслового оттенка данного понятия в том виде, в котором оно использовалось Марксом и Энгельсом. С другой, - именно Ленин положил начало процессу *идеологизации* (т.е. по сути разбалансировки) марксизма, доведенному Сталиным до полного логического абсурда. Вследствие *апологетически тенденциозно* принятого ортодоксами *комплексного* учения «развитие» его фактически было сведено к обоснованию заведомо ошибочного постулата о «руководящей и направляющей роли» РСДРП(б), ВКП(б)/ КПСС в борьбе за построение социализма и продвижение к коммунизму. Любое теоретическое положение, прямо или косвенно ставящее этот постулат под сомнение, признавалось недопустимым «отступлением от марксизма» и партийным руководством так или иначе на всех этапах решительно пресекалось.

Что касается Г.В. Плеханова, то уже в самом начале предпринятого большевиками партийного строительства он указывает на все проистекающие из него для революционного движения негативные последствия. Производительные силы, взятые Плехановым, как и лидерами западной социал-демократии, за точку

отсчета, являются, как известно, наиболее *динамичным* элементом способа производства. Именно их неотвратимо поступательным развитием обусловлена, в конечном счете, и смена наличных производственных отношений, и те изменения, которые происходят в социальной структуре, а, следовательно, также и позитивная «долговечность» любой классовой идеологии. Все это, конечно, не что иное как «азбука» марксизма, и, осваивая ее, Плеханов уже в первой своей марксистской работе указывал, что «*всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени*[1]».

Субъективно Плеханов до конца жизни оставался всецело преданным идее «всемирно-исторической миссии» пролетариата. Правда, не менее значимо и то, что под «*диктатурой* пролетариата» он подразумевает скорее его *гегемонию*, т.е. *руководящую роль в союзе* со всеми остальными политическими партиями, консолидирующими прогрессивную часть общества. В своем знаменитом «Завещании» (споры о текстуальной идентичности которого продолжаются до сих пор) он идет еще дальше, вплотную приближаясь к пониманию того, что ведущим классом в новых исторических условиях становится уже не индустриальный, а интеллектуальный пролетариат. Как бы то ни было, идеологическая установка марксизма не приобретает у него *самодостаточный* характер, а, в соответствии с марксистской же диалектико-материалистической методологией оказывается *логически производной* от экономического фактора и *степени* этого развития.

Чтобы в этом убедиться, достаточно отметить созвучность теоретической позиции Плеханова в рассматриваемом аспекте собственно *научным* выводам Маркса. «Социалистический строй, - неоднократно подчеркивал он, - предполагает, по крайней мере, два непременных условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию[2]». Но если он вполне «по Марксу» расставлял акценты в трактовке соотношения объективных условий и

1 Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 95.
2 Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 129.

субъективного фактора, правомерно ли причислять его к теоретикам, «которые по разным причинам уже *не поспевали* за быстротекущим временем, *не могли адекватно отвечать* на его вызов, *обходили* острые вопросы современности[1]»? (Курсив мой. – М.К.)

Приходится только удивляться «современной» оценке взглядов Плеханова, демонстрируемой даже достаточно объективными исследователями. С.В. Тютюкин, казалось бы, воздает должное его «*трезвому пониманию* того, что социалистической революции должен предшествовать *длительный* процесс ее подготовки и *любой волюнтаризм* может обернуться здесь лишь *дискредитацией самой идеи социализма* с поистине фатальными последствиями… Сегодня, в исторической ретроспекции, - отмечает он. – когда мы уже знаем, к чему пришли в конце концов одержавшие победу критики и хулители Плеханова, его *политическая осторожность* и некоторый «*революционный консерватизм*», если такой термин имеет право на существование, выглядят в глазах многих наших современников *гораздо предпочтительнее*, чем революционный экстремизм и безудержное стремление к захвату власти любой ценой[2]». (Курсив мой. – М.К.) Вместе с тем, при

1 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 369. Биограф Плеханова явно не замечает того, что попадает в порочный круг двойных оценочных стандартов: накопленного исторического опыта, свидетельствующего о пагубности политики большевиков, которые «постоянно торопили историю, подталкивая народные массы к скоропалительным и радикальным действиям» и их же собственной (т.е. опровергнутой историей, но ставшей на протяжении советского периода традиционной) позицией по отношению к инакомыслящим марксистам. Отвергая «характерные для леворадикалов, в частности для Ленина, поиски новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям», по мнению Тютюкина, «в конечном счете Плеханов постепенно все больше превращался в догматика, который был силен в истории, но оставлял почти без внимания многие новые явления в экономике и политике (монополистическая стадия в развитии капитализма, советская форма демократии и т.д.)». То, что Тютюкин именует «поисками новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям», на поверку оказалось лишь теоретически несостоятельной попыткой абсолютизации марксистской идеологии, ибо никакого иного, кроме предельно и откровенно насильственного, а тем более «нового механизма перехода» ортодоксальные марксисты предложить не смогли. Плеханов же настаивал именно на «классическом» понимании этого процесса, отредактированном в последних работах Энгельса. Однако, «счастливо избежав многих леворадикальных иллюзий и справедливо предупреждая об опасности левого экстремизма и разного рода социальных экспериментов, он, - по словам Тютюкина, - к сожалению, не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка. А впрочем, - задается он риторическим вопросом, - кто из теоретиков II Интернационала нашел ее, эту золотую середину?» Если под «творчеством» понимать не идеологические «новации» «леворадикального толка», об ущербности которых Плеханов предупреждал задолго до Октября, в чем тогда состоит критерий «истинно творческого марксизма»? Тютюкин «счастливо избегает» проникновения в теоретическую глубину этого вопроса, оставляя его открытым, ибо в противном случае ему пришлось бы признать, что ответ на него следует все же искать в свойственном Плеханову «догматическом» тяготении «к более взвешенным и осторожным решениям». Тем более, что он получал «нередко… за это незаслуженные политические пощечины и обвинения в оппортунизме и предательстве интересов революции» (См.: Там же. С. 370-371)

2 Тютюкин С. В. Указ. Соч. С. 374, 373.

всем уважении к личности Плеханова, сравнивая его «с другими лидерами российских марксистов – Лениным, Аксельродом, Мартовым, Троцким», Тютюкин полагает, что он «оказался среди них наиболее ярким и талантливым представителем «книжного», в значительной мере *догматического* варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX в. во II Интернационале».

В числе инкриминируемых «книжному» или «догматическому варианту марксизма» обвинений у Тютюкина фигурирует все тот же стандартный набор из надуманных его пороков, авторство которого принадлежит *ортодоксальным* марксистам. Широко распространенное в советский период мнение о, якобы, присущем лидерам западной социал-демократии «экономическом детерминизме» можно смело отнести к разряду идеологически тенденциозных *преувеличений*, призванных теоретически дискредитировать их основополагающую установку. Точно также не состоятелен и тезис о «безоговорочном признании мессианской роли рабочего класса», коль скоро это «признание» выводилось из постулата о *динамике* развития производительных сил. Реализуемость принципа «соединения социалистических и демократических идеалов» сегодня, при всей его недостаточно четкой осмысленности и последовательности, все же наглядно подтверждается в практике современного социал-демократического движения. Что же касается «безграничной веры в возможность их достижения», то она, будучи поставлена на материалистическую почву, перерастает в *уверенность* и не только не препятствует прогрессивному социальному развитию, но, напротив, как и полагал Плеханов, воплощаясь в волевых усилиях, является его *необходимым условием*.

Можно ли, следовательно, «в итоге» согласиться с тем, что оставались «крайне абстрактными» и «его взгляды на социалистическую революцию и социализм»?

Неприятие взятой на вооружение большевиками макиавеллиевской формулы «цель оправдывает средства» (разделившей социал-демократов на два лагеря), явилось для Плеханова осознанным выбором, убеждением, сформировавшимся на основе принципиально иного понимания сущности *социальной* революции. Подобно Ю.О. Мартову или К. Каутскому Плеханов в своих теоретических представлениях избегает искажающе-упрощающей схемы ее политизации, т.е. редукции, выражающейся в установке на захват и удержание политической власти любой ценой. Из общей с Лениным посылки, что Россия страдает не столько от

капитализма, сколько от его недостаточного развития, он приходит к выводу, что именно «поэтому устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно огорчаться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности[1]». Ленинскую интенцию на обострение классовой борьбы и превращение войны империалистической в войну гражданскую Плеханов рассматривал поэтому как главную угрозу для еще не сформировавшейся российской демократии. Даже сама мысль о социалистической революции в России казалась ему не только бредовой, но и чудовищной. Плеханов прекрасно отдавал себе отчет в том, что завоевание политической власти - задача, несопоставимая по сложности с переходом к социалистическому обществу, требующим наличия целого ряда самых разнообразных факторов. Уверенность его в преждевременности форсированного проведения социалистических преобразований основывалась, в том числе, и на соответствующем мнении Энгельса, полагавшего, что благополучный исход революционной борьбы в мирное время неизмеримо *предпочтительнее* возможности более «легкой» победы революции, вырастающей из войны. Не лишним здесь будет отметить и тот факт из биографии Плеханова, который связан с благотворным влиянием на него Ф. Энгельса в ходе личных встреч с ним в 1889 г. в Лондоне.

Дистанцируясь от большевизма, Плеханов формально не причислял себя, как известно, и к меньшевикам, подчеркивая, что стоит «на точке зрения идей группы «Освобождение труда». Даже Ленин вынужден был в той или иной мере считаться со своеобразием этой позиции, именуя ее «особой». Биографы же Плеханова зачастую склонны видеть в этой многолетней идейно-теоретической самоидентификации Плеханова подтверждение якобы свойственного ему пресловутого «догматизма». В то же время, опять-таки *вопреки* собственному утверждению, С.В. Тютюкин достаточно высоко оценивает этот «своеобразный центризм, если понимать под ним не беспринципное политиканство и демагогическое использование левой фразы для маскировки своей соглашательской политики (а именно так нас учили понимать его прежде), а *поиск реалистического и сбалансированного подхода* к решению революционных задач, далекого как от левого экстремизма, так и от откровенного реформизма[2]». (Курсив мой. – М.К.) Пред-

1 Плеханов Г.В. Год на родине. Т. I. С. 214 - 215.
2 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 213.

принимая порой героические усилия для того, чтобы встать «над схваткой», Плеханову удалось избежать односторонности меньшевистского тяготения к западноевропейской модели социал-демократического движения, с одной стороны, и большевистского радикализма, – с другой. Тактические взгляды большевиков, по мнению Плеханова, весьма схожи с особенностями таких революционеров-утопистов, как Бланки, Бакунин и им подобных, а это даже хуже, чем «пересмотренный» марксизм обвиненных в ревизионизме меньшевиков. В этой связи Плеханов высказывает весьма примечательное предположение о том, что ***в условиях России Маркс был бы, пожалуй, чистейшим меньшевиком***[1]. Подобная же мысль, кстати говоря, принадлежит и Н.А. Бердяеву.

Самого Плеханова у нас также нет оснований теперь, по прошествии многих десятилетий, причислять к марксистам *ортодоксального* толка, даже вопреки его самооценке (как и на примере К. Каутского). Под ортодоксией понималась тогда в марксизме некая, на поверку, весьма *аморфная* альтернатива неадекватному прочтению его ревизионистами. Вся сложность заключалась в том, что фактор внутренней противоречивости марксизма радикалами чаще всего попросту *затушевывался*, а ревизионистами – бернштейнианцами - «расшифровывался», но весьма поверхностно, т.е. *метафизически*. Вследствие этого критерий ортодоксии заключался вовсе не в принципиальном (формальном) признании учения о диктатуре пролетариата, как полагал Ленин. Если бы это было так, то и Плеханов, и Каутский были бы столь же идеологически «правоверными» марксистами, как Ленин, Сталин, Троцкий и целая плеяда пришедших к власти большевиков меньшего калибра. На деле, первые отнюдь не отрицали марксистской идеологической парадигмы, но рассматривали ее в качестве *логически производной* от парадигмы формационной, в то время как подлинные ортодоксы ее значение *абсолютизировали*. Поэтому Каутский, например, в работе «Путь к власти», если абстрагироваться от его общетеоретической позиции, ограничившись сформулированными им радикальными революционными выводами, *выглядит* закоренелым ортодоксом.

Что касается Плеханова, то в амплуа ортодоксального марксиста он выступил лишь однажды - на II съезде партии, где «отвлеченное», т.е. абстрактное понимание демократии противопоставил ее «основному принципу, гласящему, что salus populi suprema lex». «Благо народа» и «успех революции» оказываются с этой

1 См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 410.

точки зрения синонимичными понятиями, а всеобщее избирательное право и неприкосновенность избранного народом парламента – ценностями весьма и весьма относительными. Правда, он оговаривает, что ситуация с допустимыми нарушениями демократических принципов мыслится им как сугубо гипотетическая. Но в январе 1918 г. Ленин уже без всяких скидок на усложняющие теоретическое видение проблемы детали усматривает в вышеприведенном высказывании Плеханова лишь доказательство того, что в качестве одного «из виднейших представителей *революционного* социализма» он безвозвратно остался в прошлом. Категорическое несогласие Плеханова использовать сформулированный им тезис как аргумент в пользу целесообразности разгона Учредительного собрания берется теперь в расчет только для иллюстрации его состоявшейся измены прежним убеждениям, ибо «*польза революции*, *польза рабочего класса – вот высший закон*. Так рассуждал Плеханов, *когда он был социалистом.* Так рассуждало тогда вместе с Плехановым громадное большинство нынешних меньшевиков, кричащих теперь о «большевистском терроре».[1] (Курсив мой. – М.К.) Выступив в оценке демократических институтов в 1903 г. с позиции революционного максимализма, Плеханов, акцентируя на их «относительной ценности», проявил, конечно, очевидную непоследовательность. Но последующий отказ от этого и всемерная защита их свидетельствовали не столько о глубине его революционного «падения» в ортодоксально-доктринальном измерении, сколько о движении в сторону теоретически более взвешенной политической линии.

Плеханову удалось, таким образом, *диалектически совместить обе концептуальные доминанты марксизма – методологию и идеологию* (т.е. то, что принято именовать «духом» и «буквой» его), исходя из гносеологической приоритетности первой. С этой предельно широкой, отвергаемой Лениным в силу «абстрактности» социально-философской точки зрения, - не обязательно даже быть социалистом, чтобы объективно «работать» на социалистическую революцию. В условиях разразившейся мировой войны достаточно, по мысли Плеханова, *способствовать* перед лицом *внешнего* врага решению общенациональных задач, вытекающих из назревшего «вызова» современности - вхождения России в европейскую цивилизацию. Как сравнительно немногие российские социал-демократы, он отчетливо понимал, что Россия нуждается не в замене одного «централизованного деспотизма» другим, а в создании *гражданского общества*,

1 Ленин В.И. Плеханов о терроре // ПСС. Т. 35. С. 185.

могущего успешно противостоять *любой* его форме.

Эта нереализованная по вине большевиков даже к началу XXI в. первостепенная по своей важности задача продолжает оставаться ключом к «европеизации» России.

Факторы политического поражения Плеханова как доказательства его исторической правоты

Выбранная Плехановым тактика разумного, по *европейским* меркам «скроенного» компромисса как *единственной* реальной политической альтернативы левому и правому экстремизму потерпела поражение вовсе не потому, что не отвечала коренным общенациональным интересам. Вопреки идеологически культивируемому в советский период мифу, она не была, строго говоря, и утопической, если учитывать в тогдашнем общественном сознании настроения не только центробежные, но и *объективно способствовавшие консолидации* всех прогрессивных патриотических сил. Носители монархической идеи оставались, разумеется, и после отречения от власти последнего российского царя (как, собственно говоря, их можно встретить и сегодня). Но при этом на волне общенационального неприятия поверженного абсолютизма вполне могли получить продолжение общедемократические, а не исходящие от большевиков «социалистические» импульсы. Исторически некорректно было бы списывать со счета их явное нежелание «притормозить» нараставшие в стране разруху и хаос, которым партия «нового типа» весьма эффектно противопоставила мощь своей внутренней «железной» организации. Ортодоксы прилагали, несомненно, *все* усилия для того, чтобы *сорвать достижение общенационального консенсуса*, лишить какого бы то ни было позитивного смысла деятельность всех остальных партий и, выдвигая ультрареволюционные лозунги, выстроить общую логику движения событий в нужном *для себя* направлении. Раскачать же «лодку» российской государственности с тем, чтобы опрокинуть ее, на практике оказалось задачей гораздо *менее сложной*, чем направить ее в русло осуществляемых Западом демократических преобразований.

С другой стороны, и Октябрьский выбор, заменив демократические лозунги революции *псевдосоциалистическими* (социалистическими по форме и державно-

модернизационными по содержанию), оказался далеко не случайным зигзагом в российской истории. Однако корни такого рода «закономерности перехода к социализму» хотя и ведут к марксизму, но предварительно «прорастают» сквозь толщу социально-психологического склада мировосприятия.

Так или иначе, на гипертрофию идеологической составляющей марксизма, в значительной мере *созвучной* настроениям широких масс трудящихся, вынуждены обращать внимание все исследователи. Привлекательностью «своевременно» выдвинутых политических лозунгов объясняются успех большевиков и, соответственно, отсутствием массовой поддержки – прижизненное поражение Плеханова. Однако можно ли согласиться с тем, как полагает С.В. Тютюкин, что «политика была, мягко говоря, *не самой сильной стороной* его многогранной деятельности», на том основании, что его «здесь… *переигрывал* не только Ленин, но и некоторые *гораздо более посредственные* люди», а сам он «не мог предложить народу *ничего равноценного* большевистскому максимализму»?

Искусство политического руководства безусловно предполагает *умение вести за собой* определенную часть общества, но при этом, во всяком случае, *не менее важное* значение имеет «выбор пути». И если «Плеханов *не захотел влиться* в тот бурный и мутный поток экстремизма и анархии, который катился тогда по России», то в проигранной им схватке за будущее страны состоит не только и даже не столько его личное поражение, сколько трагедия *общенационального* масштаба, всего российского суперэтноса.

В резюмирующей части своей оценки Плеханова-политика Тютюкин акцентирует на неизбежности его «политического одиночества», но при этом как-то не очень внятно формулирует те «правила», по которым велась упомянутая «игра». Он упоминает лишь, что Плеханов «был лишен черт *харизматического* лидера, *не был фанатиком, авантюристом, демагогом или политическим гешефтмахером*. *За ним не стояли* преданные ему боевые отряды или мощные финансовые группы. Наконец, он не сумел *в силу многих обстоятельств* стать вождем сильной политической партии или группы, без чего в XX в. *серьезный политический успех практически невозможен*».[1] (Курсив мой. – М.К.) Таким образом, политическая борьба была проиграна Плехановым, как пишет его биограф, «в силу многих обстоятельств». Но он забывает добавить, что со стороны всех оппонентов Плеханова, включая Ленина, «игра» *велась* за редким исключением по «правилам»

1 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 371.

догматического, а не диалектического способа мышления. Церковный догматизм, который, как справедливо считал Плеханов, всегда доминировал на Руси, нашел, по его словам, своеобразное *продолжение в догматизме революционном* и прежде всего большевистском. Принять такого рода «правила игры» – значило бы уподобиться тем, с кем он вынужден был вести все более ожесточенную и в целом исторически оправданную полемику.

Не отличаясь в этом отношении принципиально от носителей обыденного сознания, идейные, в том числе и некоторые весьма «посредственные» противники Плеханова, «переигрывали» его, следовательно, за счет «понятного» массам, но *вненаучного* алгоритма мышления. В арсенале используемых ими средств идеологического воздействия важнейшую роль играла социальная демагогия, нашедшая для себя в России исключительно благоприятную почву. Ее манипулятивный потенциал многократно возрастал вследствие низкой политической культуры российского электората, ведомого такими мастерами «жанра», как пламенный трибун Троцкий, а впоследствии и прибравший к рукам всю полноту власти Сталин.

К этой когорте революционеров, как ни прискорбно, следует причислить и Ленина, причем в качестве «первопроходца». Ни до, ни после него ни один российский политический деятель харизматического типа не оказывал в своих публичных выступлениях столь магнетического, завораживающего воздействия на аудиторию. Традиционно объяснение подобному эффекту находят главным образом в неподражаемом ленинском умении переводить теоретически сложные проблемы на язык, доступный неподготовленным к их усвоению слушателям. Однако Ленину при ближайшем рассмотрении отнюдь не всегда удавалось безошибочно нащупывать грань между *популяризацией* и *вульгаризацией* теоретического знания, по крайней мере, в части интерпретации социально-философской проблематики марксизма. Именно здесь им были допущены теоретические ошибки, последствия которых дают о себе знать до сих пор. Можно было бы, конечно, оспорить мнение Плеханова о том, что «Ленин демагог *до конца ногтей*»,[1] поскольку оно отдает излишней прямолинейностью и гиперболизацией. Как бы то ни было, стремление к реализации социалистического идеала было для «вождя мирового пролетариата» желанием вполне *искренним,* хотя и не лишенным честолюбивых амбиций. Будучи незаурядной харизматической личностью, Ленин

1 Плеханов Г.В. Год на Родине. Т. II. С. 34.

способен был убедить в своей правоте и повести за собой многих. Но трудно отрицать, что свойственные софистике в мышлении и демагогии в риторике приемы аргументации он действительно практиковал на протяжении всей своей четвертьвековой революционной деятельности, начиная с критики весьма односторонне понятой им идеологии народников. В свою очередь, и политическая, а не только теоретическая позиция Плеханова не «проигрывает», а, напротив, многократно «выигрывает» как раз постольку, поскольку он оставался принципиальным противником того, что на современном языке именуется «достижениями» PR-технологии.

Объяснение далеко не всегда может служить оправданием. Но Тютюкин, на мой взгляд, гораздо ближе к истине тогда, когда указывает на то, что превращение Плеханова «в глубоко трагическую фигуру отечественной истории» было обусловлено тем, что его «идеи…*обгоняли* свое время,.. *контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев российского общества* и их *низкой* политической культурой,.. не вписывались в анархо-бунтарские, *грубо-уравнительные настроения широких народных масс*[1]». (Курсив мой. – М.К.) Вместе с тем, допуская, что представленные в теоретическом наследии Плеханова «идеи… обгоняли свое время», придется отвергнуть вышеприведенные обвинения в догматизме, сдаче «позиции теоретикам нового поколения марксистов», а также не согласиться с тем, что он «не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка».

Подлинная трагедия состоит, следовательно, в том, что предпринятая Плехановым *исторически назревшая попытка перехода к строительству гражданского общества* не дала ожидаемого эффекта потому, что резко диссонировала с тем, что принято считать незыблемой и *неизменной* основой любой социально-этнической общности – ее менталитетом. Отсюда, казалось бы, вполне правомерен и вывод о бесперспективности любой попытки его *реструктуризации*. Даже Н.А. Бердяев с его блестящим диалектическим дискурсом лишь *диагностирует* негативные последствия отличительной особенности российского менталитета, сконцентрированной в феномене «русского максимализма».

Прекрасно отдавая себе отчет в пагубности идеологического «маневрирования» с опорой на сферу социальной психологии, Плеханов,

1 См.: Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 335.

разумеется, «*не мог предложить народу ничего равноценного большевистскому*[1] *максимализму*», а, следовательно, не мог рассчитывать и на незамедлительное и *полное* взаимопонимание со стороны трудящихся масс. Для того, чтобы они смогли осознать *собственные* интересы, от партийного авангарда требовалось, как справедливо полагал Плеханов, не разжигание страстей и подыгрывание инстинкту классовой ненависти, а упорная и кропотливая работа по формированию политической культуры, – работа, в значительной степени уже проделанная «соглашательски» настроенной западной социал-демократией. Самым весомым итогом ее явилась бы в случае успеха вошедшая, что называется, в плоть и кровь, способность не теряя уверенности в конечной цели, *последовательно* двигаться к ней, избегая кровопролитных социальных потрясений и руководствуясь той разновидностью компромиссов, которая ассоциируется с политической *мудростью*, и которую, кстати говоря, «абстрактно-теоретически» вполне допускал и Ленин. Весь вопрос, однако, в том, *что именно* принимать за «коренные» интересы «самого передового класса» и *гарантии исторической необратимости* социальных достижений.

Тот факт, что сформулированная Плехановым взвешенная политическая линия натолкнулась в общественном сознании на стену непонимания и была с помощью большевиков однозначно *отвергнута*, остается должным образом не осмысленным и сегодня. Так, оценивая согласно общепринятой схеме теоретический и политический ресурс «отца» русского марксизма, его биограф исходит из того, что если мыслитель не «вписывается» в структуру «национального духа», в этом противостоянии он может выбирать только между вынужденным приспособлением и неизбежным поражением. «Попытки Плеханова строить стратегию и тактику РСДРП по западным марксистским образцам, – пишет Тютюкин, – *не соответствовали* ни степени зрелости российского капитализма, ни уровню политической культуры тогдашних россиян, ни их *менталитету, для которого плехановский рационализм, системность и логика оставались в конечном счете чуждыми и непонятными*[2]». (Курсив мой. – М.К.)

Но ведь Плеханов как раз по этой причине справедливо полагал, что пролетариат еще не готов взять власть в свои руки. «Передоверие» же тяжкого груза властных полномочий партийному «штабу», по его убеждению, только

1 В основе своей – русскому. – М.К.
2 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С.373.

провоцирует неоправданное насилие и дискредитирует социалистическую идею. Проводимая политика является в этом случае тем более преступной, что реализуется она «под знаменем марксизма».

Борис Романов. Николай Константинович Михайловский: забытый мыслитель

Николай Михайловский был выдающимся представителем российского освободительного движения и самобытной отечественной социалистической мысли. Его идеи вызывали острые споры. Михайловский – один из главных теоретиков и идеологов народничества – занимает видное место в истории русской общественной мысли и публицистики второй половины XIX века.

Николай Константинович родился в Мещевске в Калужской губернии в небогатой дворянской семье в 1842 году. После окончания Костромской гимназии учился в Петербургском институте горных инженеров. За активное участие в студенческих волнениях был исключен из института. Такое начало революционной биографии было характерно для многих видных российских социалистов. Именно студенчество становилось первой школой демократического свободомыслия в Российской империи. Неслучайно крайне правые монархические организации видели в российском студенчестве враждебную устоям абсолютизма силу и демонизировали его.

Михайловский рано приобщился к литературно-критической и публицистической деятельности, сотрудничая с журналами «Рассвет», «Книжный вестник», «Современное обозрение». С 1868 работал, сперва рядовым сотрудником, а потом одним из редакторов «Отечественных записок», прогрессивного журнала, который возглавлял поэт Николай Некрасов, где и опубликовал ряд своих наиболее важных социологических работ («Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Записки профана», «Письма о правде и неправде»).

В 70-х годах Михайловский был близок к народовольцам, активно помогал революционному подполью, принимал участие в составлении и редактировании Письма исполнительного комитета «Народной воли» к императору Александру III в 1881 году вскоре после убийства народовольцами его отца Александра II, нелегально сотрудничал с изданиями «Народной воли». В то же время как оригинальный мыслитель он сделал очень много для идейной эволюции народничества и далеко не во всем разделял взгляды и методы народовольцев.

Михайловский считается одним из основателей либерального народничества, пришедшего на смену народничеству революционных организаций «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел».

Но это вовсе не означало полного разрыва Михайловского со старым народническим наследием. Скорее, это было развитие народнических идей в период кризиса народнического движения вызванного тем, что методы революционного народовольческого террора не привели к желаемым результатам и завели народников в политический тупик.

После закрытия «Отечественных записок» Михайловский выступал как публицист в «Северном вестнике», в «Русской мысли», в «Русских ведомостях». С 1892 года возглавил журнал «Русское богатство», который стал органом либерального народничества и привлек сотрудничеству ученых и публицистов С. Южанова, Н. Даниельсона, А. Пешехонова и других народников, а также известных писателей Г. Успенского, Д. Мамина-Сибиряка, В. Короленко, В. Вересаева, М. Горького, А. Куприна.

Историки до сих пор спорят, остался ли Михайловский по своим взглядам революционером или разочаровался в методах революционной борьбы и стал склоняться к социал-реформизму? Следует иметь в виду, что в период политической реакции Михайловский пропагандировал социалистические и демократические идеи в легальной печати и поэтому действовал осторожнее, чем его товарищи подпольщики. Михайловский не раз заявлял, что сам он не революционер, но признавал неизбежность революции в царской России. Известно его письмо Петру Лаврову 1873 года, в котором он, отказавшись присоединиться в русским революционерам – эмигрантам, писал:

«Я не революционер – всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета и падение их есть дело времени. Новые боги гораздо опаснее и в этом смысле хуже».

Любопытно, что эти же слова: «Я не революционер. Каждому свое», он произнес в беседе со своим молодым почитателем, студентом Виктором Черновым, будущим лидером партии социалистов-революционеров и председателем Всероссийского учредительного собрания, когда тот пришел поздравить своего учителя с юбилеем. Чернов был делегирован от Союзного совета студенческих землячеств, чтобы поздравить кумира прогрессивной молодежи. Он был несколь-

ко озадачен двойственным отношением Михайловского к революционному насилию и даже с удивлением спросил: «Значит вы против террора»? В этой беседе, которую в последствии Виктор Чернов подробно изложил в своих воспоминаниях «Перед бурей», Михайловский высказал предположение, что не успешная революция приведет страну к конституционному строю, а скорее наоборот, введение конституции послужит катализатором революционного движения. Как он выразился, «народной революции следует ждать после конца чистого абсолютизма, чем до этого конца». Также в разговоре с Черновым Михайловский предсказал грядущую мировую войну, с горечью говоря «о демоне национальной ненависти, который ощетинил своими штыками всю Европу».

Михайловский, как и другие народники, стоял на позициях крестьянского социализма и верил в возможность социалистических преобразований через крестьянскую общину и уравнительный раздел земли.

Взгляды Михайловского как выразителя интересов крестьянства анализировали и критиковали русские социал-демократы марксисты – Георгий Плеханов и Владимир Ленин. Работа Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» (1894) была посвящена резкой критике идей Михайловского и его соратников, а также их интерпретации идей Маркса. Вместе с тем Ленин считал Михайловского прогрессивным мыслителем и высоко оценивал его вклад в борьбу против самодержавия, просветительскую деятельность, связь с революционным подпольем. Ленин также характеризовал Михайловского как «горячего сторонника свободы и угнетенных крестьянских масс». Но социал-демократы рассматривали народников как мелкобуржуазных крестьянских революционеров, отрицавших социальное расслоение в деревне.

Впоследствии оппоненты Ленина меньшевики упрекали большевиков и их лидера в сближении с народничеством и отходе от основ марксизма. Русские народники, в отличие от марксистов, считали крестьянство не мелкой буржуазией, а трудовым классом. К тому же все народники, в том числе умеренные во главе с Михайловским резко выступали против частной собственности на землю и ратовали за обобществление земледельческого промысла и общинную обработку сырья. Михайловский также всегда выступал против отечественных либералов. В тоже время социал-демократические критики народничества были безусловно правы в том, что Михайловский и его последователи явно недооценивали масштабов раз-

вития капиталистических отношений в стране и в русской деревне и идеализировали крестьянскую общину.

По своим философским воззрениям Михайловский был близок к позитивизму и агностицизму, считая спор между материализмом и идеализмом устаревшим. «В то время как мы еще делимся на материалистов и спиритуалистов, – писал он, – передовая западная мысль в лице Конта, Спенсера и проч. отрицает и ту и другую систему». Николай Михайловский призывал преодолеть односторонность теоретического реализма (материализма) и теоретического идеализма, где «старые идолы» должны быть заменены «идеалами новой веры». В тоже время Михайловский был увлечен теорией Дарвина и выступал в ее защиту от критики со стороны религиозных и идеалистических мыслителей. Михайловский считал своим духовным учителем Виссариона Белинского, на его рабочем столе стоял бюст знаменитого критика.

Николай Михайловский, верный субъективному социологическому методу, считал, что движущим мотивом исторического развития общества является личность, обладающая свободой выбора, и нравственные идеалы этой личности.

В центре историко-социологической концепции Михайловского лежит идея индивидуальности, развитие которой является мерилом прогресса. В социалистическом обществе по Михайловскому должно состояться «торжество личного начала, при посредстве начала общинного». Он не отрицал определенных закономерностей исторического развития, высоко оценивал труды Карла Маркса, в тоже время категорически выступал против исторического и экономического детерминизма, усматривая их во взглядах П. Струве и других представителей русского «легального марксизма». «Никакое общество не обязано проходить через все метаморфозы, которыми подверглись его старшие в историческом порядке родичи – опыт цивилизации предается не повторением фаз развития», – утверждал Михайловский. Будучи сторонником самобытного развития России, идеолог народничества так обосновывал свою точку зрения:

«Мы верили, что Россия может себе проложить новый исторический путь, особливый от европейского, причем для нас важно не то, что это был какой-то национальный путь, а чтобы он был путь хороший, а хорошим путем мы признавали путь сознательной подгонки национальной физиономии к интересам народа».

Известна его оценка особой роли интеллигенции как великой общественной силы, поднимающейся над всеми классами в России, борющейся за прогресс и целостность личности. В 80-х – 90-х годах Михайловский обвинял своих оппонентов – марксистов в фаталистическом понимании роли личности и народных масс в истории. Михайловский признавал факт существования классовых противоречий в обществе, но не склонен был рассматривать их исключительно как «двигатель прогресса», а жестокие проявления классовой борьбы называл «школой озверения». В этом сказывалось стремление народников избежать для России негативных последствий развития капиталистических отношений в крестьянской стране. Философ Николай Бердяев назвал идеологов народничества Петра Лаврова и Николая Михайловского защитниками «точки зрения, которая признает необходимым для социологии производить нравственную оценку социальных явлений».

В социологической концепции Михайловского большое место занимает проблема «героев и толпы», что органично вытекало из его трактовки роли личности в истории. Такие работы как «Герои и толпа» (1882), «Научные письма (К вопросу о героях и толпе)» (1884), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893), посвящены обоснованию субъективистской точки зрения на взаимоотношения революционеров и народа, которая во многом перекликается с идеями Петра Лаврова о критически мыслящих личностях. Но в интерпретации Михайловского народ оказывался всего лишь инертной массой склонной к подражанию «героям». «Герой», обладающий определенными нравственными качествами, выступает как пример для подражания, толпа же действует под влиянием увлечения личностью героя. Эти взгляды Михайловского были использованы идеологами партии Социалистов-революционеров для обоснования своего политического радикализма и методов индивидуального террора.

В тоже время последователи Николая Михайловского, его соратники по редакции журнала «Русское богатство» выступали за создание легальной народнической партии и были не согласны с террористической практикой эсеров. Это привело после издания императором Николаем II Манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года, давшего определенные гражданские свободы, к возникновению отдельной от эсеров Народно-социалистической партии.

Как бы не относиться к данной концепции Михайловского, нельзя отрицать, что он фактически предсказал расцвет политического вождизма в XX веке. «Героем, – заявлял Михайловский, – мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело».

Весьма разнообразна литературно-критическая деятельность Михайловского. Большой интерес представляют его статьи, посвященные творчеству Некрасова, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Тургенева, Писемского, Толстого, Успенского, Горького, Гаршина.

Он критиковал взгляды на литературу Дмитрия Писарева и нравственно-религиозное учение Льва Толстого. Большой резонанс в обществе вызвала его статья о творчестве Федора Достоевского «Жестокий талант». Особое значение он отводил воспитательной роли искусства, отстаиванию принципов гуманизма, разоблачению эгоцентризма и дармоедства. Михайловский отстаивал мысль об особой миссии художника. Он считал что писатель — это «нравственный судья» общества и голос его совести. Выступая как литературный критик, он последовательно проводил излюбленные народнические идеи, анализируя произведения писателей с целью для доказательства правоты своих социологических воззрений.

Его учение о двух несовпадающих правдах — правде-истине (правде объективной) и правде-справедливости (субъективной правде) использовалось Михайловским для обоснования субъективного метода в социологии и вытекающего из него решения вопросов теории познания, нравственности, а также истории и эстетики, и выдвижения на первое место проблемы борьбы за индивидуальность. Прогресс Михайловский понимал как преодоление узкой специализации человека и формирования в будущем обществе разносторонней личности, способной к творчеству и работе в самых различных областях деятельности.

Николай Михайловский скончался в 1904 году, не дожив до начала первой русской революции 1905 года, неизбежность которой он предсказывал. Наследие Николая Михайловского представляет интерес не только для историков, но и для всех, кто интересуется развитием передовой отечественной мысли и верит в идеалы социального прогресса.

Дмитрий Бабич. Противоречие российской элиты: и вместе с Западом, и против него[1]

Свежий панамский скандал с офшорами, в которых обслуживались одновременно и российские, и украинские чиновники, а заодно и чиновники стран ЕС, - этот скандал вдруг воскресил Владимира Ильича Ленина. Напомню, что, памятуя о коррупционном скандале в Панаме начала двадцатого века, советский «классик» называл свойственное капиталистическому обществу воровство чиновников «панамой всех видов» - причем слово «панама» Ленин умышленно писал со строчной буквы, обозначая не страну, а явление.

История как будто решила помочь ошельмованному было в 1980-е и 1990-е годы вождю русских левых взять реванш. Оказалось, что не стреноженный социалистической альтернативой капитализм в двадцать первом веке не менее жесток, опасен и жаден, чем его всеми проклятый далекий дедушка – капитализм времен первоначального накопления капиталов девятнадцатого – начала двадцатого веков. Сейчас ни в Москве, ни в Вашингтоне, ни в Брюсселе у капитализма нет сдерживающей его амбиции левой альтернативы. В самом деле, не считать же альтернативой нашего Зюганова или опозорившихся европейских социал-демократов, к которым формально принадлежали и бомбивший Югославию генсек НАТО Хавьер Солана, и разрушивший Ирак британский экс-премьер Тони Блэр? Так же когда-то казалось, что не было альтернативы у капитализма и в 1914 году. Тогда это привело к развязыванию первой мировой войны, в которой каждая из двух огромных империалистических группировок надеялась победить. Сегодня война опять близка как никогда. Но особенность момента в том, что крупная империалистическая группировка теперь существует только одна (она сложилась вокруг США и ЕС) – и она не просто надеется победить, она ТРЕБУЕТ победы. Другая группировка, объединяющая заинтересованных в сохранении остатков своего суверенитета аутсайдеров (Россия, Китай, Иран, Сирия, Венесуэла и т.д.) пока только складывается.

1 Статья публикуется в порядке дискуссии.

Возникает вопрос: почему она складывается так медленно? Объединившая центр капиталистической «миро-системы» (выражение Иммануила Валлерстайна) первая группировка уже доказала свою агрессивность и почти полное неумение управлять территориями, вроде как доставшимися ей в наследие от свергнутых силовым образом старых режимов. Во всех подвергшихся в последние 30 лет процедуре «смены режима» странах – от Ирака и Афганистана до Украины и Боснии – нет ни одной «истории успеха». Гибнут сотни тысяч людей (как в Афганистане и Сирии), возникает миллионная безработица (как в Боснии и Украине), а вот историй успеха нет. Наоборот, во многих их прошедших через «смену режима» странах произошло перераспределение собственности в пользу новых, связанных с Западом хозяев, имело место бегство капиталов – то есть буржуазия (и часто прозападная буржуазия) пострадала, скажем, в Сирии, Ливии или Украине не меньше, а больше среднего гражданина.

Так почему же буржуазия России, «януковичевской» Украины или Югославии времен Слободана Милошевича почти не сопротивляется агрессивно нападающей на нее же крупной западной группировке, сплотившейся вокруг США и ЕС? И кто вообще способен этой западной группировке сопротивляться в наших странах: не только в России, но и в Китае, Венесуэле, Иране (перечисляю страны, давно и открыто взятые западной группировкой «на мушку»)?

Давайте сначала ответим на первый вопрос – почему так вяло сопротивляется Западу российская буржуазия?

Человек, верящий западной пропаганде, может возразить: да разве российская буржуазия и ее вожак Путин не сопротивляются? А «аннексия» Крыма? А противостояние «антитеррористической операции» украинских войск в Донбассе, явно поддержанной и морально, и финансово, и даже в военном отношении США и Евросоюзом? А раздражившая США и ЕС военная акция России в Сирии?

Увы, минимально объективный взгляд на эту картину откроет горькую истину: все действия российского руководства были лишь РЕАКЦИЯМИ на явную агрессию со стороны Запада, а российская элита (и в особенности та ее часть, которая ориентирована на глобальный бизнес) откровенно саботировала оборону исторической России от явной экспансии НАТО, Евросоюза и связанных с США структур.

Примеры? Пожалуйста. В течение почти всех 25 лет существования отделенной от России Украины российская элита игнорировала явно антироссийскую

пропаганду, которой занимались уже в кравчуковской и кучмовской Украине и оппозиционные, и государственные СМИ. Акция по спасению Крыма от нового, агрессивно-русофобского «майдановского» режима стала лишь запоздалой реакцией на 5 месяцев безнаказанного насилия, неприкрытого государственного переворота, которым и был на самом деле Майдан (даже глава американского исследовательского центра Stratfor Джордж Фридман назвал его самым неприкрытым переворотом в истории человечества). Период с 1989 по 2005 год был периодом одностороннего сокращения российского военного присутствия во всех регионах мира (Восточная Европа, базы во Вьетнаме и на Кубе, Украина и Средняя Азия и т.д.) Даже на финальное расширение НАТО в 2004 году (когда в альянс попали даже три бывшие советские прибалтийские республики) российская элита отреагировала вполне благодушно. Может быть, нашим читателям помнятся уверения тогдашнего министра обороны Сергея Иванова (ныне глава президентской администрации) о том, что расширение НАТО даже на территорию Эстонии не создает угрозы близлежащему Петербургу и другим российским территориям. На фоне нынешнего размещения в Прибалтике натовских бронетанковых бригад те утешения от Сергея Иванова звучат даже немного смешно.

Не менее странную позицию занимает крупная российская буржуазия и на внутреннем фронте. Герман Греф, глава основного банка страны (Сбербанка), после введения санкций называет Россию «страной-дауншифтером» и практически отказывается от обеспечения Крыма полным спектром банковских услуг, кивая на санкции. Возглавляемая былым членом «семибанкирщины» Михаилом Фридманом Alfa Group нанимает (уже после Майдана) главного европейского лоббиста украинских националистов – экс-министра иностранных дел Швеции Карла Бильдта. Он работает в инвестиционном филиале Alfa Group – Letter One. Это тот самый Бильдт, в свое время давший отмашку на прямой штурм администрации Януковича: после провокационного расстрела «майдановцев» со стороны контролировавшейся украинскими ультра-националистами гостиницы, именно Бильдт разместил в Сети сообщение, что у Януковича теперь «руки в крови» и против него теперь оправданы наступательные действия. «Газпром» финансирует радиостанцию «Эхо Москвы», поддержавшую голосами многих своих обозревателей и гостей и сам Майдан, и последовавшую после него «антитеррористическую» войну.

Чем объясняется такая как минимум двурушническая позиция той части российской элиты, которая связана с мировым бизнесом?

Дело тут вот в чем. С самого зарождения новой России (а зародилась она не в 1991-м году, а где-то году в 1989-м, когда Советский Союз умер, не объявив о собственной смерти) у российской элиты были три приоритета. Первый, как и у любой элиты, - это сохранение политической власти и «командных высот» в экономике у определенного круга людей (при этом лица могут меняться, а вот сама элита и принципы ее ПОСТЕПЕННОГО обновления – нет, по крайней мере, не допускаются революционные изменения). Второй приоритет российской элиты – это ее интеграция в западную элиту. То есть не просто возможность съездить в турпоездку или послать сына учиться в западный университет. Интеграция – в смысле присутствия в некоем «совете директоров» мировой экономики и политики. Третий приоритет – замена советских бесплатных социальных гарантий на платные социальные услуги (прежде всего образование и медобслуживание). Этим приоритетом при всех постсоветских режимах занимается более или менее один круг людей – основатель Высшей школы экономики Евгений Ясин и его последователи. Пожалуй, в третьем приоритете и при Ельцине, и особенно при Путине российской элите удалось продвинуться более всего.

В целом можно сказать, что с первым и третьим приоритетами у российской элиты – полный порядок. А вот со вторым приоритетом после короткого успеха при Горбачеве получился в общем и целом провал. Были утрачены даже те гарантии невмешательства со стороны Запада и относительной безопасности, которыми пользовались Горбачев в период своего «генсекства». Уровень ненависти западной элиты к российской сегодня даже превысил ненависть к брежневскому Политбюро. (В те времена Запад не решался напрямую говорить о своей работе по «смене режима» в бывшем СССР.)

Неудача со вторым приоритетом (интеграцией в западную элиту) не означает отказа российской элиты от этого приоритета. Многочисленные «гайдаровские форумы», упорные попытки приглашать в Россию за казенный счет западных бизнесменов и «аналитиков» (включая ярких русофобов и фальшивок типа Ариэля Коэна – бывшего Валерия Когана) – все это отчаянные послания, которые российская элита посылает Западу. Смысл посланий: мы не хотим говорить вам «прощай!», мы готовы терпеть унижения и сдавать вам в аренду российские ресурсы,

включая население. Условие Западу выставляется одно: не требовать от российской элиты отказа от первого приоритета – от власти и денег внутри России. Но западная элита требует именно этого отказа, причем стопроцентного.

А как еще понимать откровенную поддержку Западом радикалов типа Навального, Ильи Пономарева, украинских и грузинских националистов? Российская элита могла бы согласиться на компромисс, но компромисса ей как раз не предлагают.

Отказываясь от компромисса, Запад совершает огромную ошибку, показывающую степень его интеллектуальной деградации даже по сравнению с перестроечными временами, когда у Запада хватило коварства на многолетнюю игру с Горбачевым – игру, при которой Запад официально не объявлял о своей победе в холодной войне, хотя и забирал себе всю добычу, которая обычно полагается только победителю.

Российская элита много лет надеялась на компромисс. Сдача части суверенитета страны во имя получения голоса в условном всемирном «совете директоров» – такова была и политика Ельцина, и политика раннего Путина, и даже политика позднего Горбачева. Вспомним, как Путин позволил в 2004 году хозяину «Северстали» Мордашову предложить европейскому «Арселору» контроль над российской «Северсталью» в обмен за участие в собственности «Арселора».

Но в том-то и дело, что Запад предложенную сделку не принял – ни на микро-, ни на макроуровне. В случае с «Арселором» Евросоюз предпочел продать все индийскому финансовому тяжеловесу – миллиардеру Лакшми Митталу. В отношениях с Россией на макроуровне Запад предпочел вложиться в НАДЕЖДУ на приход к власти лиц, которых он считает абсолютно лояльными себе,- Навального, Касьянова, Рыжкова, несмотря на явную политическую и интеллектуальную несостоятельность этих господ.

Трагическим образом желаемая Западом «смена режима» была «отрепетирована» на Украине, где искавший компромисса с Западом отнюдь не антизападный президент Виктор Янукович имел возможность увидеть, какой участи хотели ему западные помощники Майдана. В случае, если бы он не уехал из Киева в 2014 году эта участь была бы – смерть. Запад не только не защитил мирные соглашения Януковича с оппозицией, заключенные под гарантии глав МИД Франции, Германии и Польши, - Запад дал понять, что не стал бы спасать и саму жизнь Яну-

ковича. Это был мощный и бесконечно бесстыдный «месседж» западных лидеров, не прошедший мимо внимания российской элиты.

Тем не менее Путин не закрывает второй приоритет навеки. Он дает возможность служить этому приоритету множеству чиновников – в том числе сотрудникам правительства, академических институтов, всяких темного происхождения НГО.

Но это опасная игра. Нынешний капитализм быстро утрачивает остатки сходства с цивилизованным, мирным капитализмом второй половины двадцатого века. В таких странах, как Украина, Хорватия, прибалтийские республики наверх пробиваются политические силы, которые не скрывают своего идеологического родства с нацистскими партиями времен второй мировой войны. Да и сам западный мир быстро утрачивает остатки уважения к собственности (вспомним, как «западники» изъяли из швейцарских банков авуары ливийского правительства, пустив эти деньги на вооружение для антикаддафиевской оппозиции). Все более ярко пробивается и готовность Запада сквозь пальцы смотреть и на страдания, и даже на смерть людей, которые с ним, с Западом, не согласны (тут можно вспомнить молчание Запада, когда украинский режим бомбил Донбасс; равнодушие к судьбе многочисленных жертв «войны» США с террором и т.д.).

Капитализм вернулся к той форме, которую описывал Ленин, когда представлял англо-германский империализм начала двадцатого века иррациональным хищником, легко уничтожающим себе подобных. А российская капиталистическая элита по-прежнему пытается увидеть в нем любимые «социал-демократические» черты доброго рейнского варианта капитализма – всех этих Вилли Брандтов, давно уже вытесненных с политической арены бессовестными и кровожадными Карлами Бильдтами. Купить ВСЕХ этих Карлов Бильдтов русским олигархам не удастся. Недаром Михаила Фридмана, несмотря на покупку им услуг Карла Бильдта, британские власти все-таки заставили продать месторождения в Северном море. Российской элите пора понять: на гигантской виселице, которую сейчас строят в Евросоюзе для России, найдется место и для них. Как говорил Билли Бонс в «Острове сокровищ», «если дело дойдет до виселицы, на ней будут болтаться все».

Юрий Олейников. Мегатренды постиндустриальной модернизации

В данной статье современная модернизация индустриального общества рассматривается как социальное явление. Она обуславливает коренную трансформацию бытия всего социоприродного Универсума. Этот процесс сопровождается становлением новой мировоззренческой парадигмы, адекватной изменившейся роли и места человека в природе и обществе.

Объект социальной философии – бытие социальной формы движения материи во всей тотальности ее проявлений. Различные стороны и закономерности бытия общества - земного типа социальной формы движения материи - изучают конкретные социальные науки, такие как социальная антропология, социология, этнология, политическая экономия, политология, культурология и т.п., данные которых в своей совокупности являются теоретической базой социальной философии, интегрирующей их в обобщающую систему законов бытия общества и мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе.

Социальная философия – продукт теоретической деятельности людей, живущих в конкретном, исторически изменяющемся обществе. Философы, как и все другие люди, не могут быть независимы от общества, в котором живут. В силу различных условий жизни, собственного опыта, знаний, интересов, целей и других причин они создают различные философские теории бытия общества, которые, однако, не смотря на свои парадигмальные различия, отражают и некоторые объективные законы бытия объекта своего исследования, знание которых помогает понять социум, в котром люди живут, выявить тенденции его исторической эволюции, дать рекомендации для практического достижения определенных целей развития того или иного конкретного социального организма или человечества в целом. Такая функция социальной философии обусловливает правомерность и необходимость ее существования в системе социального знания и структуре научных учреждений.

Практическая значимость социальной философии особенно возрастает в периоды назревания и осуществления коренных преобразований общества, когда возникает потребность осмысления перспектив его бытия и особенно востребован ее прогностический потенциал. Без адекватной системы мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе утрачивает ориентиры дальнейшего развития науки, техники, социальных отношений и т.д.[1]

В настоящее время человечество находится на распутье своего исторического бытия. Сейчас не только в интеллектуальном сообществе особенно остро осознается актуальность проблемы выживания человечества и определения возможного тренда дальнейшей эволюции, но и масса простых обывателей переживает ощущение нестабильности, назревающей неотвратимости судьбоносных перемен в жизнедеятельности человечества. Такая ситуация обусловливается в конечном счете качественным изменениям используемых человеком средств преобразования окружающей действительности, возникших благодаря фундаментальным открытиям есстественных наук в начале – середине XX века и приведших к коренному изменению места и роли человека в природе и обществе, к превращению конкретного отдельного человека в субъект эволюции планетарного социоприродного Универсума[2].

Впервые коренные изменения в развитии материальных производительных сил индустриального общества стали предметом философского осмысления в начале второй половины XX столетия. Тогда же для обозначения этого феномена возник термин «научно-техническая революция» (НТР). Бум исследований НТР пришелся на конец 70-х – середину 80-х годов прошлого века. Социальные последствия и перспктивы развертывания научно-технической революции, сулившие коренное преобразование бытия индустриального общества, естественно, явились предметом пристального внимания представителей социальной философии во всем мире. Не стали исключением и отечественные философы.

В Институте философии АН СССР различные аспекты модернизации общества, связанные с развертыванием НТР, стали предметом специальных исследований.

1 Ортега-и-Гассет, Хосе 1994. Этюды об Испании /Пер. с исп. Составители А. Матвеев, И. Петровский. Под общ. ред. И. Петровского. – Киев: Новый круг, Пор-Рояль. С. 78.

2 Олейников Ю.В. Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума. История и современность. 2011. С. 114 – 130.

В 80-е годы силами сотрудников Института философии и ученых других научных учреждений бывшего СССР и иностранных специалистов из ряда зарубежных стран были подготовлены и изданы коллективные труды (НТР как социальный процесс[1], индивидуальные монографии и множество статей, в которых был достаточно полно осуществлен обзор вышедших к тому времени публикаций, представленных в них направлений и методологии исследования феномена НТР.

Непреходящая ценность проделанной работы заключалась в вычленении, теоретическом обосновании и развитии, основанной на марксовой методологии, концепции социально-философского понимания научно-технической революции, где НТР интерпретировалась как социальный процесс, обусловливающий коренную модернизацию общества, аналогичную по своей исторической значимости промышленной революции, ознаменовавшей в свое время переход аграрного (традиционного) общества в стадию индустриального развития (современное общество) со всеми присущими ему проявлениями социального бытия.

Основанием для рассмотрения развертывания НТР как фактора модернизации индустриального общества стало представление о том, что наука, техника, технологии и сам человек, как главная производительная сила общества, представляют в своей совокупности атрибутивные компоненты бытия социума, а их развитие является внутренним источником движения земного типа социальной формы движения материи. В такой интерпритации научно-техническая революция предстала в образе некоего рычага, с помощью которого осуществляется переворот во всей социальной жизнедеятельности общества.

С началом перестройки, приведшей к демонтажу СССР и реставрации капитализма в России, исследования сущности социальных последствий развертывания НТР были свернуты по идеологическим соображениям, а трактовки ее содержания и исторической роли в большинстве последовавших за этим публикаций свелись исключительно к технико-технологической модернизации производительных сил материального производства и иллюстрации особенностей превращения конкретных социальных организмов традиционного общества – (в основном стран бывшего третьего и второго мира) в современное общество. Тем самым был утрачен эвристический потенциал интерпретации технико-технологической модерниза-

1 Керимова, Т.В. (ред.) 1982. НТР как социальный процесс. – М.: Наука.; Плетников, Ю.К. (отв.ред.) 1987. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: диалектика современной эпохи. – М.: Наука.

ции как главного фактора революционного преобразования всего бытия индустриального общества.

Завершающие десятилетия ушедшего века и начало нынешнего оказались насыщенными глубокими трансформациями социальной жизнедеятельности, которые широко обсуждаются в публикациях современных авторов, посвященных модернизации индустриального и постиндустриального общества. Теория и практика всех сторон модернизации современного общества дают богатый материал для верификации – проверки чувственно данными «непосредственного опыта» – эвристической состоятельности социально-философской концепции НТР и позволяют выявить перспективы дальнейшей эволюции социальной действительности.

В последние годы была предпринята попытка, опираясь на социально-философское понимание НТР, рассмотреть процессы революционной трансформации производительных сил и их влияние на изменение предметного мира природы и общества, состояние планетарной экосистемы, перспективы естественной и социальной эволюции человека, определить вектор развития современного общества и др. Во избежание повторения обозначим пунктиром некоторые основные выводы проделанной работы с тем, чтобы полнее осветить другие социальные следствия развертывания научно-технической революции.

На первых этапах становления НТР сущность этого феномена виделась в его проявлениях: химизации, автоматизации, кибернизации, онаучивании процессов производства и т.п. Затем было предложено более адекватное понимание современной революции в производительных силах. Этот переворот связывался с использованием в качестве орудий труда инициируемых человеком природных процессов микромира[1]. Теперь, когда манипулирование с материальными объектами размером от 1 до 100 нанометров (1 нанометр – 10^{-9} метра), т.е. применение нанотехнологий в материальном производстве, стало обыденным явлением, определение сущности НТР можно уточнить: научно-техническая революция – коренной переворот (революция) в средствах воздействия человека на окружающую действительность, связанный с использованием в качестве орудий материальных частиц и процессов наноуровня.

Широко применявшиеся в индустриальном производстве механические машины, орудиями которых являлись преобразованные по форме предметы природы, были способны изменять лишь форму предметов труда. Материальное произ-

1 Олейников Ю.В. Экологические альтернативы НТР. – М.: Наука. 1987.С. 28

водство было формопреобразующим. Готовые предметы потребления и отходы производства по существу оставались естественными объектами. Коренная систематическая трансформация структурных основ материального мира планеты началась с использованием нанотехнологий. С их помощью человек стал способен не только изменять форму вещества природы, но и качественно преобразовывать естественную природную среду, создавать несуществующие в природе вещества и процессы, по сути, изменять саму структуру материи и тем самым фактически творить новую материальную среду своего существования.

Практическое овладение нанотехнологиями ведет не только к изменению мира неживой природы, но и живого вещества планеты. Нанотехнологии обусловили качественный скачок в генной инженерии. Человек, манипулируя с генами живых организмов, начал быстрыми темпами в большом объеме продуцировать геномодифицированные организмы – подлинные химеры, несвойственные для естественных экосистем. Это ведет к качественному изменению биоты и биогенной среды обитания живых организмов и в целом к обострению экологической ситуации на Земле[1].

Проблемы выживания человечества и биоты на планете обрели чрезвычайную актуальность в связи с другой глобальной угрозой их существованию. Не секрет, что нанотехнологии находят широкое применение в создании новых видов оружия массового и избирательного поражения: ядерного и термоядерного омницида, изменения климата, инициирования глобальных природных катаклизмов (цунами, землетрясения, извержения вулканов, создание озоновых дыр, различных излучений и т.п.), химических отравляющих веществ, патогенных организмов и других биологических средств воздействия на генетическом уровне для уничтожения различных живых организмов и людей определенной этнической или социальной принадлежности. Активно разрабатываются всевозможные психотропные технологии манипуляции людьми[2].

Особая опасность использования нанотехнологий в современном обществе видится в том, что достижения НТР, воплощаясь в технике и технологиях, становятся орудиями производства и шире – средствами воздействия на окружающую действительность и человечество, большинство членов которого являются людь-

1 см. подробнее: Олейников, Ю.В., Борзова, Т.В. 2008. Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ). – М.: Изд-во РГСУ. 181–207

2 Олейников Ю.В. Коренная трансформация бытия социоприродного Универсума. Философия и культура 6. С. 30 – 43.

ми психически, интеллектуально, нравственно и в целом социально незрелыми – инфантильными[1].

Сейчас подавляющее большинство людей живет в отсталых и развивающихся странах с весьма низким уровнем жизни. В силу социально-экономических условий их существования они не имеют необходимых условий для своего развития, адекватного сложности создаваемых в ходе научно-технической революции средств воздействия на окружающий мир. С годами по состоянию социальной зрелости они остаются «взрослыми детьми». Однако на своих рабочих местах, в быту, в роли военнослужащих они оперируют миром техники, вещей и процессов, созданных научно-технической революцией, неадекватное использование которых в любой момент времени может инициировать антропогенные процессы, способные привести к необратимым глобальным изменениям на планете (ядерная зима, техногенные и антропогенные катастрофы, эпидемии, геноцид и др.)[2].

Для применения таких средств существует множество предлогов в современном противоречивом, богатом острыми политическими, экономическими, национальными, этическими, классовыми, религиозными, идеологическими и другими конфликтами мире.

Уже сейчас отдельно взятый конкретный человек может привести в действие какое-либо из множества имеющихся в наличии средств, способных уничтожить человеческую цивилизацию и культуру и в целом жизнь на Земле, да и саму планету как космический объект. И нет никаких оснований уповать на страх перед самоуничтожением и различные технические средства как гарантии безопасности. Опыт двух последних мировых войн, послевоенное противостояние и практика наших дней дают право утверждать: реальное бытие современного общества разрушило три «великие иллюзии, основанные на том, что гуманизм – естественное состояние человечества и человека, что наука это абсолютное благо для овладевшего ею человека» и что научная рациональность способна предотвратить сцена-

1 см.: Олейников 2010, Поздняков, Э.А. 2011. Природа и сущность человека (мысли мизантропа и обскуранта). – М.: Бослен. Дугин, А.Г. 2013. Мартин Хайдеггер: философия другого начала. – М.: Академический Проект, Альма Матер. С. 116–118. Калашников, М. Дебилизация России и всего мира. Новое варварство. – М.: Яуза-пресс. 2013, Свясьян, К.. …Но еще ночь. – М.: Изд-во «Эвидентис», «АВТ центр», 2013. С. 37–45. Никонов, А.П. Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор цивилизации. – М.: ЭНАС; СПб.: Питер. 2014. С. 151–184. Добровольский, Я. 2014. Философия глупости. История того, что иррационально /Пер. с польского. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр».

2 Олейников Ю.В. Перспективы эволюции планетарного социоприродного универсума //Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий /Под ред. И.К. Лисеева. – М.: «Канон+». 2014. С. 44–62

рий слепого самоуничтожения[1]. За то, что человечество пока еще существует, нужно, скорее, благодарить счастливый случай, везение, а не добрую волю людей.

Словом, научно-техническая революция, рожденная конкурентной борьбой за увеличение прибыли и соперничеством различных социальных систем, разделявших в XX веке человечество, дала в руки человека, клоссальные материальные средства в принципе способные как обеспечить безграничное существование человечества в пространстве и времени, так и стать катализатором обострения традиционных и качественно новых судьбоносных для бытия общества проблем.

Так, например, на пике индустриального развития в Докладах Римскому Клубу главной темой стали глобальные проблемы развития человечества. В первоначальном виде глобальные проблемы отражали реалии и тенденции развития индустриального общества. Тогда, экстраполируя в будущее характерные для индустриального общества модели воспроизводства народонаселения, пришли к выводу о его неудержимом экспоненциональном росте и неспособности сельского хозяйства, базировавшегося на механической машинной технике и технологиях, практически исчерпавших потенции роста призводительности труда, обеспечить растущее население планеты необходимым продовольствием. Более того, увеличение традиционных мощностей индустриального производства провоцировало так же и стремительный рост массы бытовых и промышленных отходов, катастрофическое загрязнение окружающей среды, ухудшение экологической ситуации и нарастание проявлений глобального антропогенного экологического кризиса. Все это рассматривалось как реальная угроза бытию общества.

Глобальные проблемы не утратили своей остроты и в настоящее время, когда научно-техническая революция начала зримо проявляться в разных аспектах социальной жизни и общество стало на путь постиндустриального развития. Однако в последние годы существенно изменилась социальная специфика этих проблем.

Освоение нанотехнологий, способных качественно преобразовывать глубинные основы материального мира, а именно, изменять структуру предмета труда – вещества природы – создает реальную возможность производить все из всего. Благодаря этому уже сейчас заметно снизилась острота проблемы исчеср-

1 Уткин, А.Н. Первая мировая война. – М.: Культурная революция.2013. С. 948–556. Лоу, Кит. 2013. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны /Пер. с англ. Л.А. Карповой. – М.: ЗАО изд-во Центрполиграф. Полищук, М.Л. 2012. Великое вопрошание. Философия на весах истории: эссе. – М.: «Канон+».

пания традиционных невозобновимых ресурсов (полезных ископаемых) и появилась возможность целенаправленного техногенного производства и воспроизводства в планетарном масштабе биогенных ресурсов: продовольствия, воды, химического состава атмосферного воздуха, поддержание мощности озонового экрана, обеспечение хиральной чистоты живого вещества планеты и вообще воспроизводство биогенных характеристик различных экосистем, включая планетарную экосистему – биосферу[1].

Уже сейчас это видно на примере производства продовольствия. В США еще в 2006 году 1% трудоспособного населения, занятого в сельском хозяйстве, в полной мере обеспечивал продовольствием всех граждан этой 300 миллионной страны и производил большое количество продовольственных продуктов на экспорт. Почти полуторамиллиардный Китай, активно заимствующий современные нанотехнологии, имея всего 7% мировой пашни, существенно увеличил объемы производства сельскохозяйственной продукции, улучшил структуру питания и в полной мере обеспечивает им свое население, реализуя при этом значительную их часть на внешнем рынке[2]. Конечно, в современном мире глобальная продовольственная проблема далека от своего окончательного решения. Миллионы людей страдают от несбалансированного питания, недоедания и голода. Но в принципе, глобальная продовольственная проблема перестала быть проблемой технико-технологической, несовершенства агротехники, а стала проблемой социальной, демонстрирующей неспособность традиционных и индустриальных обществ обеспечивать их народонаселение продовольствием.

В разряд социальных переходят и проблемы экологические. Создание экологического производства (производство и воспроизводство биогенных условий существования) в его технико-технологическом воплощении, даже в планетарном масштабе, становится практически выполнимой задачей. Ее реализации препятствуют социальные причины. Они кроются в следующем. Основа капиталистической системы хозяйства – товарное производство. Частный собственник производит только то, что может быть и является предметом купли-продажи. Планетарные биогенные условия существования живого вещества: атмосферный воздух, озоновый слой, мировой океан, радиационный фон планеты и т.п., в принципе не могут

1 Олейников Ю.В. Человечество на распутье: тенденции эволюции /Меняющаяся социальность: контуры грядущего /Под ред. В.Г. Федотовой. – М.: ИФРАН. 2012. С. 233–234

2 Овчинников, В. Полтора миллиарда «человеко-ртов». Российская газета 13 февраля 2014: С. 25.

быть товаром. Их нельзя купить или продать. Поэтому в буржуазном обществе никто и не занимается производством и воспроизводством планетарных биогенных констант. Экологическое производство в глобальном масштабе может стать реальностью только там, где деятельность людей нацелена не на производство товаров и прибыли, а на удовлетворение потребностей развития человека, включая потребности в благоприятных экологических условиях существования. Следовательно, дальнейшее развертывание НТР в принципе переводит решение глобальной экологической проблемы из области технико-технологической в сферу проблем сугубо социальных[1].

Демографические проблемы всегда рассматривались в социальном контексте. Однако, чаще всего рост народонаселения или процессы депопуляции в конкретных странах и в мире в целом, как у Т. Мальтуса, связывались с обеспеченностью населения продовольствием. И действительно, в традиционном и индустриальном обществах, бытие которых осуществлялось стихийно - как естественноисторический процесс, демографическая ситуация в планетарном масштабе определялась сложной системой взаимодействия человеческой популяции с окружающей природной средой. Обеспеченность человечества естественными природными ресурсами, включая во многом зависимое от климатических условий производство продовольствия, обусловливало процессы колебаний численности народонаселения и тенденции его изменения. Из такого понимания демографии строились прогнозы Римского Клуба и, в известной мере, демографическая концепция С.П. Капицы, который пытался, максимально учитывая специфические социальные особенности динамики изменения планетарной человеческой популяции, обосновать идею фазового демографического перехода: смену экспоненциального роста народонаселения планеты стабилизацией его численности где-то на уровне 9-11 миллиардов человек[2]. В целом же все демографические концепции находились в контексте методологической парадигмы развития человечества, характерной для этапа естественно-исторического бытия общества.

Научно-техническая революция вносит существенные коррективы в динамику демографических процессов. Открывающаяся возможность превращения чело-

1 Олейников Ю.В. Социальный аспект современной технико-технологической модернизации. Философские науки, № 9. 2010. С. 37–49.

2 Капица, С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: Альпина Нон-фикшн. 2010. С. 60-69

века в автотрофное существо[1], т.е. организм, независимый в удовлетворении своих потребностей в продовольствии и шире – в материальных средствах к жизни – от живого вещества планеты, а так же использование генной инженерии в медицине и сельскохозяйственном производстве существенно снижают роль естественного отбора и влияние окружающей среды на генофонд, здоровье и в целом на эволюцию человеческой популяции. Это создает принципиально иные возможности для производства и воспроизводства человека. С учетом связанных с НТР изменений в жизнедеятельности людей, повышения уровня их благосостояния и увеличения свободного времени, процесс воспроизводства человека изменился настолько, что сегодня весьма проблематично более или менее точно предсказать по какому сценарию (экспоненциальному или какой-то другой модели роста, стабилизации на оптимальном уровне или депопуляции) пойдет процесс. Ближайшее время покажет.

Пока же мы видим, что демографическая ситуация складывается весьма драматично. В силу в основном социальных причин в ряде стран отмечается депопуляция, это обусловленно изменением ценностных ориентаций общества потребления, где рождение и содержание детей ограничивают возможности карьерного роста, благосостояния и возможности удовлетворения гедонистических потребностей родителей. С этим связано падение рождаемости и изменение возрастной структуры в отдельных социальных организмах: уменьшение в процентном отношении, а часто и в абсолютном выражении, численности лиц трудоспособного возраста и увеличение доли людей преклонных лет с проблемами их обеспечения средствами к жизни и обслуживания. Такая ситуация обусловливает сокращение занятых в сфере непосредственного материального производства, изменение социальной структуры общества, вынужденное привлечение рабочей силы извне, рост миграции и мигрантов и обострение в связи с этим этнических проблем и межэтнических отношений, перевод реального сектора производства в развивающиеся страны и там – широкий спектр связанных с этим социальных проблем. В общем, при сохранении социально-экономической структуры современного общества, НТР по существу обострила весь комплекс демографических проблем, сделала их развитие чреватыми серьезными социальными потрясениями планетарного масштаба, предотвращение которых требует коренных преобразований социальной жизнедеятельности.

1 Вернадский, В.И. 1980. Проблемы биохимии. М.: Наука. С. 228–245

Несомненно, научно-техническая революция стала катализатором современных процессов глобализации экономики и связанных с ней проблем. В свое время И. Валлерстайн изобразил складывание мировой капиталистической экономики как становление и развитие капиталистической миросистемы, центрированной вокруг небольшого ядра развитых стран обширной периферии, представленной конгламератом стран с низким уровнем благосостояния, экономическое и социальное развитие которых контроллируется из эпицентра капиталистического мира[1]. Такая структура миросистемы обусловлена тем, что капиталистические страны, исторически возникшие на эффективных территориях (благоприятных для товарного производства)[2] и опередившие свою экономическую ойкумену в промышленном прогрессе, могли быстро развиваться только за счет эксплуатации природных ресурсов, рабочей силы и широкого потребительского рынка периферии. С развертыванием НТР на периферии стали размещать и «экологически грязные производства». Фактически страны периферии являются пасынками метрополии, которых держат в инфантильном состоянии, не позволяют им стать экономически независимыми и самостоятельно определять пути своего развития. Метрополия заинтересована в строго дозированном повышении их научно-технического и экономического потенциала, в их определенной социально-политической ориентации, обеспечивающей их лояльность лидерам капиталистического миропорядка. В этих целях периферии миросистемы предлагается догоняющая модернизация, как повторение пройденного центром – овладение техникой и технологией индустриального общества и дозированное использование технологий НТР, обрекающая их на научно-техническое отставание и подчиненное положение в мире. Красноречивой иллюстрацией превращения России в периферийное государство капиталистической миросистемы является динамика эволюции ее социальной жизнедеятельности[3]. Тем самым сохраняется статус-кво метрополии и их мировое господство со всеми вытекающими последствиями - гарантиями незыблемости капиталистической миросистемы, что нашло свое отражение в идеологически ангажированных концепциях «конца истории» и «устойчивого развития[4]» . Эти

1 Валлерстайн, И. 2004. Конец знакомого мира: Социология XXI века /Пер. с англ. В.И. Иноземцева. – М.: Логос.
2 Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума. – М.: Изд-во ИФРАН., 2003
3 Гражданкин, А.И., Кара-Мурза, С.Г. 2013. Белая книга России: строительство, перестройка и реформы: 1950 – 2012 гг. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
4 Олейников Ю.В. Альтернативы постиндустриальной модернизации. Философия и культура 5: 628 – 649

концепции не выдерживают не только критику по существу, но и не соблюдают в своем обосновании элементарные правила логики[1]. Идеология «устойчивого развития» провозглашает неизменность капиталистической социальной организации, что невозможно в принципе, ибо в процессе бытия человека непрерывно возникают новые ситуации, появляются новые потребности и соответствующие способы их удовлетворения, а значит, возникают новые орудия и формы предметной деятельности, которые конституируют соответствующие им новые формы социального бытия и способы общественного производства[2]. Сохранение капиталистической миросистемы и процессы глобализации экономики провоцируют обострение большинства социальных противоречий современности, поскольку втягивает в свою орбиту все большее количество стран и людей, не адаптированных к стремительным изменениям бытия человечества, обусловленных современным развертыванием НТР.

Как видим, научно-техническая революция уже стала мощным катализатором трансформации судьбоносных – глобальных проблем бытия человечества. Она же существенно влияет практически на изменения всех сторон социальной действительности, детерминирует преображение внешнего облика неорганического тела человека – очеловеченной природы, и социальной действительности в целом.

Достаточно наглядно можно продемонстрировать изменение внешнего облика цивилизации на частном примере влияние НТР на организацию пространства бытия общества, скажем, в градостроительстве. Возможности создания с помощью нанотехнологий безграничной номенклатуры принципиально новых композиционных строительных материалов[3] с заранее заданными свойствами: чрезвычайно легких и прочных, жестких и пластичных с различными теплоизолирующими свойствами, влаго и жаростойких, разной степени прозрачности и звукоизоляции и т.д. и т.п. позволяют кардинально изменить существовавшие прежде способы и принципы организации жизни, труда, быта и отдыха людей, коренным образом преобразить облик городов и других мест обитания человека: жилых и офисных помещений, производственных и спортивных комплексов, транспортные артерии,

1 Кондрашов, П.Н. Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса /Под ред. К.Н. Любутина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2014. С. 79

2 Там же.

3 Горохов, В.Г. 2008. Нанотехнологии. Эпистемологические проблемы теоретического исследования в современной технонауке. Эпистемология и философия науки XVII: 18.

географию поселений, каноны красоты архитекткрных сооружений и множество других проявлений организации пространства жизни общества.

Столь же тотальные преобразования происходят в ходе научно-технической революции и в других проявлениях бытия социума: в медицине, фармакологии, сельскохозяйственном и промышленном производстве, СМИ, системе управления, в быту и бытовом обслуживании, в военно-промышленном производстве, в развитии транспорта, средств связи, научных исследований, образования и др. Список можно продолжать до бесконечности. Важно констатировать следующее: НТР стала реальностью, ее развертывание происходит стремительно. Она обусловливает революционное преобразование – коренную модернизацию всех сторон бытия общества.

Одним из принципиально значимых следствий развертывания НТР стало изменение представлений о месте и роли отдельного человека в бытии социоприродного Универсума, что отражается в формировании новой мировоззренческой парадигмы. Для эпохи индустриального развития было характерно утверждение, что «один в поле не воин», один человек не в состоянии существенно изменить бытие планетарного социоприродного целого. В условиях НТР отдельный конкретный человек способен инициировать названные выше процессы, результаты протекания которых в состоянии коренным образом изменить бытие планетарного социоприродного Универсума вплоть до уничтожения биосферы и планеты в целом. В результате отдельный человек становится субъектом эволюции планетарного целого[1].

Согласно материалистической философии истории и социально-философской концепции НТР революционный переворот в техническом базисе материального производства индустриального общества с неизбежностью становится причиной обострения противоречий его бытия и катализатором изменения всего способа социальной жизнедеятельности. В свете вызванных НТР перемен в эволюции индустриального общества и становления новой мировозренческой парадигмы, чрезвычайно актуальной становится проблема коренной трансформации экономического базиса общества и всех остальных направлений собственно социальной жизнедеятельности, включая проблемы пересмотра целей и приоритетов исполь-

1 см.: Олейников Ю.В. Изменение места и роли человека в эволюции социоприродного Универсума . Академия знаний, № 1. 2009. С. 109 – 118.; Зрелое общество. Проблема, реальность, перспективы. – М.: Перспектива. 2010.

зования достижений НТР и их переориентация на обеспечение условий безграничного бытия человечества в пространстве и времени.

Как утверждалось выше, возникновение и развертывание НТР было обусловлено не только внутренней логикой развития науки и техники, но главным образом, практическими потребностями капиталистической конкуренции и противостоянием разных политических систем. Внедрение принципиально новых технологий дает преимущества в производстве прибавочной стоимости. Поэтому собственники средств производства стремятся использовать достижения научно-технической революции прежде всего в своих корыстных целях. Тем самым в условиях господствующего экономического способа производства стимулируется создание технико-технологического базиса не свойственного для индустриального общества. Смена технико-технологического базиса манифестирует несоответствие уровня развития производительных сил характеру сохраняющихся производственных отношений индустриального общества.

За примером далеко ходить не надо. Обратимся к России. Она является типичным представителем индустриально развитых стран бывшего «второго мира», ставших перефирией капиталистической миросистемы. В ней наиболее зримо проявились социальные проблемы, характерные для большинства индустриально развитых стран мира, вставших на путь современной коренной технико-технологической модернизации. Их можно описать в тех же терминах, которые отражали социальные процессы эпохи начала и расцвета индустриального общества, только с приставкой «де», обозначающие противоположные для модернизации традиционного общества процессы.

Прежде всего здесь действительностью стали: деиндустриализация (разрушение или перевод в развивающие страны индустриального машинного производства); деквалификация рабочей силы сектора реального материального производства (работники часто меняют рабочие профессии, не требующие длительного обучения); нарастает процесс деклассирования – утраты классовой идентичности и размывание классовой структуры свойственной индустриальному обществу; денационализация (стирание национальных особенностей и приоритетов как основы формирования буржуазных государственных образований); демобилизация (потеря великих целей развития национального государства); деполитизация населения в связи с разрушением классовой структуры общества и связанная с этим деидео-

логизация в силу господства навязанной населению идеологии «хозяев жизни»; экономическая депрессия во всем капиталистическом мире (спад темпов роста производства и затяжной финансово-экономический кризис); депопуляция коренного населения в странах метрополии и индустриальной периферии миросистемы; деградация классической системы образования, воспитания и науки и связанные с этим деморализация, деинтеллектуализация и в целом десоциализация и дегуманизация (инфантилизация) основной массы людей и общества, что часто обозначают термином «дебилизация масс»; дезинтеграция – распад государственных организмов (СССР, Югославия, Чехословакия, Грузия, Украина, сепаратистские движения в Англии, Испании, Канаде, проблемы Евросоюза и обострение межэтнических конфликтов в государствах, проводящих политику мультикультурализма); устойчивая девальвация национальных валют и социальных ценностей. Все это обусловливает дестабилизацию экономики, социальных связей, нарастание напряженности в международных отношениях, увеличение числа и масштабов вооруженных конфликтов, провоцирует радикализацию социальных движений и политическое противостояние и в целом хаотизацию бытия социоприродного целого. Конгломерат подобных процессов, запущенных коренным изменением технико-технологического воздействия на природу, перечисляют в своих работах К. Ясперс и Ж. Бодрийяр. При этом последний применяет для их обозначения частицу «транс» (после): трансэкономика, трансполитика, трансэтика, транссексуальность и т.п.[1].

Отсюда понятно: развитие науки и техники, воплощенное в развертывании НТР, не остается социально нейтральным. Связанная с использованием нанотехнологий «радикальная трансформация природы, становится частью радикальной трансформации общества[2]». Поскольку изменение направления научно-технического прогресса «невозможно без фундаментальных общественных изменений» (там же: 850), то закономерно обострение внутренних противоречий в любом социальном организме, которое «необходимо ведет к качественным изменениям – взрыву и катастрофе наличного положения дел[3]». Сегодня эволюция капиталистической миросистемы, ставшей благодаря научно-технической революции явлением планетарного масштаба, на этапе триумфа ее глобализации, наглядно де-

1 – Бодрийяр, Ж., Ясперс, К.. Призрак толпы. – М.:Алгоритм. 2014
2 – Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной практике /Пер. с англ.А.А. Юдина. – М.: АСТ: Астрель.2011: С. 361
3 – Там же. С. 143

монстрирует глобальный кризис этой социальной системы и подтверждает правоту материалистической социально-философской концепции, рассматривающей НТР как общественное явление в контексте современного исторического процесса.

Кстати, об эвристической ценности именно материалистической методологии анализа социальной действительности говорил величайший исследователь становления и развития капитализма М. Вебер: «Анализ социальных явлений и культурных процессов под углом зрения их экономической обусловленности был и ...останется на все времена творческим и плодотворным научным принципом[1]» .

Модернизацию и закат капитализма как конца предыстории и начала подлинной истории человечества предсказывали не только марксисты, но и их идеологические противники и даже апологеты существующего миропорядка. Достаточно назвать наиболее авторитетные имена западных исследователей. Так З. Фрейд в предверии НТР считал: «Люди довели свою власть над силами природы до такой степени, что с их помощью они могли бы теперь легко уничтожить друг друга до последнего человека. Они это знают и это по большей части является причиной их нынешней обеспокоенности, их подавленности, их мрачных предчувствий[2].» Затем М. Хайдеггер, называя современность «эпохой, завершенного обессмысливания», сетовал на то, что прежде «ужас перед бытием не был столь велик, как сегодня[3]», а ученик М. Хайдеггера – Т.В. Адорно полагал: «Всемирная история … ведет от пращи к мегабомбе. Ее завершение – тотальная угроза…[4]». Эту череду пессимистических оценок современности можно завершить сентенцией Ф. Бааде: «Нам следует понять, что человечество вступило в новый этап своей истории, этап, решающий для его дальнейшего существования… Перед человечеством стоит важнейшая задача, равной которой не знала вся его история. И она должна быть решена в столь сжатый срок, что об этом страшно подумать[5]».

Факты заставляют признать эти пессимистические пророчества весьма обоснованными и практически подтвержденными. Хотелось бы только внести в наши

1 Вебер, М. Избранные произведения /Пер. с нем. М.И. Левина. – М.: Прогресс.1990. С. 98
2 цит. по: Маркузе, Г. 2011. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной практике /Пер. с англ.А.А. Юдина. – М.: АСТ: Астрель. С. 298
3 цит. по: Маркузе, Г. 2011. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной практике /Пер. с англ.А.А. Юдина. – М.: АСТ: Астрель. С. 281
4 Адорно, Т.В. 2011. Негативная диалектика. Пер. с нем. Е.Л. Петренко. – М.: Академический Проект.
5 Бааде, Ф. 1962. Соревнование к 2000 г. Наше будущее: рай на земле или самоуничтожение человечества. - М.: Прогресс. С. 248

представления определенную дозу оптимизма, рожденную в недрах современной философии и отразившую объективную возможность благоприятного тренда развития общества на материально-технической базе новых производительных сил. Сам же М. Хайдеггер, ощущая переворот всего человеческого бытия, у истоков которого в начале НТР стояло человечество, видел в этом кризисе «шанс нового начала[1]».

Преодоление современного кризиса бытия человечества и дальнейшая эволюция социоприродного Универсума не могут быть решены на путях продолжения эволюционной капиталистической модернизации – совершенствования капитализма как такового. Здесь «…любые экономические и политичесекие реформы изначально обречены на неудачу. Только посредством тотальной революции (изменения всего способа производства социальной жизнедеятельности – Ю.О.) можно преодолеть рамки актуальной ситуации[2]». И «действовать надо сейчас», иначе апокалипсис наступит раньше, чем кто-то надеется[3].

Подводя итог, надо сказать: реалии бытия современного общества подтверждают правоту тезиса, положенного в основу социально-философского понимания НТР как социального явления, о том, что «вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается так же и революция в производственных отношениях[4]». Идущие сейчас процессы заметно трансформируют все стороны бытия буржуазного общества, и, не смотря на то, что суть капиталистического способа производства еще не подверглась коренному преобразованию, он утрачивает многие характеристики адекватные этому способу социальной жизнедеятельности. В его недрах скрываются черты новой социальной организации. Не случайно поэтому изменения в бытии капиталистического общества эпохи НТР находят отражение в его новых названиях. Теперь это общество именуют «постиндустриальным», «технотронным», «информационным», «цивилизацией третьей волны», «открытым обществом», «обществом знания», «обществом потребления» и др[5]. Модернизация ин-

1 см. об этом: Сафрански, Р. 2002. Хайдеггер: германский мастер и его время /Пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брук - Цехового. – М.: Молодая гвардия. С. 306, 475

2 Маркузе, Г. 2011. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной практике /Пер. с англ.А.А. Юдина. – М.: АСТ: Астрель. С.185

3 Иглтон, Т. 2012. Почему Маркс был прав /Пер. с англ. И.В. Борисовой. – М.: Карьера Пресс.С. 293

4 Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн.I. Процесс производства капитала //МарксК., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.- М.: Политиздат. 1960. С. 434

5 Бехман, Г. 2010. Современное общество, общество знаний /Пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. – М.: Логос.

дустриального общества на основе научно-технической революции идет к своему историческому завершению. Современный этап коренной модернизации общества вступил в фазу бифуркации – неравновесного состояния планетарного социоприродного Универсума. Его дальнейшая эволюция зависит от нашего понимания реальной ситуации и соответствующих практических действий.

Лариса Никовская. Особенности состояния и перспективы среднего класса в современной России

Аннотация: Средний класс – основа стабильности и развития современного общества. Существует ли он в России? Каковы его характеристики, социально-экономическое положение и социально-политические ожидания? Насколько особенности его общественного настроения отличаются от настроя большинства российского общества? Каковы его перспективы? Станет ли средний класс в России ведущей силой, способной определить будущее страны? Что должно сделать государство для формирования среднего класса? Попытка найти ответы на поставленные вопросы стала предметом рассуждений в представленной статье.

Ключевые слова: Средний класс, устойчивое развитие, социальные ожидания и настроения, государственная политика, социально-политическая активность.

Столь пристальное внимание к среднему классу и его политической роли в современном российском социуме объясняется тем, что крайне болезненный переход России к качественно новому состоянию общества, усиление кризисных процессов в экономике, политике, культуре, всплеск социальной напряженности, т.е. преобладание конфликтных путей социально-политической трансформации, поставили в «повестку дня» вопрос о способах «снятия» социальной напряженности, о методах стабилизации российской общественной системы и субъектах этой стабилизации.

Вопрос о роли среднего класса – это всегда вопрос о формировании наиболее многочисленного, активного и обеспеченного слоя общества, создающего основу для формирования и поддержания стабильности социума. В последнее время западные источники все больше пишут о том, что именно средний класс заинтересован не просто в развитии, но в особом качестве этого развития - устойчивого развития. Именно средний класс в странах с развитой рыночной экономикой и демократическим политическим строем, составляя наибольшую по численности социальную группу, выполняет ряд важнейших функций[1]. Главные из них — функции социального «стабилизатора» общества и источника воспроизводства квалифицированных трудовых ресурсов. Чем обширнее средний класс, чем меньше дифференциация между богатыми и бедными, тем стабильнее общество, тем лучше реализуется принцип социальной справедливости в общественном развитии. Именно средний класс определяет качество человеческого потенциала страны, обеспечивает преемственность поколений и жизненных ценностей. Это связано не только с состоянием физического здоровья представителей среднего класса, но и с уровнем их образовательного и квалификационного потенциала, а также с такими их личностными особенностями, как инновационный потенциал, определенный характер ценностных ориентаций, особенности мотиваций в различных сферах жизнедеятельности.

Являясь основной социальной группой, средний класс экономически развитых стран выполняет ряд очень важных социальных функций:

- **Функцию социального стабилизатора:** добившись определенного места в социальной структуре общества, представители среднего

1 Кивинен М. Перспективы среднего класса / М. Кивинен // Социологический журнал. 2006. № 2. С. 13-16

класса склонны поддерживать существующее государственное устройство, которое позволило им достигнуть такого положения.

- **Функцию административно-исполнительного регулятора:** средний класс представляет основу механизма саморегуляции гражданского общества. *Именно средний класс поставляет кадры для госслужбы и управленцев разного ранга – как для государственного аппарата, так и для бизнеса*.
- **Экономическую функцию:** средний класс производит большую часть доходов, являются *крупными потребителями, инвесторами и налогоплательщиками.*
- **Функцию культурной интеграции:** средний класс заинтересован хранить и воспроизводить и распространять ценности, нормы, традиции и законы того общества, в котором он живет.

Расцвет становления среднего класса пришелся на середину XX века. Формирование во второй половине XX в. модели «государства всеобщего благосостояния» сделало гораздо доступнее профессиональное образование, в том числе высшее. Кроме того, оно обусловило быстрый рост сектора социальных услуг (здравоохранения, образования, культуры и т.д.) с высокой долей рабочих мест, предполагающих принадлежность занимающих их работников к среднему классу. Даже в промышленности численность «синих воротничков» росла медленнее, чем численность «белых воротничков» различных типов. В итоге к 1960 гг. доля традиционных отрядов рабочего класса в структуре занятого населения во всех индустриальных странах резко упала и одновременно возросла доля занятых в сфере услуг, служащих и других работников нефизического труда. Но триумф среднего класса длился недолго. Начиная с 1980-х гг. внимание социологов привлекало не только усиление гетерогенности среднего класса, но и тенденция его сокращения в результате медленного роста среднего сегмента занятости на рынке труда при быстром росте верхнего и нижнего сегментов, *отражающая «распад индустриализма».* Эти процессы подтолкнули исследователей к новому этапу осмысления исторических судеб среднего класса. Например, известный социальный мыслитель М. Кастельс утверждает, что в результате происходящих в мире социальных процессов возникает новая общественная система, которая характеризуется тенденцией возрастания

социального неравенства и поляризации, а именно одновременного роста «верхушки» и «дна» социальной пирамиды, что означает *сжатие* средних классов. Неравенство и поляризация предписаны самой динамикой *информационального капитализма* – новой эпохи развития человечества[1]. Данный тренд подтверждают социальные исследования. Так, согласно докладу Международной организации труда (МОТ), тенденция сокращения доли среднего класса становится все более очевидной. Причина упадка этой социальной группы – нарастающее среди граждан экономически развитых стран расслоения по уровню доходов. С 2010 по 2011 год оно выросло в 14 из 26 стран, согласно исследованию МОТ. Например, во Франции, Дании, Испании и США. "Особенно тревожная ситуация складывается в некоторых странах Европы, она начинает угрожать их экономическому и социальному устройству. Необходимо глобальное оздоровление экономики, ориентированное на продуктивные инвестиции в сочетании с более эффективной социальной защитой для самых бедных и уязвимых групп населения. Серьезное внимание следует обратить на устранение неравенства в доходах, которое продолжает расти во многих частях мира", – считает глава МОТ Гай Райдер[2]. Материальное неравенство в странах с развитой экономикой усугубляется всеобщим ростом безработицы. По прогнозам МОТ, число безработных в мире к 2015 году увеличится на 8 миллионов человек и достигнет 208 миллионов.

В России не существует единого мнения по поводу определения среднего класса, границ его выделения и критериев конституирования. Рассмотрим несколько подходов к пониманию этого социального явления в России. По мнению О.И. Шкаратана, в России начала 2000-х гг. места среднему классу не было. Более того, при том типе общества, который сложился в России, и не могло быть, поскольку современное российское общество является позднеэтакратическим по своему типу (присущие этакратическому обществу отношения «власть–собственность» получили в нашем обществе частнособственническую оболочку, но остались, по мнению Шкаратана, неизменными по своей сути). В таком обществе среднего класса как несущей конструкции социальной структуры быть

1 Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. — Cambridge, MA; Blackwell. Oxford, UK: Blackwell, 1996–1998

2 Исследование: мир на грани нищеты, бич развитых стран - неравенство по уровню доходов. // Режим электронного доступа- http://rus.delfi.ee/daily/abroad/issledovanie-mir-na-grani-nischety-bich-razvityh-stran-neravenstvo-po-urovnyu-dohodov?id=66229512 (Дата обращения 3.07.2015)

не может. В качестве критериев выделения среднего класса Шкаратан использует: 1) материальное положение (на основе самооценки материального положения, а также наличие определенного набора недвижимого и движимого имущества); 2) образование (не ниже среднего специального при условии владения иностранным языком или навыками работы на компьютере); 3) профессиональный статус (работники на профессиональных позициях, требующих, по меньшей мере, среднего специального образования); 4) качество жизни (экономическая компонента – использование платных медицинских и/или образовательных услуг для членов семьи, отдых на курортах, частных дачах, туризм в России и за рубежом; а также социокультурная компонента – наличие собственной библиотеки не менее 100 томов, не менее 11 культурно-досуговых мероприятий в год); 5) самоидентификация (самооценка собственного социального статуса не ниже 5 баллов по 10-балльной шкале); 6) круг общения (образование супруги/супруга или близкого друга не ниже среднего специального).[1] Шкаратан также отмечает, что те группы населения, которые теоретически могли бы составить основу среднего класса, в современной России оказались в тяжелом положении. *Два возможных центра кристаллизации среднего класса – предприниматели и профессионалы - плохо поддерживаются проводимой государственной политикой.*

Беляева Л. А. выделяет 3 группы, различающиеся своей близостью к средним классам развитых стран с рыночной экономикой (при выделении групп использовались признаки самоидентификации и такие критерии, как уровень материального благосостояния и уровень образования): - *средняя масса,* которая состоит из тех, кто на основании самоидентификации отнес себя к среднему слою (является средним по уровню жизни и считает, что живет, как все); - российский средний класс, который был выделен по несколько иным критериям (по критерию самоидентификации ее представители занимали средние позиции в обществе). Оценивая свое материальное положение, они отмечали, что им в основном хватает средств на жизнь, и только при покупке дорогостоящих предметов приходится брать деньги в долг. Кроме того, представители этой группы имели образование не ниже среднего специального; - идеальный средний класс, который характеризовался тем, что его представители субъективно относили себя к

1 Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1

среднему классу, денег им хватало почти на все, но было недоступно приобретение квартиры, автомобиля или дачи, а уровень образования был не ниже среднего специального[1]. По мнению Л.А. Беляевой, только третья группа относительно близка к средним классам развитых стран, поэтому говорить о наличии массового среднего класса в России говорить еще рано.

Финский ученый М. Кивинен отмечает, что положение среднего класса в России на настоящий момент остается весьма слабым. Его представители должны характеризоваться *как определенными профессиональными позициями, так и автономией труда, однако российские специалисты имели и имеют меньше самостоятельности в труде, чем специалисты в других странах. К*роме того, «новый» средний класс в России – исторически своеобразная группа, которая является наследником русской интеллигенции. Ее положение и структура специфичны, не соответствуют положению и структуре подобных групп в западных общества [2]. Автор приходит к выводу, что будущее среднего класса в России будет зависеть не только от общих тенденций в развитии общества, но и от собственного внутреннего становления как класса, его успехов в выработке собственных поведенческих стратегий.

Именно из-за различий в методологии определения и вычленения среднего класса внутри социальной структуры российского общества разными исследователями мы имеем различные оценки его общей численности в современном российском обществе: – от 2-3% до половины населения. При этом оценки западных экспертов относительно численности среднего класса в России оказываются даже более оптимистичны, чем оценки большинства российских специалистов.

Таким образом, суммируя ряд исследовательских баз[3], можно выделить следующие критерии конституирования среднего класса:

1) социально-профессиональный статус – по критерию нефизического характера труда;

2) объем человеческого капитала – по критерию наличия, по меньшей мере, среднего специального образования;

1 – Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2000; Она же. И вновь о среднем классе в России // Социологические исследования. 2007. № 5.

2 – Кивинен М. Средний класс в современной России. // Мир России. 2004. № 4.

3 – Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2014; Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа, 2009, 320 с.

3) экономический статус – по критерию среднемесячных душевых доходов – не ниже их медианных значений для данного типа поселения, или число наименований имеющихся товаров длительного пользования – не ниже их медианного значения по населению в целом. Этот критерий отражает сложившийся уровень жизни домохозяйства, не только текущие, но и накопленные со временем доходы.

4) идентификация своего статуса – по критерию интегральной самооценки индивидом своего положения в обществе по 9 или 10 балльной шкале от 4 баллов и выше. В тоже время теоретическая строгость этого критерия вызывает серьезные сомнения, тем более, что 2/3 тех, кто не попал в средний класс по критерию самоидентификации, обычно ставят себя на 3-ю «снизу» позицию на шкале статусов, что свидетельствует не столько об объективно низком социальном статусе, сколько о завышенных социальных притязаниях с вытекающим из них большим разрывом между желаемым и реальным статусом респондента.

Выделенные критерии заслуживают того, чтобы их рассмотреть более подробно. Прежде всего, средний класс характеризуется наличием у его представителей специфического и/или общего **человеческого капитала**, способного приносить доход. Именно обладание этим активом выступает одной из характерных особенностей среднего класса, определяет его место в системе производственных отношений и позволяет рассматривать его как устойчивую социальную общность, как класс, а не просто среднедоходную группу общества. В качестве порогового значения данного критерия было выбрано наличие как минимум *среднего специального образования*, т. е. профессионального образования второй ступени. С учетом результатов исследования среднего класса[1] ИС РАН в 2014 году по этому критерию в состав среднего класса проходили 76% опрошенных.

1 Общий объем выборочной совокупности составил **1900 человек**. Исходя из задач исследования, модель выборки включала 2 объекта: население в целом, представленное репрезентативной совокупностью респондентов в возрасте 18 лет и старше – 1600 человек; дополнительная группа в 300 человек, отобранная с учетом критериев, позволяющих с очень высокой степенью вероятности встретить среди них представителей среднего класса. И, действительно, 94% респондентов в дополнительной выборке при последующем анализе оказались в составе выделенного исследователями среднего класса.

Социально-профессиональный статус, задаваемый, как правило, уровнем образования человека, который служит маркером положения в обществе работающей части населения. В связи с этим, в соответствии с имеющейся в научной литературе традицией, в состав среднего класса были включены: представители таких составляющих «новый» средний класс профессиональных групп, как руководители, профессионалы (специалисты с высшим образованием), полупрофессионалы, офисный персонал, служащие, в том числе военнослужащие и другие группы с нефизическим характером труда. По социально-профессиональному статусу в состав среднего класса были включены также самозанятые и предприниматели, которые составляют традиционно выделяемый «*старый*» средний класс, обладающий собственностью на средства производства. В целом по данному критерию в состав среднего класса прошел в 2014 г. 61% работающих россиян. Два вышеописанных критерия – *уровень образования и профессиональный статус* – являются для методологии выделения среднего класса краеугольными. В западных исследованиях только их использование (или даже одного из них) обычно бывает достаточным для выделения среднего класса. Но в российских условиях возникают дополнительные проблемы, требующие их учета. Так, например, встает вопрос уровня жизни и низких зарплат части специалистов из бюджетного сектора, относящихся по вышеописанным критериям к среднему классу. Поэтому в качестве еще одного критерия для отнесения респондента к среднему классу, думается, необходимо использовать **уровень благосостояния.** Пороговыми значениями данного критерия, как правило, выступают показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения (места проживания респондента), или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже их медианного значения по населению страны в целом. По этому критерию в состав среднего класса, согласно исследованию ИС РАН в 2014 г., проходило 73% опрошенных.

Наконец, еще один критерий, который был использован в исследовании 2014 г. – **самоидентификация**. Подобный критерий связан с реально существующей тягой людей (осознанной/неосознанной, выраженной/латентной и т. п.) к причислению себя к различным формам идентичностей. Применение вышеописанной методики позволило выделить на данных общероссийского эмпирического исследования долю среднего класса в современном российском

обществе. В 2014 г. численность выделенного таким образом среднего класса составила 42% населения в целом и 44% работающих россиян.

Таким образом, ***средний класс можно определить как наемных работников нефизического труда, не имеющих собственности на средства производства и продающих на рынке труда не просто свою рабочую силу, но и определенные знания и умения, а также обладающих специфическими формами социального взаимодействия и устойчивой средой обитания***[1]. Средник класс является по своей природе сложным гетерогенным образованием, который стал массовым в индустриальный и позднеиндустриальный период общественного развития. Его становлению способствовали усложнение экономического производства, формирование третичного сектора экономики, а также особая политическая направленность развития политических систем социально-экономически развитых государств.

Если судить о динамике среднего класса за последние 10 лет в России, то она характеризовалась *ростом его численности в период 2003-2008 гг., затем, ее сокращением во время кризиса 2008-2009 гг. и восстановлением в 2010 г., после чего последовал новый этап ее небольшого роста*. Согласно этим данным, средний класс вырос за период с 2003 по 2008 гг. с 29% до 34%, сократился до четверти населения в период кризиса и вновь вырос, достигнув к настоящему времени 42% населения страны. Однако не все представители среднего класса однородны с точки зрения положения и устойчивости своих позиций в обществе. *Наиболее стабильная группа среднего класса – его ядро – составляет на настоящий момент менее 40% его общей численности, т. е. 16% населения в целом.* К т.н. «ядру» среднего класса относятся россияне, имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты. Остальные представители среднего класса – 26 % относятся к «периферии» этого ядра. В него попадают работники средней квалификации, имеющие не только высшее, но и среднее специальное образование.

Таким образом, «ядро» среднего класса в большей степени, чем остальные группы населения, формируется из потомственных горожан. Однако даже в его ядре большинство представителей – выходцы из «малой России», что, безусловно, оказывает влияние на особенности их сознания и поведения. Тот факт, что более трети (37%) представителей среднего класса в целом проходили

1 Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа. 2009. С.49

первичную социализацию в селах или ПГТ, а еще 29% – в городах с численностью населения менее 500 тыс. человек, надо обязательно иметь в виду, если ставить задачу его всестороннего и комплексного анализа.

В феврале 2008 г. руководством страны была предложена Программа инновационного развития России до 2020 года. Одним из положений данной программы стала задача увеличить долю среднего класса до 60-70% населения. «Нам надо добиться, чтобы все граждане нашей страны, используя свои знания и умения, а там, где необходимо, - помощь государства, имели возможность получить качественное образование, поддержать свое здоровье, приобрести жилье, получить достойные доходы. То есть иметь уровень жизни, определяющий принадлежность к так называемому среднему классу…При этом дифференциация доходов семей должна сократиться с нынешнего абсолютно неприемлемого пятнадцатикратного разрыва до более умеренного»[1]. Однако планы государства реализуются не столь успешно. По результатам исследования РБК[2] в 2010 г., большинство представителей российского среднего класса были не уверены в своем будущем. Такая неуверенность была обусловлена тем, что в России до сих пор не создано оптимальных условий для развития среднего класса. Среднему классу мешают развиваться барьеры, связанные с коррупцией и отсутствием правовой защищенности, монополизация рынка, слабая поддержка малого и среднего бизнеса государством, высокие налоги, большая доля теневого сектора в экономике, наличие чрезмерной социальной дифференциации между бедными и богатыми. Эту ситуацию подтверждают и более глубокие исследования ИС РАН в 2014 г. Полученные данные свидетельствуют о нарастании негативных тенденций о положении среднего класса на рынке труда и возможностей его саморелизации. За период с 2003 по 2014 гг. в среднем классе заметно – с 36% до 15% – сократилась доля тех, кто смог повысить уровень своего образования или квалификации, а также с 31% до 10% – получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу. Но не это характеризует особенности среднего класса в современной России. Как видно из данных, представленных в Таблице 1, ядро среднего класса более чем на 2/3 сосредоточено на предприятиях

1 Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета, 8.02.2008г.
2 Государство может остаться без опоры. [Электронный ресурс]// Исследование РБК http://digest.subscribe.ru/economics/society/n523465624.html (Дата обращения 12.07.2015)

госсектора. Это означает, что частный сектор экономики предъявляет достаточно слабый спрос на высококвалифицированную рабочую силу.

Группы населения	Госсектор	Приватизированные предприятия	Вновь образованные частные предприятия	Прочие (ИТД, общественные организации и т.д.)
Все население в целом	42	26	20	12
Ядро среднего кл.	68	13	12	7
Периферия ядра ср. кл.	43	15	25	17
Потенциальный средний класс	49	13	20	18
Остальное население	24	43	22	11

Таблица 1. **Занятость на государственных, частных и приватизированных предприятиях представителей различных групп населения, 2014 г., % от работающих**

Достаточно красноречивую характеристику состояния и качества развития среднего класса в современной России дает сравнительный анализ его занятости по секторам экономики:

Сектор экономики	Россия 2013	Германия 2012	Великобритания 2012
Первичный сектор:	9	3	1
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	7	3	1
Добыча полезных ископаемых	2	0,5	0,4
Вторичный сектор:	35	33	23
Обрабатывающие	15	23	13

производства (промышленность)			
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды; строительство, транспорт, связь	20	10	10
Третичный сектор:	30	30	38
Оптовая и розничная торговля, сфера обслуживания, включая ЖКХ и др. услуги	23	22	29
Госправление, обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7	8	9
Четвертичный сектор:	26	36	38
Образование, наука, культура и пр.	17	23	26
Финансовая деятельность, операции с недвижимостью, информационные услуги и пр.	9	13	12

Таблица 2. Занятость в различных отраслях и секторах экономики в России, Германии и Великобритании, 2012 и 2013 гг., % от работающих[1]

Сопоставление данных Таблицы 2 показывает, что и Германия, и Великобритания к началу 2000-х годов уже начали переход к постиндустриальной модели развития, для которой характерна массовая занятость в четвертичном секторе. Большая часть рабочей силы в этих странах (36% и 38%, соответственно) работает сейчас именно в отраслях четвертичного сектора, который является «точкой роста» экономики развитых стран. Это неизбежно влечет за собой и рост в структуре их занятости доли профессионалов – фактически это единственная профессиональная группа, по которой в 2000-х годах наблюдался существенный рост - с 13% до 18% в Германии, с 13% до 19% в Великобритании. В то же время в России население чаще всего (35%) занято во вторичном секторе экономики, который включает занятость в промышленности, строительстве, транспорте, а также в области производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Следовательно, работающие в нем в массе своей – это рабочие, т. е. представители группы, которая независимо от своего уровня доходов не относится к среднему классу (хотя при этом они вполне могут оказаться в составе среднедоходных слоев). Различия в занятости в России и развитых странах отражают, таким образом, тот факт, что российское общество находится пока в другой исторической эпохе, нежели ведущие страны Запада, а именно – ***в эпохе позднеиндустриального развития.*** Именно для этой эпохи, как показывает исторический опыт, характерен быстрый рост среднего класса и превращение его в доминирующую в обществе социальную силу. Причем в составе данного класса именно на данном этапе относительно велика доля полупрофессионалов, клерков, служащих и т. п. групп, т. е. представителей среднеквалифицированных «белых воротничков», и относительно ниже, чем это характерно для обществ с доминированием четвертичного сектора экономики, доля профессионалов. *Фундаментальное расширение среднего класса и его устойчивый рост возможны только при завершении в России позднеиндустриального этапа развития и начале перехода к постиндустриальной модели развития, т. е.*

1 Данные по Германии и Великобритании приведены по Европейскому социальному исследованию (ESS – European Social Survey) за 2012 год. Данные по России рассчитаны на основе официальной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud10.xls).

развития в России «экономики знаний» на фоне диверсифицированной структуры экономики в целом.

Своеобразное «топтание» на месте в процессе перехода к инновационному типу развития не могло не отразиться на качестве состояния человеческого капитала среднего класса. Как показывают последние исследования ИС РАН, россияне вообще, и представители среднего класса, в частности, гораздо реже стали прикладывать усилия для наращивания и даже поддержания своего человеческого капитала. Само это наращивание стало в гораздо меньшей степени предопределять их карьерные перспективы, и в этих условиях их озабоченность возможностью приобретения новых знаний заметно снизилась. Причина всех этих негативных тенденций в области роста человеческого капитала среднего класса – завершение структурной перестройки экономики, прекращение создания в массовом масштабе новых рабочих мест, требующих высококвалифицированного труда, и вытекающее из этого для работников сокращение возможности использовать дополнительные знания для карьерной мобильности. Людей с высшим образованием, имеющих навыки использования информационных технологий и хотя бы в какой-то степени знающих иностранные языки, в России сейчас больше, чем рабочих мест, где требуются эти характеристики человеческого капитала. В итоге, они уже не гарантируют карьерного роста, выступая дополнительными бонусами скорее для работодателей, чем для работников.

Показателем ощущения непрочности своего социально-экономического положения является преобладание потребительской ориентации в социально-экономической активности среднего класса. Как свидетельствуют данные, российский средний класс, в отличие от его зарубежных «коллег», отнюдь не характеризуется относительно большей распространенностью у него *сберегательно-инвестиционных установок*, чем у остальных россиян. Доминирующей стратегией распоряжения свободными финансовыми активами у него выступает потребительская стратегия. При этом наблюдаются довольно существенные различия между «ядром» среднего класса и его «периферией» – в последней инвестиционно-сберегательные установки и поведение выражены еще слабее, чем в «ядре». Ведущая же роль принадлежит в ней задачам обеспечения выживания. Это свидетельствует об ощущении «периферией» среднего класса крайней неустойчивости своего условного благополучия, понимания

необходимости создавать «страховой резерв» в условиях нестабильности и слабой предсказуемости социально-экономического развития, особенно в условиях кризиса.

Интересно отношение представителей среднего класса к вопросам социальной справедливости и неравенства: они в целом демонстрируют больший тренд отхода от патерналистко-уравнительного восприятия социального неравенства и справедливости. Для них определенная степень неравенства в обществе не просто приемлема, но даже желательна. В этом вопросе с ними солидарны и остальные россияне, хотя допустимая степень глубины неравенств в представлениях среднего класса больше. Однако эти неравенства должны отвечать представлениям среднего класса об их справедливости и легитимности: быть основанными на более эффективной работе или более высоком уровне образования в условиях, когда у всех были равные возможности для заработка. При этом такие проявления неравенств, как доступ к лучшему образованию или медицинским услугам из-за более высоких доходов для представителей среднего класса представляются скорее несправедливыми. И в этом они солидарны с мнением всего населения страны.

Весьма информативны полученные данные о представлениях среднего класса о желательном векторе развития страны:

Характеристики желаемого будущего России	Средний класс	Остальные россияне
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	49	56
Возвращение России статуса великой державы	35	31
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	34	32
Права человека, демократия свобода самовыражения личности	33	27
Обеспечение стабильности и развитие в обществе без революций и потрясений	27	29
Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	16	21
Россия, в первую очередь, для русских, создание русского национального государства	16	20
Решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством(экологических и пр.)	14	12

Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательство государства в экономику	14	10
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	10	6
Новое революционное переустройство России	1	2
Ни один из этих лозунгов не выражает вашу личную мечту о будущем России	2	3

Таблица 3. Лозунги, выражающие представления о желаемом будущем России в представлениях среднего класса и остальных россиян, 2014 г., %

(отранжировано по ответам представителей среднего класса)

Как видно из таблицы, представления среднего класса о желаемом будущем России в целом отражают ту картину, которая характерна и для всего российского общества. Эти представления четко артикулируют существующий в обществе запрос на *социально-ориентированный мягкий консерватизм. Со значительным отрывом лидирует лозунг социальной справедливости, равных прав для всех и сильного государства* (отметим, что представители среднего класса в несколько меньшей степени, чем остальные россияне, поддерживают этот лозунг, хотя и среди них он является наиболее популярным – его выбрала половина его представителей при 56% среди остальных россиян). Обращает на себя внимание тот факт, что представители среднего класса выступают за сбалансированное развитие страны: им, с одной стороны, не близки лозунги сильной и жесткой власти или революционного переустройства России; с другой – они не поддерживают идею свободного рынка с минимальным вмешательством государства в экономику. Сближение с Западом также не является для них приоритетом. Таким образом, вновь подтверждается вывод о стремлении среднего класса к «особому пути» России, который не совпадает с западным вектором общественного развития. По мнению его представителей, этот путь должен характеризоваться не только свойственным странам Запада обеспечением социальной справедливости, равных прав для всех граждан, возможностью самовыражения для каждого (вспомним также об устойчивом предпочтении представителями среднего класса общества равенства возможностей над обществом равенства доходов), но и достаточно активной ролью государства в социальной и экономической сфере, что менее характерно для современного неолиберального западного вектора развития. Интересно, что представители

среднего класса чаще, чем россияне из других групп, ощущают свою близость с приверженцами русской культуры: в «ядре» среднего класса устойчиво воспринимает себя именно так половина всех его представителей. *Это подчеркивает роль среднего класса как носителя национальной культуры***.**

Сложной и амбивалентной является ценностно-мотивационная характеристика российского среднего класса. Для его «ядра» безусловно преобладание ценностей общества модерна, а именно – *нонконформизм, внутренний локус-контроль, ориентация на инициативу и приоритет равенства возможностей.* Однако при этом сложно говорить об однозначном доминировании этих ценностей у всего среднего класса. Хотя и составляющая меньшинство, но значительная доля его представителей придерживается противоположных, *традиционалистских ценностей.* Средний класс демонстрирует ту же ценностную неоднородность, которая свойственна в настоящий момент и всему обществу в целом, хотя его представители дальше продвинулись по пути перехода от традиционалистских ценностей к ценностям модерна. Причем возраст здесь выступает одним из важнейших дифференцирующих факторов. Продвижение представителей среднего класса к ценностям рационально-активисткого типа более всего проявляется в его понимании места и роли государства в социально-экономическом пространстве в целом: он настроен на сотрудничество с государством в построении сильной экономики, а не на простое перераспределение имеющихся у государства ресурсов, проявляя конструктивный подход и готовность взять на себя ответственность за собственное социальное благополучие с государством. Это особенно показательно при отношении представителей среднего класса к проблеме соотношения личных и общественных интересов. Хотя представления самого среднего класса по этому вопросу неоднородно: так, большинство в нем считает, что личные интересы – главное для человека (60%), меньшая, но все же достаточно значительная доля его представителей (40%) уверена, что личные интересы нужно ограничивать во имя интересов страны и общества. В этих условиях запрос к совершенствованию институтов социальной политики со стороны среднего класса будет только нарастать, особенно если учесть, что оценка россиянами динамики состояния социальной сферы за последние годы весьма неблагоприятная. Средний класс реже дает отрицательную, чем

положительную оценку динамики ситуации в последние годы только в части решения проблемы безработицы и возможности зарабатывать. Особенно негативно представители среднего класса оценивают состояние таких институтов социальной сферы, как среднее и высшее образование, здравоохранение и т. д. Таким образом, максимально используя при решении социальных проблем свои финансовые и социальные ресурсы, средний класс все же не может самостоятельно справиться с ними в полной мере. Текущее состояние государственных социальных институтов скорее вызывает в нем недовольство, нежели дает основания для доверия и стимула к взаимодействию с государством в этой области. Так, исследования по проблеме состоятельности институтов публичной сферы показало, что наибольшую несостоятельность с позиции более чем 80 % опрошенных демонстрируют *механизмы противодействия коррупции, региональная система здравоохранения, механизмы публичного контроля за деятельностью органов власти и механизмы формирования и отстаивания общественных интересов*[1]. Особенно велика тревога по поводу состояния трудовой сферы. При нестабильности экономической ситуации наиболее уязвимыми являются трудовые позиции именно представителей среднего класса. Подобная ситуация лишает средний класс возможности предпринимать что бы то ни было для улучшения своего положения самостоятельно и размывает основы его относительного благополучия. Именно поэтому страх остаться без работы – единственный страх среднего класса, который за последние годы вырос: с 24% среди работающих в 2003 до 30% в 2014 г. Неудивительно, что в этих условиях средний класс предъявляет запрос на более активное участие государства в обеспечении не только функционирования социальной сферы, но и рынка труда.

Российский средний класс не хочет «садиться на нефтяную иглу» и считает необходимым построение экономики, ориентированной на высокотехнологичное и наукоемкое производство. Только такая модель, по его мнению, обеспечит стабильность его экономического положения и позволит выступать полноценным партнером государства в удовлетворении своих социальных потребностей. Растет запрос представителей среднего класса на меритократическую систему продвижения и самореализации. Более активисткая модель отношения к собственной жизни, ее планированию, рационализация отношений с политической

1 Никовская Л.И., Якимец В.Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России// Полис. -2013. -№ 5. -С. 77-86;

властью указывает на рост демократических ценностей и ориентаций. Самым существенным общественно-политических противоречием, которое особенно беспокоит средний класс, выступает противоречие между властью и народом и примыкающее к нему противоречие между гражданами и чиновниками. Причем в определении данного противоречия практически все группы российского населения демонстрируют высокий уровень согласия, что говорит о формировании достаточно широкого антиэлитного консенсуса. Как видно из нижеприведенных данных, уровень поддержки власти, а также необходимости стабильности остались примерно на том же уровне, что и год назад, а вот сторонников наведения порядка «твердой рукой» в стране среди представителей среднего класса, стало существенно меньше. Причем сокращение это весьма существенное – с 61% до 51% по среднему классу в целом. Соответственно, выросло число приверженцев демократических ценностей (см. таблицу 4).

Суждения	2013 Население в целом	2013 Средний класс	2014 Население в целом	2014 Средний класс
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	70	76	73	75
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	28	23	27	24
России необходима «твердая рука», которая	62	61	59	52

наведет порядок				
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах	38	38	40	48
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	68	69	70	69
Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	31	31	29	31

Таблица 4. **Согласие с суждениями населения в целом и среднем классе об отношении к власти, демократии, переменам в обществе, 2013/2014 гг., %**

Появление в составе среднего класса новых поколений, которые не ведают страха, более образованны и открыты современному миру, включены в сетевые коммуникации, создает мощный запрос на новые стандарты политической свободы, которые ни один политический режим не может игнорировать. Однако средний класс в России лишен политической базы, которая бы позволяла активно проявлять его представителям гражданскую и политическую позицию. Как

показали наши исследования, он за прошедшие годы, накопил значительный критический потенциал по отношению институтам публичной политики как социально-экономической активности, так и социально-политической[1]. Самой чувствительной точкой мобилизации представителей этого класса выступают, прежде всего, проблемы коррупции, фальсификации обратных связей, неработоспособность судебной системы, отсутствие надежной защиты института частной собственности и разрушение каналов системного представительства своих интересов. В целом же, последние исследования ведущих социологических центров страны свидетельствуют о том, что современную молодежь уже не устраивает сложившаяся в России «элитарная» модель капитализма, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей» в разных сферах и областях жизни, включая сферу политики. Что же касается довольно большого числа сторонников «порядка», то далеко не все из них согласны его наводить путем «закручивания гаек». Действия властей, как показывают исследования, даже самые жесткие, подавляющему большинству россиян видятся исключительно в правовом поле и правовыми методами – даже по отношению к коррумпированным чиновникам и олигархам.

В целом можно отметить, что исследование ИС РАН особенностей состояния среднего класса в 2014[2] г. зафиксировало две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, сохраняется сравнительно высокий уровень поддержки власти, настороженное отношение к любым переменам, а с другой - происходит постепенное осознание, прежде всего, средним классом, того, что в стране не все благополучно, а курс, проводимый властями, нуждается если и не в радикальной ломке, то в существенной корректировке. Думается, одной из причин роста ценности гражданского участия, щепитильности к демократической процедуре и в целом социальному активизму стал приход в политику, так называемого, поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья картина мира сформировалась в период демократической трансформации. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной

1 Никовская Л.И., Якимец В.Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России. // ПОЛИС, 2013. № 5, с.77-87

2 Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2014, С. 189

демократической риторики, которую они усвоили изначально, с другой – эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к протесту. Именно эти люди вышли на Болотную и Сахарова, они голосовали за Навального и Ройзмана, и, хотя они не определяют лицо всей российской политики, их присутствие изменило политический ландшафт, который сегодня выглядит не так, как это было еще несколько лет назад. Ниже приведенные данные свидетельствуют, что представители среднего класса показывают более деятельное отношение к публичной активности (см. таблицу 5), чем остальное российское население:

Общественные организации, объединения, движения	Население в целом	Средний класс в целом
Волонтерское движение	4	5
Экологические организации	2	2
Благотворительные организации	2	4
Профсоюзы	7	8
МСУ, ТСЖ	4	6
Общество защиты прав потребителей	1	1
Правозащитные организации	2	2
Объединения по защите памятников культуры	1	1
Интернет-сообщества	6	10
Религиозные организации	2	2
Не участвуют в деятельности организаций, движений и пр.	78	71

Таблица 5. Участие в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ различных возрастных групп СК, 2014 г., %

Особой спецификой отличается *политическая активность* среднего класса в стране. Работа в политических партиях привлекает 2-3% его представителей, а вот участие в выборных кампаниях в качестве волонтеров

(наблюдателей, агитаторов, сборщиков подписей) – более чем в два раза больше – 7-8%. Сетевая политическая активность оказалась ниже, чем это иногда представляется. Если в целом активным участником сетевой политической активности считает себя каждый десятый опрошенный представитель среднего класса, то лишь 3-4% из их числа используют эти сообщества (социальные сети, форумы) для связи со своими политическими единомышленниками. Сравнительно невелика и доля участвующих в политических акциях прямого действия (митингах, демонстрациях) – всего 1-2%. При этом интерес к событиям политической жизни в среднем классе и, особенно, в его «ядре» достаточно высок, особенно по сравнению с населением в целом. Постоянно их обсуждают с друзьями, коллегами по работе 27% представителей среднего класса, 31% его «ядра» и лишь 21% всех опрошенных россиян. А в некоторых группах среднего класса этот интерес существенно выше. В Москве же и Санкт-Петербурге практически каждый второй представитель среднего класса (54%) очень живо интересуется политической жизнью своих городов и страны в целом. Именно в мегаполисах очень велика электоральная активность и недовольство имитацией выборными процедурами.

На сегодняшний день представители среднего класса практически лишены собственной политической базы, которая бы позволяла им активно проявлять его представителям гражданскую и политическую позицию[1]. Также следует отметить, что в России нет политической партии, которая представляла бы интересы собственно среднего класса, билась за них. Чтобы получить желаемые голоса на выборах, политическим партиям куда выгодней делать упор на поддержку пенсионеров и бюджетников. Получается замкнутый круг: представители среднего класса слабо в целом по стране идут на выборы, так как нет партии, на которую они могли бы рассчитывать, а политические партии не стараются завоевать любовь среднего класса, так как его представители не пойдут голосовать. Необходимо также принципиально изменить систему местного самоуправления. Средний класс должен фактически создать кадровый корпус, который туда будет избираться[2].

1 Государство может остаться без опоры. // Исследование РБК. Электронный режим : http://digest.subscribe.ru/economics/society/n523465624.html (Дата обращения 1.06.2015)

2 Гонтмахер Е.Ш. Средний класс как результат развития общественных институтов////Материалы конференции – «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста. М.:24.04.2008г. С.213

Таким образом, появление и расширение корпуса представителей среднего класса толкает страну к существенным, но постепенным структурным социально-политическим и экономическим реформам. Со стороны его представителей все настойчивее зреет запрос на хорошо работающие институты публичного взаимодействия с политической системой. В этом отношении показательно, что федеральная исполнительная власть начала институциональное движение в сторону сформировавшегося общественного запроса: с января 2014 г. утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ). Концепция, ее методические рекомендации составляют, так называемый, *Стандарт открытости* ФОИВ. Он направлен на повышение эффективности и результативности мер по совершенствованию системы государственного управления, определенных указами Президента России от 7 мая 2012 года и Основными направлениями деятельности Правительства России на период до 2018 года. Документы предполагают: продолжение внедрения механизмов «электронного правительства»; организацию широкого, многоканального доступа к общедоступным ресурсам; выстраивание системы обратной связи с гражданским обществом; внедрение системы внутренней и внешней оценки ФОИВ, влияющей на последующие кадровые, финансовые и иные решения; упрощение процесса государственного нормотворчества; отражение общественно значимых результатов, на достижение которых направлена работа министерств и ведомств; доведение информации о работе ФОИВ до граждан в понятных форматах. По сути, указом №601 «Об основных направлениях совершенствования государственного управления» от 7 мая 2012 года Президент РФ В.В.Путин наметил *«дорожную карту»* развития общественно-государственного управления, определив содержание нововведений и сроки их реализации.

Что же касается социальной сферы, то здесь необходимо множество изменений. Пенсионная система должна быть такой, чтобы человек, начиная свою трудовую жизнь и попадая в средний класс, знал заранее, как он будет жить, когда выйдет на пенсию. Человек должен увеличивать доходы и заработную плату по мере увеличения трудового стажа. Сегодня пик заработной платы приходится на 35лет, хотя куда логичней было бы получать максимальную заработную плату перед выходом на пенсию, когда человек достигает максимума своих профессиональных качеств. Пенсионная система должна дать населению

уверенность в завтрашнем дне. В настоящее время средний размер пенсии сравнялся с прожиточным минимум, но он никак не может конкурировать с коэффициентом замещения (соотношение з/п и пенсии). Нынешняя пенсионная система – инструмент борьбы с бедностью. Большинство представителей среднего класса, выйдя на пенсию, сталкивается с мгновенным четырехкратным сокращением дохода. И если у пенсионера нет других источников дохода, ни высшее образование, ни самооценка не удержат его в рядах среднего класса.

Необходима другая система здравоохранения, которая фокусируется на профилактике и сбережении здоровья. Требуются самые серьезные системные изменения в организации медицинской помощи, техническом перевооружении медицинских учреждений, качественное улучшение кадрового потенциала здравоохранения. Необходимо повысить качество всех ступеней образования. Нужно остановить девальвацию высшего образования и поднять его значимость. Требуется действенная политика по поддержке семей. Одной из важнейших задач в этой области является улучшение жилищных условий. Необходимо создание действенность институтов публичной сферы и межсекторного партнерства, где проявляется общественная активность (общественные и некоммерческие организации) представителей среднего класса. Назрела и системная поддержка малого и среднего бизнеса, как одного из возможных источников расширения социальной базы среднего класса. Иными словами, средний класс России, несмотря на его активность в решении своих социальных проблем, предъявляет сегодня высокий запрос на рост государственного участия в жизни общества. Такая ситуация обусловлена не столько тем, что собственные ресурсы для обеспечения качественных социальных услуг даже у среднего класса достаточно ограничены, сколько несовершенством ряда базовых институтов решения социальных проблем, обычно используемых в рыночной экономике. При этом запрос на принципиальную помощь со стороны государства, четко артикулируемый средним классом в противовес доминирующей в органах власти концепции адресной социальной политики, в очередной раз свидетельствует о наличии дисбалансов в этой области. Все это позволяет утверждать, что консенсус между государством и среднего класса в части их обязательств по решению как социальных проблем, стоящих перед обществом в целом, так и социальных проблем самого среднего класса до настоящего времени отсутствует,

хотя в принципе возможен. Отсутствие его обуславливается не столько какими-то фундаментальными причинами, включая ограниченность финансовых возможностей государства, сколько непониманием взаимных ожиданий. Государство ждет от среднего класса роста его ответственности в решении имеющихся у него социальных проблем, и он в принципе к этому готов, хотя ресурсы его недостаточны для принятия на себя всей полноты такой ответственности. С другой стороны, средний класс ждет от государства, прежде всего, более четких, прозрачных и устойчивых «правил игры» в социальной сфере, которые позволили бы ему повысить эффективность своего финансового участия, особенно – в части долгосрочных вложений, а также повышения качества работы социальной инфраструктуры страны, и, особенно, гарантий соблюдения существующего в стране трудового и социального законодательства на фоне экономического роста за счет опережающего развития высокотехнологичных отраслей экономики.

Таким образом, проблема становления и развития среднего класса - это не вопрос материальных доходов. Это вопрос согласованного развития целой системы социальных институтов, от которой зависят и положение среднего класса, и перспективы его роста. Важно создать механизмы вертикальной восходящей мобильности, открыть «социальные лифты», дающие возможность подняться до него другим социальным группам, находящимся ниже существующего среднего класса, и рано или поздно войти в него.

Обобщая, можно отметить, что средний класс – это не среднеобеспеченный слой, это не прослойка между богатыми и бедными. Это нормативная и желаемая модель всего общества. Это совокупность связанных целевых параметров, которые указывают на то, как должна жить основная масса дееспособного населения России. Средний класс – это не цель развития общества. Цель состоит в том, чтобы Россия была страной, где комфортно и хорошо жить всем. «Средний класс – это индикатор успешности движения к данной цели, к превращению России в комфортную, современную страну, которая входит в число самых передовых в мире»[1].

1 Гонтмахер Е.Ш. Средний класс как результат развития общественных институтов//Материалы конференции «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста» 24.04.08. М.: Библиотека Института современного развития. 2008. С.212

Георгий Цаголов. Время ли разбрасывать камни?

«Роснефть», РЖД, «Башнефть», АЛРОСА, «Аэрофлот», ВТБ, «Совкомфлот»… Еще вчера акции этих составляющих ядро отечественной экономики ведущих государственных активов именовались не иначе как «голубые фишки». Вскоре по решению правительства РФ весомые лоты ценных бумаг компаний будут выставлены на продажу, приватизированы и перейдут в частные руки. С помощью пожарной меры тщатся выручить триллион рублей, чтобы хоть частично залатать дыры в скудеющем бюджете страны. Но стоит ли распродавать госсобственность по бросовой цене - в разы ниже, чем до кризиса?

Приватизация по-русски

Весть о столь масштабной распродаже государственных корпораций не могла не насторожить граждан. Невольно всплывают приснопамятные картины прошлого. Сулившая устами Чубайса по две «Волги» на нос ваучерная приватизация начала 1990-х обернулась криминальным распилом единого народнохозяйственного комплекса некогда могущественной супердержавы. Общество погрузилось в рыночный хаос. Подавляющее большинство народа катастрофически обеднело и обнищало. Но зато на противоположном полюсе появилась сорящая деньгами прослойка «новых русских». Через несколько лет по стране прокатилась вторая ещё более зловещая приватизационная волна. В результате изобретенных Потаниным «залоговых аукционов» командные высоты в экономике сосредоточились в руках узкого круга трущихся вокруг Ельцина хищных дельцов.

Как впоследствии писал по этому поводу один автор: «Государство в этой схеме напоминает не только дойную корову, но и садомазохистскую змею, пожирающую саму себя посредством заглатывания собственного хвоста. Сначала высокопоставленные коррупционеры объявляют связанные с собой банки «банками с государственным менталитетом», потом ставят их на ударное «осваивание» государственных активов, затем удивляются острейшему дефициту госбюджета и в конце концов, признают необходимость взятия государством коммерческих кредитов у банкиров. Разумеется, заранее было известно, что заложенные под кредиты лакомые кусочки к государству уже не вернутся». За считанные месяцы государство лишилось множества добывающих сырье предприятий с высоким экспортным потенциалом. Как будто по мановению волшебной палочки они перекочевали в частную собственность доморощенных олигархов.

Между прочим, сегодня Потанин занимает самую верхнюю строчку в списке русскоязычного издания Forbes. Жемчужиной его состояния в $15,4 млрд. по-прежнему остается ГМК «Норильский никель» - крупнейший производитель никеля и палладия во всем мире. Детальная история захвата государственного гиганта «эффективным собственником» с помощью изощренной методологии, разработанной под руководством тогдашнего председателя Госкомимущества Анатолия Чубайса, описана в объемистом фолианте «Дело «Норильский никель»». Но для «героев нашего времени» и такие документированные изобличения сходят как с гуся вода.

Кстати, Потанин недавно заявил, что на приватизацию-2016 он не претендует. Видимо, с одной стороны, российский Крез понимает, что ему вряд ли удастся дважды войти в одну и ту же воду, с другой – чует, что надо вести себя осмотрительней, старается держаться в тени. Ведь если когда-нибудь под напором законных требований общественности речь зайдет о пересмотре итогов залоговых аукционов (чего исключать нельзя), то Олег Владимирович уж точно не окажется последним из «раскулачиваемых». Неспроста он стал так часто распространяться о планах передачи преступно нажитых капиталов государству, рекламирует благотворительность. Однако его многолетние имущественные тяжбы при разводах, сначала с бывшим партнером Михаилом Прохоровым, а затем и с собственной женой Наталией, выявляют подлинное нутро, не оставляя и намека на какую-либо уступчивость или альтруизм.

Не от хорошей жизни

Идея новой приватизации возникла не от хорошей жизни. Разворованная олигархами и их сообщниками в государственной власти страна рано или поздно должна была погрузиться в пучину глубочайшего системного кризиса, что и произошло. Казалось бы, пришло, наконец, время всерьез задуматься о первопричине экономического недуга, том, как исцелить тяжелобольного. Но куда там. Экономический блок правительства возглавляют соратники Гайдара, Чубайса, всех тех, с чего попустительства созданный трудом многих поколений советских людей некогда могучий промышленный потенциал пошел на заклание. И они не упускают случая, чтобы в очередной раз услужить олигархам за счет собственного народа. Несмотря на нарастающую критику финансово-экономических министров с самых разных сторон политического спектра, ожидаемой многими их отставки не происходит. Говорят, Путин не сдает своих. Но может ли это продолжаться бесконечно, если «свои» сдают интересы всей страны?

Всякий мало-мальски грамотный экономист или предприниматель знает, что расставаться с активами предпочтительно на пике их цены, но никак не на дне. Однако руководители экономического блока России почему-то решили действовать с точностью до наоборот. Причем речь идет не о каких-то мелочах, а о распродаже главных государственных корпораций, включающих стратегически значимые объекты. Уж не положил ли кто вновь глаз на общенародное добро? Иначе стали бы принимать столь пагубные решения в самый неподходящий момент, когда нас обложили санкциями, а упавшие мировые цены на нефть повергли экономику в затянувшийся нокдаун?

В ходе коллегии Минэкономразвития 2 февраля её глава Алексей Улюкаев заявил: «В 2004 – 2015 годах рынок упал и продолжает падать, мы ждали, когда ситуация изменится. Сейчас пришло осознание, что ждать больше некуда. Бюджетная ситуация критичная, общая турбулентность финансовых рынков не дает оснований нам ожидать какого-то отскока, восстановления… возможности отложить приватизацию нет».

Не по вашей ли вине, господин министр, мы дошли до ручки? Да и вообще, можно ли вам верить? Ведь, в 1980-х гг., возглавляя вместе с Гайдаром отдел политической экономии и экономической политики журнала «Коммунист», вы всяче-

ски клеймили капитализм, прославляя преимущества общенародной собственности на средства производства и «развитого социализма». Затем внезапно «прозрели» и как тургеневский герой «сжег все, чему поклонялся», и «поклонился всему, что сжигал». 7 октября 2013 года в интервью газете «Комсомольская правда» вы публично зареклись, что подадите в отставку, «если экономика не вырастит на три процента в будущем году!». Но в 2014 году её рост и вовсе прекратился, а затем дело уже и вовсе пошло на убыль: ВВП по официальным данным Росстата в 2015 году просел почти на 4%. Экономическая ситуация продолжает усугубляться. Растут цены, закрываются заводы и фабрики, усиливается безработица, падают реальные доходы. Каждые два месяца вы заверяете граждан, что «экономика достигла дна», за что вас и прозвали «водолазом». Но тепленькое местечко, Алексей Валентинович, освобождать никак не собираетесь…

Либеральная мантра и потери казны

Приватизационные позывы обусловлены не только мотивом необходимости пополнить трещащую по швам казну. Утверждается, что разгосударствление повысит эффективность экономики. Эта набившая оскомину либеральная мантра уже четверть века остается знаменем бесноватого клана, загнавшего страну в её нынешнее состояние.

Ещё с год назад глава Росимущества Ольга Дергунова получила от премьер-министра Дмитрия Медведева выговор за «нерасторопность в ускорении продаж крупных активов». Прошлой осенью на совещании, состоявшемся у первого вице-премьера Игоря Шувалова, она осторожно сказала: «Нам было рекомендовано предусмотреть возможность ускорения продажи крупных активов вне зависимости, какие цены будут на международных рынках. До этого мы исходили из гипотезы, что мы не должны продавать государственные активы по любой цене». Даже это робко высказанное сомнение пагубному курсу добавило порцию негатива к ней со стороны властей. Но последней каплей, переполнившей чашу терпения верхов и стоившей Дергуновой должности, стала поддержка Росимуществом сил, препятствовавших приватизации «дочки» АЛРОСА – АО «Алмазный мир». С 1 февраля текущего года она была отстранена от занимаемого поста. Кресло главы Росимущества понадобилось пока для неизвестного организатора «большой приватизации» 2016 года, о чем в середине января говорил на «Гайдаровском фору-

ме» и премьер Д. Медведев. Кстати, наиболее вероятным кандидатом на это место значится нынешний директор «Норильского никеля» Дмитрий Пристансков. Как тут не вспомнить басню Крылова «Щуку бросили в реку».

Самый крупный лот, значащийся в приватизации на текущий год – 19,5% «Роснефти». Её глава Игорь Сечин не раз говорил, что продавать компанию не имеет смысла ниже той цены, которая была при сделке с ТНК-ВР. Три года назад «Роснефть» заплатила $54.5 млрд. за ТНК-ВР, чьи активы сейчас дают треть её добычи и доходов. Половина из этих денег ($27,73) была получена олигархами Михаилом Фридманом, Виктором Вексельбергом и Леонардом Блаватником, которым поровну с англичанами принадлежала ТНК-ВР. Между прочим, в ходе «залоговых аукционов» второй половины 1990-х гг. «Тюменская нефтяная компания» досталась им по цене в 15 раз меньшей. Как заявил тогда прежний руководитель фирмы Виктор Палий «ситуацию с приватизацией ТНК иначе, как разбоем не назовешь". После такого двойного гешефта рейтинг миллиардеров Forbes в 2013 году продемонстрировал резкий рост состояний россиян. Михаил Фридман, занявший второе место среди российских бизнесменов, поднялся в мировом рейтинге богачей на 16 позиций. Виктор Вексельберг прибавил там 12 позиций, а в российском перечне занял четвертое место. Заметно «вырос» и Леонид Блаватник. Теперь же капитализация «Роснефти» упала в четыре раза, и, стало быть, государству вновь будет нанесен ущерб в два десятка миллиардов долларов.

В чьих интересах

Интерес к новой волне приватизации уже выразили хозяин «Сургутнефтегаза» олигарх Владимир Богданов, претендующий на акции «Роснефти» и сенатор-мультимиллиардер и владелец «Нафта Москва» Сулейман Керимов, присматривающийся к пакетам акций АЛРОСА, «Совкомфлота» и «Транснефти». Согласно заявлениям, которые озвучил президент Владимир Путин 1 февраля во время совещания по приватизации, покупатели при сделке не должны получать кредиты в государственных банках. Однако 20-летний сын олигарха Саид получил в ВТБ $5,5 млрд. для консолидации золотодобывающей «Полюс Золото». Еще одним препятствием для Керимова является то, что значительная часть его активов зарегистрирована в оффшорах. Кроме того его интересы могут пересечься с другим дагестанским миллиардером Зиявудином Магомедовым (группа «Сумма»). Однако об-

ладающий разветвленной системой связей в самых верхних эшелонах власти Керимов обычно преодолевает и не такие барьеры.

На упомянутом совещании Путин подчеркнул, что покупатели приватизируемых госкомпаний должны иметь российскую юрисдикцию. Между тем, министр А. Улюкаев уже предлагал компании зарубежным предпринимателям. Так, по итогам встречи с вице-канцлером Австрии Рейнхольдом Миттерленером он не преминул заявить, что к приватизации российских активов госкомпаний был приглашен австрийский бизнес.

Приобрести акции «Роснефти» сейчас готовы китайские и индийские компании, а акции ВТБ пожелали купить и другие азиатские инвесторы.

Объявленный грандиозный SALE вызывает критику и в среде бизнесменов. Директор «Арбат капитал» Алесей Голубович считает приватизацию несвоевременной: «Кризис затягивается, реформы не проведены, санкции не сняты». Председатель совета директоров МДМ банка Олег Вьюгин высказывает следующие опасения: «Это может быть похожим на залоговые аукционы. Неправильно сделали тогда, и, возможно, так получится и сейчас».

Многие из опрошенных фигурантов списка Forbes, признавая, что у них есть свободные денежные, не изъявляли желания покупать. И к тому тоже есть свои причины. Как считает советник президента РФ академик РАН Сергей Глазьев: «Спекулянты говорят, что сначала надо провести санацию неэффективных компаний и банков с помощью бюджета, убрать убытки при помощи государства, иначе, кто же купит госпакеты с такими дырами, а потом можно и в приватизации поучаствовать».

Время собирать камни

«Всему свое время…есть время разбрасывать камни, и есть время собирать камни», - сказано в Библии. Во время войн и кризисов требуется мобилизация сил, концентрация и централизация экономических ресурсов, а не сомнительные приватизационные проекты. И почему сначала уж не до конца использовать средства наших резервных фондов, и лишь потом задуматься о закладе последнего семейного серебра? И когда как не сейчас требуется не вывод государства из социально-экономической жизни, а, наоборот, усиление его влияния?

10 лет назад Путин выпестовал государственные корпорации для создания созидательного противовеса спекулятивным и компрадорским олигархам. С той поры между «старой гвардией» плутократов и «выскочками путинского призыва» не утихает борьба. Первые вкупе с наследниками Гайдара используют негативные факты в деятельности госкомпаний, чтобы свернуть их. Летом 2013 года правительством был запущен и утвержден очередной план распродажи их акций в 2014 – 2016 гг. Ухудшившаяся рыночная конъюнктура воспрепятствовала его реализации. Теперь котировки просели еще ниже, но появился предлог – лучше скоро не будет. Требуется же совершенно другое – укрепление госкомпаний квалифицированными кадрами и организация действенного контроля над ними.

Возглавлять экономический блок правительства должны не наследники Гайдара, а патриотические люди иного склада и теоретического уровня. Такая замена – первостепенная задача и необходимое условие для выхода из кризиса и продвижения нашего общества вперед. Необходимое, но не достаточное. Требуется упразднить порочную социально-экономическую систему и перейти к новому интегральному обществу, сочетающему наиболее эффективные стороны планово-социалистических и рыночно-капиталистических начал.

Виктор Букреев, Эмиль Рудык. Смена парадигмы трансформации форм собственности

Массовая приватизация, носящая приказной, форсированный характер, которую президент В.В. Путин стыдливо назвал «нечестной» , положившая начало радикальной реформы собственности в стране, длится уже более четверти века. При этом действенный парламентский и общественный контроль ее хода и результатов отсутствует.

Проблематика реформирования властно-хозяйственных отношений в России нашла отражение в ряде публикаций авторов, в том числе на страницах настоящего журнала .

В представленной статье обосновывается настоятельная потребность изменения вектора трансформации форм и отношений собственности в стране в условиях кризиса российской экономики с неясными перспективами выхода из этого состояния и изменившихся геополитических реалиях, а также предлагается в этой связи алгоритм возможных действий.

В плену старых догм

Основные постулаты реформы собственности, проводимой представителями социально-экономического блока высшего политического руководства страны.

Первый постулат – свободный рынок. Воспеваемый обслуживающими власть адептами рыночного фундаментализма свободный рынок, который «всё сам отрегулирует», неспособен выполнить возложенную на него миссию. Прежде всего, по той причине, что в реальной жизни свободного рынка нет. Его наличие правомерно лишь в рамках «идеальных моделей» хозяйствования на рыночных началах. Далее, рынок как таковой, в принципе не нацелен на решение социальных проблем, если не принимать в расчет случаи торжества принципов «социального дарвинизма», когда в условиях рыночного саморегулирования выживают лишь «сильнейшие». Кроме того, рынок имеет известные в экономической теории «провалы». Наконец, нынешние российские реалии вынуждают власть использовать чуждые рынку административные методы в экономике, ручное управление в «явном» или «теневом» исполнении. Таким образом, практика, как критерий истины, не подтверждает исходный постулат «свободного» рынка.

Выход рынка за пределы, в которых его использование целесообразно и оправданно, чреват серьёзными негативными последствиями. Так, в России усиливается деградация (примитивизация) промышленности в целом. Она проявляется, во-первых, - в катастрофическом физическом износе и моральном устаревании основных производственных фондов. Во-вторых, - в ничтожной доли высокотехнологичных отраслей промышленности в ВВП в условиях отсутствия государственной промышленной политики, которая носит фрагментарный, преимущественно декларативный характер. В-третьих, - (по счету, а не по важности) падении спроса на высококвалифицированную рабочую силу со стороны российского бизнеса, что, помимо прочего, стимулирует отток креативных кадров за рубеж. Реальностью стала опасность утраты экономического суверенитета страны. Растёт отток капиталов из России в оффшоры, где прячутся подлинные хозяева многих действующих в стране финансовых и промышленных компаний. Они зарегистрированы в оффшорах, тем самым, выведены из-под юрисдикции отечественного законодательства. «По некоторым оценкам, девять из десяти существенных сделок, заключённых крупными российскими компаниями, не регулируются отечественными законами» . К тому же, существенно сокращаются налоговые поступления в отечественный бюджет. Также ширится экспансия иностранного капитала, прежде всего, в высокодоходных сферах. Опасностью для страны является и её вступление в ВТО, что также предполагает отказ на долгие годы от части национального суверенитета. Так, например, в случаях покупки зарубежными компаниями российских предприятий российское государство, согласно правилам ВТО, не вправе применять какие-либо меры, регулирующие подобного рода сделки.

Второй постулат - коммерциализация важнейших социальных сфер (здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство и ряда других) посредством перевода их преимущественно из категории сфер, предоставляющих общественные блага в категорию сфер, предоставляющих рыночные услуги. Причём, без учёта, во-первых, - того обстоятельства, что предыдущее государство на протяжении более чем 70 лет брало на себя всю полноту ответственности за социальное благополучие общества и отдельного его гражданина. Во-вторых, - без увязки с достижением уровня денежных доходов населения с точки зрения возможности оплачивать рыночные услуги. Тем более, в условиях раскола России на

две страны — Россию богатых и Россию бедных. По некоторым оценкам, число жителей последней составляет более 99% граждан Российской Федерации . Для подавляющего большинства народа главная забота сегодня – выживание. В этих условиях конституционная норма о социальном государстве в нашей стране, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции РФ), продолжает носить декларативный характер.

Третий постулат - изначальная неэффективность исполнения государством функций собственника и предпринимателя по сравнению с частным капиталом. При этом не проводится различие между государственными предприятиями, главной целью деятельности которых является извлечение прибыли (только эта их часть, действующая по законам рынка, может стать объектом подобного сравнительного анализа) и государственными предприятиями, входящими в некоммерческий государственный субсектор и финансируемых, по крайней мере, частично, из бюджета. Эффективность работы последних не может быть оценена с использованием ее традиционных показателей: прибыль, рентабельность и т.п.

Четвёртый постулат - частная собственность, как доминирующая форма собственности в экономике многоукладного типа. Данный постулат, в частности, нашёл отражение в трактовке защиты прав собственности в Конституции РФ: в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст. 8, п. 2). Однако прямые нормы об охране права собственности предусмотрены лишь в отношении одной формы собственности — частной (ст. 35). В этих условиях государственная собственность оказалась не только наименее управляемой, но и наиболее уязвимой, беззащитной, открытой для различного рода злоупотреблений. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что доходы государства от принадлежащих ему предприятий, а также дивиденды от госпакетов акций, составляют, по экспертным оценкам, менее 0,1% доходной части госбюджета.

Оценивая основные экономические и социальные результаты российской приватизации, в результате которой появилась широкомасштабная частная собственность, выделим в качестве позитивного - ликвидацию фактической монополии государственной формы собственности – необходимого, хотя и недостаточного, условия становления многоукладной экономики. Перечень негативных послед-

ствий впечатляем. Выделим в нём формирование узкого слоя «новых» крупных собственников, ставших в ходе приватизации не только приобретателями по заниженным ценам наиболее ликвидных объектов бывшей государственной собственности, но и участниками перманентных переделов частной собственности. В том числе, с использованием криминальных технологий. Произошло беспрецедентное увеличение масштабов коррупции, принявшей системный характер. Коррупция и приватизация в современной России – однояйцовые близнецы. Не подавив коррупцию, которую В.В. Путин правомерно квалифицировал как государственную измену , что предполагает «посадки» чиновников, уличённых судом в коррупции, с конфискацией их имущества, рассчитывать на «честное» ведение частного бизнеса не приходится. Также не приходится надеяться на возможность использования в сегодняшней России некоррупционных схем управления остатков государственной собственности. Рассчитывать на «карающий меч» правосудия, как показывает российская практика, не приходится, поскольку коррумпированы сами надзорные и правоохранительные органы. Если вразумительный ответ на вопросы, связанные с реальным подавлением коррупции не будет дан, то лишний раз придется убедиться в справедливости известной русской пословицы: «Ворон у ворона глаз не выклюет».

Приватизация также отодвинула на второй план иные инструменты управления государственной собственностью: передачу имущества в аутсорсинг, аренду, доверительное управление, концессию и другие механизмы управления, которые не связаны с переходом имущественных прав. Практика показывает, что социальная и экономическая результативность работы хозяйствующих субъектов напрямую не связана с формой собственности. Она определяется рядом других обстоятельств: качество управления, трудовой потенциал, степень вовлечения работников в управление производством и распределение его результатов, способность к инновациям, в условиях современной России – близостью к власти и многими другими.

Произошло крушение надежд на приватизацию, которая по своим масштабам далеко вышла за пределы, обусловленные необходимостью ликвидации монополии государственной собственности. Ни одна из её декларированных приоритетных целей не была достигнута. Не решена задача повышения результативности производства. Сегодня в России, как правило, неэффективно работают пред-

приятия всех форм собственности, за исключением относящихся к так называемой «трубе» и «теневому» сектору экономики. Страна стала кладбищем предприятий-банкротов. Не решена проблема привлечения инвестиций. Не создана конкурентная среда на рынке.

«Набегает» новая ускоренная «волна» приватизации. На торги, которые власть обещает сделать «открытыми» и «честными», предполагается выставить «за серьезные деньги» акции крупнейших компаний. Как правило, высокодоходных и бюджетообразующих. Только в важнейшей, не только с экономической, но и геополитической точки зрения, сфере, каковой является сфера недропользования, приватизации подлежат 136 предприятий и организаций, в том числе высокотехнологичных и наукоемких .

Всего в списке предприятий, подлежащих приватизации, около полутора тысяч объектов. Среди них «Роснефть» , «Совкомфлот» , «Аэрофлот», «Сбербанк России», Банк ВТБ, «Объединенная зерновая компания», «Росагролизинг», РОСНАНО, РЖД, «Апатит». Прогнозная цена отчуждения государственного имущества на новом его этапе - 30 млрд. долларов США или около двух триллионов рублей (по курсу на 1 марта 2015 г.), которые должны пойти на пополнение доходной части федерального бюджета. Между тем, только одна успешно функционирующая государственная компания «Роснефтегаз» (владеет 75% акций «Роснефти» и около 10% акций «Газпрома») имеет на своих счетах около 132 млрд. руб., которые она обязана перечислить в федеральный бюджет в виде дивидендов на государственные пакеты акций. Естественно, цена акций самой компании, подлежащие приватизации намного выше . Зачем же приватизировать такую компанию и не только её? Если верить подсчетам аналитиков инвестиционной компании Bright Minds Capital, пакеты акций только одних российских предприятий ТЭК оцениваются в 45-47 млрд. долларов. Декларируемая цель «новой» приватизации – пополнить государственную казну, не за счет продажи убыточных предприятий, лежащих тяжким бременем на государственном бюджете, как это имеет место в мировой практике, а в первую очередь относящихся к бюджетообразующим, к тому же существенно недооцененных по сравнению с зарубежными аналогами. Их массовая продажа, скорее всего (зная историю российской приватизации), произойдет по изначально заниженным ценам . Печальная история приватизации 90-х годов XX века, похоже, может повториться.

Пятый постулат - ущербность иных негосударственных форм собственности, прежде всего, коллективных, основанных на участии работников в принятии управленческих решений.

В качестве главных аргументов в пользу такого постулата приводятся:

- стремление работников максимизировать свои текущие доходы в ущерб инвестициям;
- меньшая заинтересованность в нововведениях, требующих сокращения занятости;
- трудности с привлечением высококлассных управляющих из-за более высокой оплаты их труда компаниями традиционного типа по сравнению с предприятиями с демократической системой хозяйствовании, на которых установлены ограничения по оплате труда всех категорий работников;
- проблема нахождения «равновесия» между демократией на производстве и компетентностью принимающих управленческие решения.
- Между тем, анализ работы зарубежных компаний с демократической системой управления показывает возможность их эффективного хозяйствования при выполнении ряда обязательных условий. В частности:
- сочетание участия работников в управлении предприятием и распределении его доходов и убытков;
- долговременный найм персонала, что не только повышает долговременную заинтересованность работников в успехе своего предприятия, но и, как правило, не приводит к ситуации, при которой работники не заинтересованы в долгосрочном инвестировании предприятия;
- введение ограничений размеров заработной платы для всех категорий персонала, включая высшее топ-менеджеров, что содействует повышению доверия как между работниками и менеджментом, так и между самими рядовыми работниками, без чего трудно рассчитывать на достижение высоких стабильных как экономических, так и особенно социальных показателей работы предприятия;
- доступ работников и/или их представительных органов, а также внешнего окружения предприятия к информации о положении дел на нём и планах его администрации;

- наличие «опорных структур» в виде банков, инвестиционных компаний, «касс взаимопомощи», консультационных служб, инкубаторов , систем обучения работников участию в принятии решений и др.

В случае отсутствия таких систем производственная демократия, как показывает опыт, малоэффективна, поскольку некомпетентные в вопросах управления работники не могут реально участвовать в управлении предприятием.

Настоятельная потребность национализации и риски.

Применительно к теме публикации, настоятельной потребностью является реструктуризация российской экономики, превратившейся фактически (за исключением, пожалуй, ОПК) в сырьевой придаток Запада.

В этой связи, требуется проведение того, что получило название «новой индустриализации». Естественно, речь не идет о дублировании «старой советской индустриализации». Тем более, в условиях, когда развитые страны находятся на начальном этапе постиндустриального развития. По существу необходимо восстановление во многом утраченного в «постперестроечные» времена промышленного потенциала страны на новой технологической, управленческой и социальной парадигме для того, чтобы Россия окончательно не оказались на обочине мирового развития со всеми вытекающими из этого последствиями: экономическими, социальными, технологическими, геополитическими.

Провести подобную индустриализацию, отвечающую требованиям экономики современного типа, российский частный капитал, сформировавшийся в ходе приватизации, не способен и, скорее всего, не выражает желания.

Главные причины – высокая затратность, высокие риски и длительные сроки окупаемости инновационных проектов, острый дефицит человеческих ресурсов - определяющего фактора перехода к инновационной экономике. В особенности, если речь идет о персонале высокотехнологичных и наукоемких производств. Так, по экспертным оценкам доля высококвалифицированных рабочих кадров в современной России колеблется от 3 до 5% общего числа рабочих против 40-50% - в развитых странах, многие из которых имеют дипломы о высшем профессиональном образовании. Например, университетские дипломы имеют 80% рабочих компании «Samsung» .

Экономические и социальные результаты прошедшей приватизации и вероятные неблагоприятные последствия грядущего процесса отчуждения государственной собственности в современных геополитических реалиях, связанных с началом новой «холодной» войны и угрозой ее перехода в «горячую» фазу, определяют необходимость концентрации государством материальных и нематериальных ресурсов страны. В этих условиях национализация (точнее, деприватизация, поскольку в стране на момент приватизации отсутствовала крупная и средняя частная собственность) наиболее значимых сфер народного хозяйства России приобретает особую практическую значимость. Разумеется, вкупе с разработкой федерального закона об имуществе, которое может находиться только в государственной и муниципальной собственности и широким использованием таких действенных инструментов реформирования государственной собственности, не связанные с переходом прав на имущество, как передача государственного имущества в аренду, доверительное управление, концессия и другие инструменты подобного рода.

Обоснование потребности возврата части переданного в частные руки государственной собственности , её возможных способах , порядке были представлены в ряде предыдущих публикациях.

Сдерживающими факторами национализации являются нежелание власти пересмотреть итоги приватизации 90-х годов прошлого века, а также недостаточная(на сегодняшний день) активность гражданского общества, которая заставила бы власть активизировать процесс восстановления прав государства как собственника. Право государства лишить то или иное лицо его собственности «в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом», признано в Европейской конвенции по правам человека, принятой Советом Европы.

Вопрос о целесообразности национализации в России, её масштабе, порядке и условиях проведения должен решаться, на наш взгляд:

Во-первых, – в зависимости от того, какому государству следует возвратить собственность. Нынешнему коррумпированному государству, с сильным влиянием на него крупной компрадорской буржуазии, степень которого в сложившихся геополитических условиях власть пытается понизить? В таком государстве «столоначальники», являясь распорядителями государственной собственности, станут фактическими ассоциированными собственниками не только ее остатков, но и прира-

щенной государственной собственности в случае проведения деприватизации, по крайней мере, в период пребывания чиновничества в статусе бенефициариев административной ренты. Другое дело – возвратить собственность государству, национально и социально ориентированному на защиту прав и интересов граждан, а не привилегированного меньшинства.

Во-вторых, – в зависимости от цены приватизации. Мировая практика свидетельствует, что национализация может проводиться как на возмездной основе – в денежной форме или в виде долгосрочных государственных облигаций, подлежащих погашению по истечении срока, определенного законодательством о национализации, так и на безвозмездной. Конституция России обусловливает «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд» предварительным и равноценным возмещением, что, по нашему мнению, противоречит ряду международных актов. Например, Европейская конвенция по правам человека не гарантирует права на получение полной компенсации при любых обстоятельствах, поскольку законные «интересы общества» могут требовать выплаты возмещения в сумме ниже полной рыночной стоимости.

В России нет пока закона о национализации. Имеются несколько законопроектов. В правительственном законопроекте (№ 311559-3 2004 г.) допускается возможность национализации для удовлетворения потребности государства в продукции (работах, услугах), непосредственно обеспечивающей обороноспособность и безопасность государства, с предварительным, единовременным и равноценным возмещением Российской Федерацией национализируемого имущества. Причём, по рыночной стоимости в денежной форме, а также других убытков, причиняемых прежнему собственнику за счет средств федерального бюджета (ст. 2, 13). Если будет реализована эта схема проведения национализации, то она, в определенном смысле, может оказаться еще более разорительной для страны, чем приватизация. Авторы данного законопроекта, прежде всего, не делают различий между изначально частной собственностью и частной собственностью, созданной в процессе приватизации на основе сильно недооцененного государственного имущества. Если в первом случае допустима компенсация её бывшим владельцам в размере рыночной стоимости национализируемого имущества, то во втором - возможны варианты. Например, вначале собственники приватизированного имущества обязаны выплатить «компенсационные возмещения» за недооце-

ненное имущество либо намеренно заниженную стоимость приватизированных предприятий либо за невыполненные социальные и инвестиционные условия сделок приватизации (как это предлагается Счетной палатой РФ), а уже потом получить возмещение за национализированное имущество по рыночной стоимости. Тогда станет ясно, кто кому и сколько должен.

Возможен и другой сценарий национализации, при котором размеры государственных выплат за национализируемое имущество должны определяться исходя из продажной цены имущества предприятия на момент его приватизации. При этом делается поправка на инфляцию, а также учитываются улучшения, произведенные собственником с момента приватизации, если они были, и ущерб, который мог быть нанесен частным собственником предприятию, государству, обществу. Тогда также станет ясно, кто кому и сколько должен.

Относительно предлагаемых правительственным законопроектом выплат за национализируемое имущество исключительно в денежной форме, вперед и сразу. В мире такого нет. Может быть, авторы правительственного законопроекта о национализации выполняют социальный заказ тех, кто хотел бы вернуть «с наваром» бывшее в употреблении государственное имущество, либо тех, кто не уверен, что частная собственность надолго и всерьёз приживётся в России?

В-третьих, – в зависимости от того, какими методами будет управляться государственная собственность, приращенная в процессе национализации: старыми дискредитировавшими себя административно-командными методами либо новыми, основанными на принципах участия работников в управлении производством на микроэкономическом уровне и общественно-государственного партнерства на мезо- и макро-уровнях? Речь идёт о многосубъектности управления государственной собственностью, т.е. об управлении ею не только со стороны титульного собственника (государства в лице уполномоченных органов), но и представительных органов власти всех уровней, других общественных институтов (профсоюзов, экологических организаций, обществ защиты прав потребителей, других объединений граждан). Таким образом, по мнению авторов, речь должна идти не о примитивной концентрации собственности в руках государства, а о её социализации на демократической основе.

Социализация – новый вектор реформирования собственности

Под социализацией отношений собственности на уровне предприятия авторами понимается повышение степени удовлетворения потребностей социума, как «внутри» хозяйствующего субъекта – рядовых работников, менеджеров, владельцев имущества, так и «вне» его – потребителей товаров и услуг, населения территорий местонахождения предприятия и страны в целом, а также вовлечение в этот процесс всех заинтересованных лиц.

Процесс «социализации» на микроэкономическом уровне может быть материализован различными средствами, в частности, посредством организации так называемых «социальных предприятий» в рамках того, что в мире получило название «социальная экономика». Главная цель образующих ее предприятий – не извлечение прибыли. Прибыль, получаемая таким предприятием, может быть использована им исключительно для выполнения своей главной миссии – социальной. Ее выполнение нередко стимулируется различного рода налоговыми и иными льготами на национальном, региональном и местном уровнях. В некоторых странах, например в Испании и Франции, социальное предприятие может распределять полученную прибыль между собственниками имущества, но в ограниченных размерах. В целом на социальных предприятиях, по экспертным оценкам, занято не менее 10 % рабочей силы Европейского союза.

Преобладающими организационно-правовыми формами социального предприятия в мире являются потребительские кооперативы в различных их видах, социальные кооперативы, деятельность которых нацелена исключительно на удовлетворение социальных нужд населения конкретной территории, и производственные кооперативы. Что касается производственных кооперативов, около 90 % таких кооперативов являются в соответствии с законом «неприбыльными», а 10 % – дано право выбора: быть «неприбыльным» или «прибыльным»;

Характерная для социального предприятия ориентация на «внутренний социум» содействует установлению системы принятия управленческих решений на демократической основе. Такая система базируется на участии персонала предприятия в управлении им в различных формах. Данное обстоятельство содействует установлению баланса прав, обязанностей и интересов рядовых работников предприятия, менеджеров, внешних владельцев его имущества. В противном слу-

чае велика вероятность, особенно в условиях кризисных ситуаций, возникновения серьёзных социальных конфликтов на предприятии.

Социальное предприятие функционирует в условиях контроля целевого использования государственных, муниципальных и иных средств, выделенных ему в рамках различного рода социальных программ и заказов, или, по меньшей мере, испытывает воздействие со стороны органов власти всех уровней и институтов гражданского общества.

Другим путем повышения социальной составляющей предпринимательской деятельности является образование так называемых социально ориентированных предприятий. Их главная, но не единственная, цель – получение прибыли. При этом бóльшая или значительная ее часть не распределяется после уплаты налогов между собственниками имущества (в ряде стран – также между их работниками), а направляется на реализацию различного рода социальных целей. Этому содействуют различные формы и инструменты воздействия общества, государства, местных органов власти, граждан и их объединений на политику таких социально-ориентированных предприятий:

1) определение социальных целей деятельности частных предприятий путем заключения контрактов с органами государственной или муниципальной власти;

2) предоставление государственных и муниципальных заказов, льготных кредитов;

3) инвестирование со стороны государственных и негосударственных институтов, например, Международной ассоциации инвесторов в социальную экономику. Эта ассоциация предоставляет социальные займы, а также направляет социальные инвестиции в объёме до 10 млн. евро в расчёте на один социальный проект. Инвестирование осуществляет также Институт за развитие социальной экономики, который предоставляет целевые заимствования или инвестиции в размере от 80 до 500 тыс. евро. Многие инвестиционные фонды дают средства и размещают заказы только на предприятиях с хорошим социальным лицом;

4) использование специального права, так называемой «золотой акции», что дает ее владельцу (государству, муниципалитету, другому органу местного самоуправления) право блокировать неугодные ему решения предприятия. В частно-

сти, по вопросам внесения изменений и дополнений в его устав, принятия решений о его реорганизации, ликвидации, совершении крупных сделок;

5) установление ограничений прав титульных собственников имущества предприятия, включая различного рода обременения (сохранение производственного профиля предприятия, а также его персонала в течение определенного времени, определение предельного уровня рентабельности, как это, например, имело место в Англии при проведении приватизации и т. п.) согласно формуле: «собственность должна служить нации, территории, гражданам». Этому в немалой степени содействуют, во-первых, набирающий силу общемировой феномен расщепления «пучка» прав собственности на используемый в производстве капитал: прав владения, пользования и распоряжения. Во-вторых, все большее осознание обществом того, что обладание собственностью (в юридическом смысле) дает ее владельцам не только определенные права (не абсолютные), но и налагает на них обязательства. Они могут быть приняты как в добровольном порядке, так и в договорном или принудительном .

В настоящее время, в Российской Федерации участие работников в управлении предприятием на основе трудовых прав в качестве непосредственных производителей товаров и услуг носит консультативно-совещательный характер. Сохранение в принципиальном плане архаичной авторитарной системы принятия решений по причине односторонней поддержки государством работодателей, во-первых, препятствует формированию востребованных современным производством работников нового типа - креативных, реализующих на производстве не только материальные, но и духовные потребности. Во-вторых, приводит к блокированию продекларированного в официальных документах перехода от конфронтационного типа отношений на предприятии к партнерскому.

Выделим в самом общем виде наиболее значимые проблемы создания социальных и социально ориентированных предприятий в России.

Первая проблема. В федеральном законодательстве отсутствует определение «социальное предприятие» (в российской терминологии близким по содержанию служит такая форма юридического лица, как «некоммерческая организация»). Его можно найти только в региональных и местных нормативных правовых актах применительно к предприятиям, предоставляющим товары и услуги социально не-

защищенному, уязвимому и бедствующему населению по более низким ценам по сравнению с рыночными.

Вторая проблема. Ограничение перечня организационно-правовых форм, в которых могут быть созданы социальные предприятия в их традиционном понимании за рубежом. Так, за рамки такого перечня выведены производственные кооперативы, весь массив которых законодатель «загнал» в категорию коммерческих, а также незначительное число казенных предприятий, которые должны финансироваться из бюджетов различных уровней. При этом они остаются коммерческими организациями, что позволяет их учредителям минимизировать бюджетное финансирования.

Третья проблема. Доход, полученный некоммерческой организацией от предпринимательской деятельности, облагается налогом, как и прибыль, полученная коммерческой организацией.

Четвертая проблема. Сохранение, а во многих случаях усиление архаичной авторитарной системы принятия управленческих решений на предприятии, что не может негативно не сказаться на его социальной устойчивости.

Пятая проблема. Слабость так называемых опорных структур социальных и социально-ориентированных предприятий: дефицит консалтинговых центров и служб, острая нехватка высококвалифицированных управленческих кадров, способных обеспечить эффективную работу социальных и социально ориентированных предприятий в нашей стране и ряд других опорных структур.

Шестая проблема. Ограниченность финансовых ресурсов российского государства, направляемых на социальные цели и, соответственно, на создание и поддержку социальных и социально ориентированных предприятий в силу:

- утраты государством многих традиционных доходных статей бюджета (фискальная его составляющая только частично компенсирует доходы, которые могут и должны быть получены, в частности, в форме рентных платежей за пользование природными ресурсами, переданных частному капиталу, доходов на алкоголь - по причине ликвидации государственной монополии на его производство);
- ухода значительной (если не большей) части экономики страны в «тень» (оффшоры), что также сокращает доходную часть федерального, региональных и местных бюджетов;

- фактической стагнации российской экономики, усиленной западными санкциями под различными предлогами.

Тем не менее, напрямую связывать степень «социальности» государства с его финансовым состоянием, как показывает пример Белоруссии, Кубы, а также ряда других стран, которые не относятся к категории развитых, вряд ли правомерно прямо, хотя определенная связь имеется. Более важным, прежде всего, с точки зрения обеспечения «социальности» государства в его демократической форме, представляется степень зрелости гражданского общества с его центрами «контрвласти», способными обеспечить реальный общественный, а не только парламентский контроль функционирования государственных институтов власти.

Седьмая проблема. Нацеленность государственной социально-экономической политики на материализацию интересов сформировавшихся в ходе приватизации крупных частных собственников, доходы которых облагаются по рекордно низким по европейским стандартам ставкам прямых налоговых сборов с физических лиц с большими доходами, что, помимо всего прочего, уменьшает источники финансирования социальных программ.

К возможным путям решения проблемы социализации предприятий в России на макроэкономическом уровне следует отнести:

1) расширение перечня форм социальных предприятий. В частности, представляется целесообразным предоставить статус некоммерческой организации производственным кооперативам (ПК), которые внесут соответствующую запись в свои учредительные документы, а также казенным предприятиям всех уровней;
2) расширение арсенала прямых и косвенных средств государственного воздействия на политику социально значимых предприятий, дополненных мерами экономической поддержки, в частности: предоставление льгот и преференций по уплате налогов, таможенных сборов, приоритет в размещении государственных и муниципальных заказов социального назначения, предоставление льгот гражданам и юридическим лицам, оказывающим таким предприятиям материальную помощь. Такой порядок предусмотрен ст. 31 Федерального закона «О некоммерческих организациях» 1995 года. Однако на практике он воплощается, главным образом, на региональном и муниципальном уровне.

3) введение весомых и неукоснительных санкций в случае невыполнения предприятием условий соглашения о его социальной ответственности с соответствующим органом государственной власти или органом местного самоуправления;
4) повышение степени вовлеченности работников и их представителей, а также иных институтов гражданского общества в принятие хозяйствующими субъектами важнейших решений, имеющих социальную направленность. В частности, обеспечение трехстороннего представительства в наблюдательных советах компаний – представители работодателей, работников и институтов гражданского общества;
5) наполнение реальным содержанием определения Российской Федерации, как социального государства.
6) создание инкубаторов социальных предприятий;
7) проведение социального мониторинга и социального аудита. В последнем случае речь идет о проверке, во-первых, в обязательном порядке соответствия основных показателей социальной жизни предприятия минимальным государственным социальным стандартам в случаях, прямо установленных законодательными актами, а также по требованию государственных органов, институтов гражданского общества или персонала предприятии. Во-вторых, в добровольном порядке на условиях, установленных законодательством или внутренними нормативными актами аудируемого предприятия.
8) встраивание социального предпринимательства в канву централизованного планирования экономического и социального развития страны, которое было утрачено в России на «постперестроечном» этапе, но сохранилось в ряде развитых стран, например, во Франции, число национальных планов которой перешло на второй десяток. Потребность «реанимации» государственного планирования на основе сочетания возможности установления ряда обязательных показателей для государственных предприятий (на региональном уровне – для муниципальных) и заключение плановых контрактов на договорной основе с субъектами хозяйствования иных форм собственности получает всё большее признание в обществе. В рамках договорного планирования предприятие берёт на себя обязательство следовать ориентирам, определённых планом. В свою очередь, государство предо-

ставляет ему ряд преференций: получение госзаказа, льготного госкредита, госгарантий, налоговых и иных льгот. По мнению авторов, в процесс подготовки и принятия плановых показателей требуется вовлечение институтов гражданского общества. Такие прецеденты имели место на практике. В частности, в подготовке и выработке первого плана «модернизации и оснащения французской экономики» (1947–1953 годы) принимали участия представители профсоюзных объединений, партий и организаций страны.

Региональный опыт смены парадигмы реформирования собственности

В этом контексте особый интерес представляет практика разработки и реализации единственной в России комплексной Программы развития коллективных форм хозяйствования в Липецкой области на период 2014 – 2020 годов (далее – Программа).

Материализация указанной Программы «в целях обеспечения занятости и повышения уровня жизни населения» , как части интегрального показателя – «качества жизни», осуществляется в рамках взаимодействия областной администрации с органами местного самоуправления, заинтересованными предприятиями и организациями. Программа предусматривает существенные объемы финансирования в форме субсидий, а также компенсаций затрат на создание и развитие 46 производственных кооперативов (ПК) в несельскохозяйственных сферах за счет средств областного бюджета в дополнение к 18 уже существующим ПК. Из них 12 действуют в сфере сельского хозяйства, 6 – в промышленности, снабжении, строительстве и на транспорте. Программой также предполагается создание 70 снабженческо-сбытовых, 50 перерабатывающих, 20 кредитных кооперативов .

В целях оказания практической помощи ПК планируется создание Фонда поддержки кооперативов и Центра развития кооперативов («Центра компетенций»), на который возложено организационное, юридическое, бухгалтерское сопровождение деятельности ПК. Программой намечено предоставление субсидий некоммерческим организациям Липецкой области на организацию Центра развития кооперативов и обеспечение его деятельности.

Опорными структурами поддержки ПК, равно как и иных форм кооперации, призваны также стать Липецкий областной Союз кооперативов, Кооперативный

региональный банк (в рамках пилотного проекта) и Ревизионный Союз «Липецкий». Кроме того, в каждом районе организованы Координационные центры развития кооперации, возглавляемые заместителями глав муниципальных образований. В поселениях определены ответственные координаторы. Их основной задачей является работа с населением, поиск творческих и инициативных людей, способных создать кооператив и обеспечить его результативное развитие .

Таким образом, формируется многоуровневая система управления развитием кооперации в Липецкой области по схеме «Область - Район – Поселение». По замыслу Главы Администрации О.П. Королёва, область к 2015 году окажется «не просто в авангарде, а в числе безраздельных российских лидеров: каждое десятое предприятие должно перейти в коллективную собственность» в двух организационно-правовых формах. А именно: ПК, что, в частности, корреспондируется с Рекомендациями МОТ 2002 года № 193 «О содействии развитию кооперативов», согласно которой органы государственной власти должны проводить политику поддержки кооперативных форм хозяйствования, и акционерных обществ работников (народных предприятий) – далее, НП.

Активному развитию кооперации в Липецкой области препятствует ряд факторов. К ним, по мнению авторов, прежде всего, следует отнести:

1) Кризисное состояние российской экономики, сопряженное с неустойчивостью современной экономической и, соответственно, социальной ситуации в стране, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В этих условиях топ-менеджменту приходится принимать управленческие решения, включая антикризисные, преимущественно даже не в рамках риск-менеджмента, когда можно оценить вероятность исполнения сценариев предлагаемых решений, а в состоянии неопределенности, связанном с принципиальной невозможностью проведения такой оценки.
2) Дефицит лиц, желающих и способных успешно осуществлять предпринимательскую деятельность. Речь идет об острой нехватке работников нового типа. Им должна быть присуща, как минимум, триада качеств: высокий профессионализм, способность не только поддерживать и совершенствовать свое профессиональное мастерство, но и непосредственно участвовать в принятии управленческих решений, обладание высокой этикой, как в трудовой, так и в повседневной жизни .

3) Низкий и, к тому же, падающий в условиях кризиса уровень доходов большинства населения, особенно, в регионах. Данное обстоятельство не позволяет населению создавать за счет собственных средств ПК, равно как и иные формы коллективных и иных форм предприятий.
4) Повышение степени риска в случае несостоятельности создаваемых ПК: утраты членом кооператива не только рабочего места, но и собственного пая для покрытия кооперативных долгов, а также иного имущества в рамках субсидиарной ответственности члена кооператива .
5) Участие юридических лиц, по сути - инвесторов ПК (такая возможность может быть предусмотрена его уставом) , в принятии управленческих решений на равных условиях с членом ПК по принципу «один член – один голос». Данное обстоятельство превращает таких инвесторов, по сути, в обычных вкладчиков, доверяющих судьбу своих вкладов членам ПК в условиях, когда в России наблюдается острый дефицит доверия, как в бизнесе, так и в повседневной жизни.
6) Недоступность банковских кредитов на цели создания и развития ПК в силу «запредельных» процентных ставок.
7) Низкий, как правило, уровень компетентности менеджмента ПК - производной практического отсутствия в системе профессионального образования учебных программ ведения хозяйства в кооперативной форме.
8) Невысокая степень экономической и правовой грамотности части населения, которое вовлекается в кооперативную деятельность.
9) Недостаточный уровень стратегического интеграционного взаимодействия ПК и их опорных структур (институтов власти, инициирующих и способствующих созданию, становлению и развитию производственной кооперации, собственных банков, инкубаторов ПК, их образовательных, консалтинговых центров и т.п.).
10) Слабая информированность граждан о потенциальных преимуществах кооперативных форм хозяйствования.

Процессу создания в Липецкой области другой формы коллективных предприятий - НП также препятствуют, как это не парадоксально звучит, базовые положения федерального закона «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» от 19 июля 1998 года № 115-ФЗ

(далее – закон о НП). Закон о НП предусматривает единственный порядок его создания исключительно в акционерной форме , а также его функционирования .

В рамках указанных законодательных ограничений на региональном уровне в условиях поддержки властью коллективных форм хозяйствования делаются небезуспешные попытки создания НП. Так, по данным официального портала Администрации Липецкой области, в 2014 году в области зарегистрировано 10 НП. К сожалению, сайты этих предприятий не дают информации об истории, порядке и способах их создания.

В вышеуказанной Программе предусматриваются существенные объемы средств областного бюджета на создание и развитие 36 НП и ЗАО, в которых 75% акций принадлежат работникам. Следует отметить, что по данному параметру такие ЗАО можно, в определенном смысле, рассматривать, как квази-НП, в которых по закону об НП более 75 % акций должно принадлежать работникам. Что касается параметра численности работников ЗАО – от 20 до 50, то такие ЗАО не соответствуют другому параметру НП: среднесписочная численность работников НП не может составлять менее 51 человека.

Особенности законодательства Липецкой области и позиция региональной власти в вопросе развития НП создают благоприятные предпосылки применения в рамках действующего правового поля новых организационно-управленческих технологий, предлагаемых авторами, для создания названной организационно-правовой формы коллективного хозяйствования.

Первая технология - доведение доли акций работников ОАО и ЗАО до 49% - нижнего предела старта создания НП, предусмотренного соответствующим законом. Правовой основой подобной процедуры является возможность внесения в устав акционерного общества положения о формировании из чистой прибыли специального фонда акционирования работников общества (ФАРП). Средства такого фонда расходуются исключительно на приобретение акций АО, продаваемых его акционерами для последующего размещения среди работников, занятых в АО . Данное положение федерального закона об АО может быть материализовано, во-первых, когда речь идет об ОАО или ЗАО, акции которых находятся в областной собственности. Во-вторых, путем мотивирования акционеров ОАО или ЗАО включать в устав общества положение о ФАРП посредством предоставления такому обществу льгот и преференций со стороны региональной власти. Например, прио-

ритета в получении региональных и местных заказов, льготной ставке налогообложения недвижимости, льготных тарифов водо-, теплоснабжения, водоотведения и т.п.

Вторая технология - увеличение доли акций работников ОАО и ЗАО до 49% в процессе приватизации государственного и муниципального имущества области посредством формирования Фонда работников государственного или муниципального унитарного предприятия, средства которого могут быть направлены на выкуп акций работниками при приватизации имущества предприятия. Правовой основой такой процедуры является возможность создания названного фонда за счет чистой прибыли в порядке, предусмотренном уставом унитарного предприятия . Покупателем акций в случае приватизации его имущества может быть физическое лицо, представляющее интересы работников по доверенности, либо юридическое лицо, например, профком предприятия или иной орган работников. Такой орган может быть образован в случае, когда работники не объединены в первичные профсоюзные организации или когда ни одна из имеющихся первичных профсоюзных организаций не объединяет более половины работников данного предприятия и не уполномочена представлять интересы всех работников по доверенности (ст. 31 Трудового Кодекса РФ, далее – ТК РФ). Данное предложение может быть материализовано на региональном и муниципальном уровнях, например, в рамках закона «О приватизации государственного имущества Липецкой области» от 1 марта 2013 года № 126-ОЗ. В соответствии с этим законом, областной Совет депутатов, во-первых, - определяет общий порядок приватизации имущества области. Во-вторых, - утверждает прогнозный план его приватизации (ст. 3), условия конкурса при продаже акций ОАО и долей в уставном капитале ООО (ст. 8.),а также порядок продажи имущества области по цене, предложенной покупателем с рассрочкой оплаты на один год (ст. 10, 11).

Третья технология - использование в принципиальном плане известной схемы формирования акционерной собственности работников за счет прибыли предприятия (ESOP) , которая может быть адаптирована к российским условиям. Речь идет о направлении части прибыли предприятия в специальный фонд, средства которого направляются на покупку голосующих акций для работников. Собственниками акций работники становятся после их выкупа за счет будущей прибыли предприятия. Правовая основа такого способа: (1) возможность внесения в устав

АО положения о формировании из чистой прибыли общества упомянутого ранее ФАРП . (2) возможность внесения соответствующей записи в Коллективный договор предприятия, содержание и структура которого определяются его сторонами – работодателем и работниками или их представителями (ТК РФ, ст. 41).

В случае формирования акционерной собственности работников за счет прибыли предприятия, стимулом для работодателя использовать подобную схему являются налоговые льготы, которые должны предоставляться властью. Применительно к предприятиям, работающим по названной схеме, могут быть применены льготы по уплате региональных и местных налогов при условии участия в акционерной собственности большинства работников.

Четвертая технология – итерационный способ образования НП.

Первая итерация - принятие решения на собрании акционеров ОАО или участников ООО о преобразовании в ПК . Вторая итерация - преобразование созданного ПК в НП (в том случае, когда баланс преимуществ НП перед ПК положителен). Правовая основа такой процедуры - возможность преобразования ПК по единогласному решению его членов в хозяйственное общество , к которому относится и НП . Смысл использования подобной итерационной технологии – невозможность прямого преобразования ЗАО с численностью работников ЗАО от 20 до 50 в НП в условиях действующего законодательства.

Обозначим следующие ключевые направления развития демократических начал в управлении коллективными предприятиями на региональном уровне.

Применительно к ПК предлагается:

1) Предусмотреть в уставе ПК право наёмного работника стать его членом при условии добросовестного выполнения трудовых обязанностей в течение срока, определенного уставом, а также внесения паевого взноса и соблюдения ряда других требований, установленных уставом. Это положение не только соответствует непреложному принципу добровольности и открытости членства в кооперативе, закрепленному в Декларации Международного кооперативного альянса о кооперативной идентичности, но и способствует повышению внутренней социальной устойчивости кооператива. Реализация названного положения предоставит право новому члену ПК, принятому из числа наемных работников, участвовать в принятии решений, а также в работе коллективных органов управления ПК. В настоящее время ГК РФ и за-

кон о ПК не предусматривают участия лиц наемного труда в принятии управленческих решений, в т.ч. тех из них, которые непосредственно затрагивают права и интересы работников.

2) Внести изменения в устав ПК в отношении норматива максимальной численности наёмных работников в целях минимизации риска утраты кооперативом своей сущности как формы объединения труда. Законом о ПК установлен норматив численности наёмных работников - не более 30% численности членов кооператива . Представляется целесообразным снизить названный показатель для всех видов ПК до 10% , как это имеет место в Мондрагонской кооперативной корпорации (МКК) и российских НП. Тем самым, не только минимизировать риск утраты ПК своей сущности, как объединения труда, но и повысить степень внутренней сплочённости (единения) всех участников процесса производства.
3) Внести в устав ПК положение об обязательном участии наёмных работников в его доходах, как это имеет место в зарубежной практике. В России этот вопрос отдан на усмотрение общего собрания членов ПК . Реализация данной новации будет способствовать сближению интересов (мотиваций) наёмных работников и кооператива.
4) Установить уставом ПК предельно допустимый размер паевых взносов члена кооператива и, соответственно, степени его участия в прибыли кооператива (в мировой практике – доходах) пропорционально размерам его паевого взноса. Это должно способствовать повышению внутренней социальной сплочённости членов ПК и доверия - двух важнейших показателей экономической и социальной устойчивости кооператива.
5) Повысить качество экономического образования членов ПК и наемных работников, поскольку его низкий уровень приводит порой к непоправимым издержкам. Наглядным примером актуальности данного предложения может служить единогласное решение 2700 членов преуспевающего предприятия - ПК «Электрокабель» (г. Кольчугино), одного из отраслевых лидеров, о преобразовании в 2002 г. кооператива в ОАО по инициативе генерального директора. При этом в расчет не были приняты социально-экономическая целесообразность такой трансформации и её последствия для членов ПК,

включая утрату ими права принятия решений по демократическому принципу «один член – один голос» .

Применительно к НП предлагается:

1) Установить в уставе НП, других его внутренних нормативных документах более жесткие ограничения (в зависимости от размеров предприятия), во-первых, величины пакета акций, который может принадлежать работнику-акционеру по сравнению с нормами закона о НП (не более 5%). В особенности, когда речь идет о НП с большим числом работников-акционеров (по закону о НП их число может доходить до 5000). Во-вторых, оплаты труда генерального директора НП - также по сравнению с нормами закона о НП (не более чем в 10 раз выше среднего размера оплаты труда одного работника за отчетный финансовый год) .
2) Проводить голосование на общем собрании акционеров НП единым (консолидированным) пакетом акций работников в соответствии с ранее принятыми ими коллективными решениями на собраниях трудовых коллективов или профсоюзных собраниях. Это послужит реализации на практике идеи так называемого императивного мандата. Данная функция может быть возложена на представителей работников-акционеров -физических или юридических лиц, например, профком предприятия.
3) Привлекать независимых экспертов, включая представителей региональных саморегулируемых организаций коллективных предприятий, к участию в подготовке и принятии важнейших управленческих решений в НП, а также в контроле их исполнения с целью противодействия возможным злоупотреблениям руководством НП своим должностным положением и управленческими компетенциями.
4) Создавать и организовывать работу постоянно действующей системы обучения работников НП и их представителей основам экономических знаний и навыкам участия в управлении коллективным предприятием на демократической основе.
5) Учреждать совместно с другими НП и коллективными предприятиями иных форм при участии и активной поддержке региональных и местных органов власти опорные структуры коллективных предприятий, прежде всего, в виде:

- инкубаторов коллективных предприятий - некоммерческих организаций, деятельность которых должна быть направлена на патронаж и помощь коллективным предприятиям с момента их зарождения до стадии зрелости;
- собственных финансовых институтов, например, кооперативных банков, в т.ч. с участием государства в их уставном капитале;
- консалтинговых центров;
- образовательных организаций, осуществляющих обучение рядовых работников и менеджеров основам хозяйствования в условиях коллективного предпринимательства на демократической основе;
- регионального союза (ассоциации, федерации) коллективных предприятий, который должен обеспечивать не только их интеграционное взаимодействие, но и сотрудничество с органами региональной власти всех уровней, а также с заинтересованными институтами гражданского общества.

Успех материализации положений вышеназванной региональной Программы создания и развития коллективных форм хозяйствования во многом зависит от внесения изменений и дополнений в федеральное законодательство.

Применительно к ПК представляется целесообразным:

1) Придать особый статус кооперации, как социально значимой формы хозяйствования.
2) Разработать федеральную государственную программу развития производственной и иных форм кооперации, предусматривающей комплекс мер государственной поддержки, в особенности на стартовом этапе функционирования кооперативов.
3) Снять запрет на участие органов государственного и муниципального управления, а также государственных и муниципальных унитарных предприятий в создании и деятельности ПК (подобная практика имеет место в ряде стран, например, в Индии).
4) Отнести ПК к категории некоммерческих организаций либо предоставить им право выбора – быть коммерческими или некоммерческими.
5) Предоставить ПК, перешедших в категорию некоммерческих организаций и выполняющих социальные функции некоммерческого характера, льготы по налогам, кредитам, тарифам, арендной плате, приоритет в размещении государственных и муниципальных заказов соци-

ального назначения, а также льготы гражданам и юридическим лицам, оказывающим таким ПК материальную и иную помощь. Подобный порядок предусмотрен ст. 31 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 года № 7-ФЗ. Однако на практике он воплощается, главным образом, на региональном и муниципальном уровнях.

6) Установить порядок, при котором член ПК может вносить помимо паевого взноса денежные средства на свой лицевой субсчёт в кооперативе в качестве его кредитора единовременно или в рассрочку, как это имеет место, например, в Мондрагонской кооперативной корпорации.
7) Наделить наёмных работников правом быть представленным в органах управления ПК с полномочиями членов ПК. Такая норма в российском законодательстве отсутствует, но представлена в законо-дательстве ряда развитых стран либо этот вопрос решается положительно в уставе кооператива (как это имеет место, например, в Дании) либо его решение отдаётся на усмотрение общего собрания членов кооператива.
8) Установить порядок, при котором работники предприятия, которое имеет признаки банкротства либо находится на стадии ликвидации, получают право создавать на его имущественной базе или её части новое предприятие с демократической системой управления в форме ПК.
9) Содействовать созданию ПК, членами которых могут стать безработные, как это имеет место, например, в той же Индии путём организации и финансирования системы профессионального обучения и привития навыков принятия управленческих решений на базе центров занятости, а также предоставления льготных кредитов и субсидий безработ-ным, изъявившим желание создать такой кооператив.
10) Принять закон о социальном аудите, который может осуществляться, во-первых, в обязательном порядке для выявления соответствия основных показателей социальной жизни ПК минимальным государственным социальным стандартам в случаях, прямо установленных законодательными актами, а также по требованию государственных

органов, институтов гражданского общества или персонала предприятия. Во-вторых, в добровольном порядке на условиях, установленных законодательством или внутренними нормативными актами аудируемого ПК.

По созданию и развитию НП предлагается:

1) Исключить запрет создания НП в неакционерной форме.
2) Предоставить возможность изначального создания НП, понизив стартовый порог его образования с 49% акций, принадлежащих работникам, до 25% + 1 акция (владение работниками-акционерами блокирующим пакетом акций).
3) Разрешить создание НП в ходе приватизации государственного и муниципального имущества, как это имело место при приватизации республиканского имущества в Кабардино-Балкарской республике до 2002 года.
4) Предусмотреть систему льгот работникам при создании НП в ходе приватизации государственного или муниципального имущества. Речь идет о возможности выкупа акций предприятия его работниками в рассрочку и со скидкой за счет будущих прибылей предприятия, а также предоставлении налоговых льгот финансовым организациям в случае предоставления ими кредитов на данные цели. Это потребует внесения изменений в Налоговый кодекс РФ (освобождение НП от уплаты налога на прибыль, снижение налогооблагаемой базы и т.п.), другие законодательные и нормативные акты.
5) Установить запрет совмещения постов генерального директора и председателя наблюдательного совета НП. Такое совмещение регулятивных, исполнительно-распорядительных и контрольных функций не только противоречит принципам производственной демократии, но и создает почву для различного рода злоупотреблений.
6) Сохранить демократический принцип «один акционер — один голос» при решении большей части вопросов жизнедеятельности НП (имеют место попытки исключить данный принцип из закона о НП).
7) Расширить сферу полномочий контрольной комиссии НП и обеспечить представительство в ней профсоюзов, других органов работников – как акционеров, так и неакционеров.
8) Установить прямой запрет на отчуждение в любых формах, принадлежащих работнику НП акций на сторону (вне предприятия), в том числе, в форме да-

рения. Это может привести к угрозе захвата НП с использованием нормы закона об НП, согласно которой генеральный директор избирается и освобождается от должности голосованием по принципу «один акционер – один голос». В условиях, когда законом об НП не установлен запрет на отчуждение акций путём дарения, в т.ч. лицу, не работающему на НП, появляется возможность злоупотребления этим демократическим принципом с целью захвата НП извне. Примером может служить ситуация, возникшая в начале XXI века на упомянутом НП «Конфил». На внеочередном собрании, созванном внешними акционерами, владеющими лишь 0,24% «подаренных» им акций, был избран новый генеральный директор. К чести работников НП «Конфил», они грудью встали на защиту своего предприятия от неоднократных попыток его насильственного захвата .

Среди мер по стимулированию создания коллективных предприятий можно предложить следующие:

1) Создавать в обязательном порядке в акционерных обществах ФАРП, что требует внесения изменений в ст. 35, п. 2 Закона об АО.
2) Ввести в обязательном порядке систему участия работников в прибыли предприятий, включая ООО, государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также создание Фонда работников, средства которого могут быть использованы ими при приватизации имущества предприятия .
3) Восстановить в перечне способов приватизации государственного и муниципального имущества аренду с правом выкупа имущества предприятия юридическим лицом, в т.ч., образованным его работниками. Данный способ широко применялся на начальном этапе российской приватизации, а также в ряде зарубежных стран, например, в Польше.
4) Предоставить право соответствующим органам государственной и муниципальной власти передавать имущество государственных и муниципальных предприятий, минуя приватизацию, в доверительное управление или концессию коллективному предприятию, созданному работниками. Такой порядок не запрещен Федеральным законом от 21 декабря 2001года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».
5) Содействовать процессам формирования собственности работни-ков в период её становления путём предоставления юридическому лицу, образован-

ному работниками, возможности выкупать имущество пред-приятия в рассрочку с освобождением прибыли предприятия, направляемой на эти цели, от налогообложения (полностью или частично), а также введения системы налоговых льгот банкам, которые предоставляют кредит для подобного рода выкупа. Такой порядок налогообложения предусмотрен, например, Законом Венгрии о собственности работников на акционерный капитал от 21 июля 1992 г.

6) Способствовать демократизации хозяйственной власти на микроэкономическом уровне, как обязательной предпосылки формирования коллективных форм хозяйствования, а именно:
   - определить гарантированный государством минимальный объем (стандарт) полномочий работников и их представителей в управлении предприятием, вне зависимости от его организационно-правовой формы, на основе трудовых прав на уровне норм, которые закреплены соответствующими международными актами, а также нашли отражение в законодательствах наиболее продвинутых в этом отношении стран;
   - расширить круг вопросов, по которым работники или их представители имеют право на беспрепятственное получение бесплатной, документарной, полной и достоверной информации от работодателя о социально-экономическом состоянии и стратегии предприятия;
   - ограничить максимальное число голосов, которыми располагает акционер при решении вопросов на общем собрании акционеров. Это открывает возможность голосованию по принципу «один акционер — один голос» или близкому к данному демократическому принципу. Реализация такого предложения требует восстановления старой редакции ст. 11 Закона РФ об АО, которая допускала такую возможность. В соответствии с данной статьёй, «Уставом общества могут быть установлены ограничения количества акций, принадлежащих одному акционеру, и их суммарной номинальной стоимости, а также максимального числа голосов, предоставляемых одному акционеру»;
   - установить нормативы представительства работников в совете директоров (наблюдательном совете), а также ревизионной комиссии

предприятия (как государственного, так и частного) в качестве их полноправных членов, подобно тому, как это было сделано, например, в ФРГ и Словении;

- обеспечить трехстороннее представительство в наблюдательных советах (советов директоров) работодателей, работников и институтов гражданского общества, того, что авторами определяется как общественно-государственно-частное партнерство (ОГЧП) при принятии важнейших управленческих решений.
- Разумеется, что развитие коллективных форм хозяйствования не панацея. Такие формы должны найти свою нишу в многоукладной экономике России и показать свою экономическую и социальную состоятельность. Применительно к реализации Программы в Липецкой области коллективные предприятия должны достичь намеченных индикаторов своего развития в регионе и вклада в повышение уровня и качества жизни персонала предприятия и населения области в целом, а также в создание новых рабочих мест. В частности, показателей, касающихся увеличения числа граждан, вовлеченных в коллективное хозяйствование, роста объема продукции и услуг, выпускаемых коллективными предприятиями и их прибыли, роста реальных доходов занятых на них, производительности труда, повышения фондоотдачи и качества выпускаемой продукции, увеличения доли используемых высоких технологий, доли такого типа предприятий на рынках, вклада в импортозамещение.

Успех хозяйствования в коллективной форме может стать весомым аргументом в пользу её широкого использования не только в других регионах России, но и в масштабах Евразийского союза.

Насколько реалистичны предложения авторов относительно национализации, демократизации и социализации отношений собственности в условиях современной России?

Приходится признать, что в настоящее время реализация данных предложений представляется маловероятной, учитывая существующие российские реалии:

Во-первых, позиции представителей рыночного фундаментализма и сторонников авторитарных методов хозяйствования во властных структурах хотя и ослабли, но в целом остаются достаточно прочными. Остаётся надеяться лишь на то, что кризисные явления в российской экономике, западные санкции против нашей страны, а также инстинкт самосохранения заставят власть отказаться от использования замшелых догм и постулатов.

Во-вторых, российская «элита» в сфере политики, финансов и культуры в большинстве прозападна. Там она хранит деньги, отдыхает, имеет дорогую недвижимость, там проживают её семьи, учатся дети, там находятся разделяемые ею культура, ценности, образ желаемого ею будущего России в рамках западной цивилизации. Неудивительно, что многие её представители вольно или невольно являются агентами влияния Запада, которому сильная Россия, как и ранее, не нужна.

В-третьих, разобщённость российского общества, недостаточность, непрочность, маломощность горизонтальных связей в нём, а также слабость форм социальной солидарности граждан.

В-четвёртых, слабость и разобщённость политических сил, оппозиционных нынешней власти, или только декларирующих такую оппозиционность, а также недооценка их представителями важности органической увязки требований национализации, социализации и демократизации власти. Национально-ориентированные авторы, как правило, недооценивают значимость решения комплекса социальных проблем в стране и демократизации её политической и, особенно, экономической системы. Напротив, левонастроенные авторы также, за достаточно редким исключением, недооценивают геополитические аспекты императива изменения парадигмы преобразования форм и отношений собственности.

В этих условиях остаётся либо уповать на Бога, либо надеяться на известную непредсказуемость событий в нашей стране, либо (позиция авторов) делать, что можно, и будь что будет.

Александр Ломанов. Готова ли КНР отказаться от социализма?[1]

Ужесточение партийного контроля и вопросы партийной дисциплины стали лейтмотивом VI пленума ЦК ompартии Китая (КПК), прошедшего 24-27 октября в Пекине. Именно эта часть дискуссий делегатов пленума вызвала наибольший интерес у зарубежных экспертов, рассматривавших главное в годовом цикле КПК событие преимущественно сквозь призму антикоррупционной кампании и подготовки к обновлению рядов высшего партийного руководства на предстоящем в 2017 году XIX съезде КПК. Однако не менее важны и идеологические вопросы, обсуждавшиеся на пленуме. Нужно было не только напугать членов партии строгим наказанием за казнокрадство и взяточничество, но и объяснить им, во что они должны верить. «Лента.ру» постаралась разобраться, что сегодня представляет собой идеология самой большой политической партии мира и какие альтернативные концепции популярны в китайском обществе.

Восемь китайских течений

Официальная идеология КПК доминирует в китайских СМИ, но там высказываются и иные мнения. За три десятилетия реформ в стране сформировались новые общественные слои со своими взглядами на то, как следует развиваться КНР. Прежняя схема противостояния хороших «реформаторов» и плохих «консерваторов» уже не актуальна. Китайское интеллектуальное пространство приобрело пестроту и многообразие. Известный публицист Ма Личэн выделил восемь основных идейных течений современного Китая.

1 Оригинал статьи: https://lenta.ru/articles/2016/11/08/skrepi/

«Идеи Дэн Сяопина» господствовали в партийной идеологии 1990-х и первого десятилетия нового столетия. Их суть сводится к смелым экспериментам в экономике и жесткому мораторию на перемены в политической сфере. Политика соединения социализма и рынка способствовала экономическому развитию, но увеличила разрыв между богатыми и бедными.

«Старые левые» опасаются, что рыночные реформы и открытость внешнему миру приведут к перерождению социализма в капитализм, их возмущает защита частной собственности и покровительственное отношение властей к предпринимателям. В основном «старые левые» — это немолодые люди, среди них много ушедших на пенсию партийных работников, хранящих верность идеалам эпохи Мао Цзэдуна.

«Новые левые» состоят из университетской профессуры, впитавшей западные идеи. Революционные идеалы их не привлекают, «новые левые» больше сосредоточены на критике господства транснациональных корпораций и крупного капитала, выявлении негативного воздействия глобализации на развитие КНР. Они также недовольны усилением имущественного расслоения в китайском обществе.

Либералы выступают за соединение свободной рыночной экономики с демократией и конституционным правлением. Они считают, что развитию Китая мешают устаревшие политическая система и идеология. Хотя власти запрещают публикации о возможном переходе КНР к парламентской системе и многопартийности, либералам позволили занять в публичном пространстве нишу апологетов свободы рынка и ограничения государственного вмешательства в экономику.

Национализм, выступающий с критикой Запада, превратился в успешный коммерческий проект публикации бестселлеров о грядущем мировом величии КНР, которому мешают лишь коварные происки иностранцев. Сторонники этого течения приучают аудиторию не страшиться возможного разрыва связей с Западом и изоляции, подчеркивая, что Китай большой и справится с любыми испытаниями.

«Народники» утверждают, что бедные всегда правы, а китайским предпринимателям никогда не отмыться от «первородного греха» нечестного накопления первоначального капитала. С большой симпатией относятся к

уравниловке времен Мао Цзэдуна и критикуют либеральных экономистов за их призывы к защите прав предпринимателей.

Современные конфуцианцы мечтают заменить марксизм учением мудрых правителей древности и заставить чиновников сдавать должностные экзамены на знание классических канонов. В конфуцианском учении они видят не только инструмент морального воспитания, но также источник легитимности власти — ведь гуманное конфуцианское правление подразумевает обязанность заботиться о простых людях.

«Демократический социализм» выступает против насилия и революции, политически близок к позиции либералов с добавлением программы создания «социального государства» по образцу Швеции. Нашумевшая публикация этих идей в 2007 году в журнале «Яньхуан чуньцю» вызвала шквал критики не только по причине несоответствия идеологической ортодоксии, но и из-за явного несоответствия уровня экономического развития Китая стандартам социального государства, способного выплачивать своим гражданам щедрые пособия от рождения до старости.

Партийные идеологи указывают на изъяны всех перечисленных выше концепций, в том числе на недостаточное внимание к социальной справедливости в процессе реализации реформаторских идей Дэн Сяопина. Попытки «заменить Маркса конфуцианством» называют несостоятельными потому, что взаимосвязь марксизма и китайской традиции с точки зрения официальной идеологии вполне естественна, противопоставлять их не нужно. Открытое обсуждение негативных последствий перехода к рынку также допускается.

Абсолютно неприемлемы для властей две темы. Прежде всего пресекаются призывы к политическим реформам, направленным на демонтаж власти КПК. Вторая мишень — «исторический нигилизм», то есть критика истории китайской революции и деятелей КПК, восхваление их противников, пропаганда тезисов «марксизм устарел» и «социализм провалился». Именно в этом ключе следует воспринимать произошедший этим летом конфликт вокруг специализировавшегося на обсуждении проблем истории КПК и КНР влиятельного журнала «Яньхуан чуньцю», где власти в итоге сменили руководство редакции.

Многие эксперты отмечают, что китайским интеллектуальным дискуссиям поныне присущ дух нетерпимости и радикализма времен «культурной

революции». Либералы постоянно пугают общество тем, что «новые» и «старые» левые хотят вернуться к практике классовой борьбы. Их оппоненты уверяют, что либералы действуют в интересах зарубежных враждебных сил, тайно способствуя планам нового закабаления Китая. Содержательного диалога между ними очень мало.

Занимающий заметное место в информационно-идеологическом пространстве КНР директор Института Восточной Азии Сингапурского национального университета Чжэн Юннянь признал, что современное китайское общество ностальгирует по элементам «культурной революции»: прямом участии масс в политике, социальном равенстве, подавлении бюрократии. Дух противостояния с истеблишментом отвечает настрою нынешней молодежи, до некоторой степени отождествляющей себя с «бунтарями» 1960-х, борцами с пришедшими к власти носителями «буржуазных прав». Казалось бы, прозападные либералы не имеют к этому никакого отношения. Однако есть опасения, что они готовят «культурную революцию» справа, чтобы нанести удар по истеблишменту, провести радикальную политическую демократизацию, навязать Китаю западную модель.

Тем временем новое поколение образованных китайцев, выросшее в годы реформ, все дальше уходит от вялотекущей идейной «гражданской войны» между левыми и правыми, которая кажется им чуждой и непонятной. Китайский исследователь Хун Кай обратил внимание на распространение среди китайской молодежи «трампомании» и новой правой идеологии. Многие из китайских поклонников Дональда Трампа хорошо знакомы с жизнью американского общества. Их тошнит от общепринятой в Штатах «политкорректности», и они восхищены тем, как Трамп критикует эту идеологию. Они хотят того же, что и Трамп для США, — чтобы Китай «снова стал великой страной», где власти держат меньшинства под контролем, проводя консервативную социальную и культурную политику.

Схожий перенос внешних образов на внутренние проблемы страны просматривается в китайском увлечении личностью Владимира Путина, в котором видят сильного и решительного лидера. Как и в случае с Трампом, речь идет не только о привлекательности его государственничества и консерватизма, но и об

эмоциональном позитивном восприятии «обладающих темпераментом» руководителей, как об этом пишут в китайском интернете.

Социализм, а не какой-то другой «-изм»

Возрождение политизации сознания китайской молодежи происходит на фоне заметного укрепления позиций официальной идеологии в период правления Си Цзиньпина. Надежды иностранных экспертов на то, что экономический рост приведет Китай к принятию западной демократии и либеральных ценностей, оказались несостоятельными. Напротив, Си Цзиньпин стремится как можно более четко отмежеваться от этих идей.

В январе 2013-го Си Цзиньпин заявил: «Социализм с китайской спецификой — это социализм, а не какой-то другой "-изм", базовые принципы научного социализма терять нельзя, иначе это будет не социализм». Это послужило сигналом поворота к классическому марксизму и наследию Мао Цзэдуна. В декабре того же года Си Цзиньпин провел коллективную учебу политбюро ЦК КПК по изучению исторического материализма, а в январе 2015-го — по изучению диалектического материализма.

Си Цзиньпин постоянно призывает воспитывать у коммунистов твердую приверженность идеологическим основам. В 2015 году он заявил, что осуществление коммунистического идеала займет много времени, но тех, кто считает это пустым делом, нельзя считать верными членами партии. «Если все будут думать, что раз эту вещь не увидеть и не потрогать, то нет необходимости ради нее бороться и приносить жертвы, тогда коммунизм и правда никогда не построить. Мы сейчас придерживаемся социализма с китайской спецификой и развиваем его, это и есть реальные усилия по продвижению к высочайшему идеалу», — сказал генсек КПК.

Рассуждения о коммунизме кажутся сильно оторванными от повседневной жизни Китая, где все заняты зарабатыванием денег и обеспечением личного благосостояния. В нынешнем году члены КПК приняли участие в кампании «изучать два — быть одним», то есть изучать партийный устав и партийные нормы, важные выступления Си Цзиньпина и быть верными членами партии. Широкое распространение практики переписывания от руки текста партийного устава породило анекдотические истории о том, как молодожены-коммунисты

занимались этим в брачную ночь. Вместе с тем очевидно, что укрепление дисциплины синхронизировано с пропагандой нормативной идеологии.

В коммюнике октябрьского пленума ЦК КПК подчеркивается: «Далекий великий идеал коммунизма и общий идеал социализма с китайской спецификой — это духовная опора и политическая душа членов КПК, это идейная основа сохранения сплоченности и единства партии». Марксизм, коммунизм и социализм названы обязательной частью убеждений каждого партийца. На фоне разброда и шатаний в китайских общественных дискуссиях Си Цзиньпин взял курс на укрепление идейной стойкости членов Компартии.

Давид Павельев. Социальный протест в современной российской литературе

Как метко заметил французский философ Луи Бональд, «литература есть выражение общества, так же как слово есть выражение человека».

Любое общество немыслимо без протеста – это и выражение собственной индивидуальности, и защита своих прав, и борьба за идеал. Чтобы совершенствовать законодательную базу, организацию хозяйственной деятельности и институты гражданского общества, важно понять: что вызывает справедливый протест большей части граждан.

Социальный протест принимает различные формы: одиночную или коллективную, мирную или насильственную, в рамках закона или преступающую его. Социальному аналитику важно разобраться: что определяет выбор той или иной формы протеста? Каковы магистральные общественные тренды? Насколько рационален этот протест, или же он диктуется сугубо иррациональными порывами? И если это так, то в чём причина этой иррациональности?

Что может дать нам современная литература для ответа на эти вопросы? Быть может, максима французского философа уже не актуальна, и книги современных авторов не отражают реалии общественной жизни?

В море печатной продукции, ежегодно наводняющем прилавки книжных магазинов, наблюдается два основных течения: натуралистическое (П. Санаев, С. Минаев) и так называемое постмодернистское (В. Пелевин, В. Сорокин). Первое акцентирует внимание на переживаниях конкретного индивида, а второе – на

метафизической проблематике, игнорируя злобу дня. Первое выводит на передний план возрастные кризисы, второе – лингвистические эксперименты. Для первого характерен ложный реализм физиологических подробностей, для второго – аллюзии и сюрреализм. Также литература постмодерна известна отсутствием сюжета, скрытыми цитатами, отсылками к мифам и притчам. Большинство произведений современной литературы сочетают в себе признаки обоих направлений. Специфику отдельного романа определяют лишь пропорции, в которых они смешаны. Потому критически настроенному читателю может показаться, что искать отражения общественных процессов в подобном творчестве не стоит.

Но в то же время нельзя забывать слова великого Альбера Камю: «Романическое творчество, бесспорно, предполагает известное отрицание действительности. Но отрицание это нельзя назвать простым бегством.» Даже если писатели и не задаются целью живописать противоречия времени, их переживания напрямую связаны с проблемами социума. Хочет того художник, или не хочет, он вынужден, подобно лакмусовой бумаге, реагировать на них. В противном случае его творчество не вызовет живой отклик в читательских душах. Художник только тогда обращает на себя внимание публики, когда выражает общее, а не частное.

Потому автор статьи считает возможным анализировать формы социального протеста на основе текстов современных писателей. Тем более, что многие из них сами в разное время становились участниками протестных акций.

Одним из наиболее популярных авторов является Сергей Минаев (р. 1975). Его романы «ДухLess. Повесть о ненастоящем человеке» (2006), «Media Sapience» (2007), «Селфи» (2015) и другие красочно описывают жизнь, проблемы и молодых людей. Карьеризм, безыдеальность и бессмысленные развлечения как бегство от чувства опустошённости. Минаев подчёркивает бездуховность «офисного планктона», страдания от одиночества и отсутствия смысла жизни.

Несмотря на критическое отношение к «обществу потребления», в большинстве произведений Минаев не затрагивает тему протеста против социальной несправедливости. Обычно его герой пассивный конформист, предпочитаеюий плыть по течению. Исключением является роман «Р.А.Б.» (2009). В предисловии к нему Минаев пишет: «Этот роман – обвинительный документ в

отношении истинных виновников настоящего кризиса. Вымышлены в книге лишь названия корпораций, фамилии их владельцев и управляющих, а всё остальное – чистая правда. Это происходило и продолжает происходить здесь и сейчас, в ваших офисах. Возможный сценарий развития событий зависит теперь не только от вас, хотя вы продолжаете думать, что других людей не существует, а если они и существуют, то только как рынок сбыта и рынка труда.

Можно подумать, что автор протестует против узурпации власти транснациональными корпорациями, эксплуатации наёмных работников и диктата обществу своих правил. В его словах слышится призыв к протесту против этих условий – пусть и не к митингам или забастовкам, но хотя бы к поиску альтернативных моделей социальных взаимоотношений.

По сюжету романа всё так и происходит. Главные герои романа – менеджеры и мерчендайзеры, обманутые руководством, потерявшие всё и обречённые влачить жалкое существование, выходят на улицы и устраивают попытку восстания.

Стоит отметить, что роман писался в самый разгар мирового финансового кризиса 2008-2009 годов, от которого, по мнению Минаева, наиболее пострадал именно «средний класс» – менеджеры нижнего и среднего звеньев, мелкие конторские служащие и прочие «белые воротнички», лишившиеся возможности платить по кредитам.

Революция клерков выглядит откровенной фантастикой. Особенно её финальный акт – побег бунтовщиков на Волгу и создание там Свободной Республики Менеджеров. Здесь чувствуется явный намёк на восстание Степана Разина, «пугачёвщину» и другие проявления народного гнева. Конец этого предприятия предсказуем – бунтовщики схвачены и сурово наказаны. Однако, если воспринимать сюжетный ход не буквально, а лишь как гротескную аллегорию, всё становится на свои места: Минаев рисует и беззащитного маленького человека, чей протест обречён. И протест здесь – не бунт и не революция, а элементарная защита собственных прав.

Минаев не предлагает социальной альтернативы – и в этом заключается его позиция. В своих книгах автор неоднократно подчёркивает, что писатель должен лишь ставить проблему, но не искать пути её решения. В то же время Минаев даже не обозначил, что более справедливое устройство общества возможно в

принципе. В определённом смысле дух его романов глубоко пессимистичен, власть корпораций кажется вечной и незыблемой. Этим же объясняются его либерально-консервативные взгляды, поддержка партии «Единая Россия».

Теме протеста посвящены многие книги другого популярного автора Захара Прилепина (р. 1975). Наибольшей известностью пользуется роман «Санькя» (2003). Литературная критика высоко оценивает данное произведение – наиболее расхожим является сравнение с революционной повестью М. Горького «Мать». Роман действительно проникнут бунтарским духом. Главные герои – боевики организации национал-большевиков. Они устраивают погромы и другие формы беспорядка, нападают на известных политиков, в том числе Президента.

Многое в книге является художественным вымыслом, однако, все герои имеют реальных прототипов. Так глава организации Костенко – калька с лидера партии национал-большевиков Эдуарда Лимонова (настоящая фамилия – Савенко). Он и его соратники показаны героическими личностями – бесстрашными борцами за справедливость и нонконформистами. Стоит отметить, что Прилепин и не скрывает своего восхищения Лимоновым.

Против чего же столь яростно протестуют национал-большевики?

Как ни парадоксально, но герои не знают этого. На вопрос о целях их движения заглавный герой Санька отвечает следующим образом: «Сейчас насущно одно – передел страны, передел мира – в нашу пользу, потому что мы лучше. Для того, чтобы творить мир, нужна власть – вот и всё.»

Чем же герои лучше, чем все остальные, Санька тоже не знает. Единственное, что он может сказать: «Мне выпало счастье знать людей, с которыми не западло умереть. Я мог бы прожить всю жизнь и не встретить их. А я встретил. И на этом всё заканчивается.»

Здесь с Санькой можно согласиться – всё и в самом деле заканчивается. Заканчивается всякий смысл и идея произведения. Заканчиваются провалом все дальнейшие попытки автора убедить думающего читателя в «лучшести» своих героев. Все их пышные речи вроде «ни честь, ни победа, ни справедливость – не нуждаются в идеологии» или «любовь не требует обоснования» кажутся пустыми и банальными.

Протест Саньки и его товарищей – не протест против ущемления прав, не борьба за гражданские свободы. Они не требуют улучшения условий труда,

социальной защиты и других «обывательских», «прозаичных» вещей. Их протест сугубо иррационален. Рассуждения о справедливости – лишь повод «выпустить пар», проявить молодёжную агрессию и реализовать криминальные наклонности.

Как и минаевский офисный работник, Санька обречён. Он не говорит о жизни, он говорит о смерти. Весь смысл его монолога о счастье заключён в том, что достойная смерть гораздо важнее достойной жизни.

Вместе с тем Прилепин предлагает читателям определённый позитивный идеал. Он противопоставляет городу с его магазинами, «Макдональдсами» и прочими ненавистными Саньке предприятиями, деревню с её близостью к природе, вековому жизненному укладу предков. В этом Прилепин пытается продолжить традицию «деревенской прозы». Прилепин рисует запустевшую, умирающую деревню. Но именно она является источником силы для современного человека. Возвращение к корням представляется единственной надеждой обрести смысл жизни.

Эта идея отражена и в названии романа: «Санькя» – именно так, с «я» на конце, называет своего внука Саньку бабушка, живущая в деревне. В деревне происходит самая символичная сцена романа – маленький Санька и городской интеллигент-либерал Безлетов пытаются похоронить отца мальчика. Если Безлетов предстаёт могильщиком отца – читай «старой Руси», то Санька – всё-таки его прямой наследник.

Во многом солидарен с вышеупомянутыми авторами и не менее известный писатель Роман Сенчин (р. 1971). Его романы «Нубук» (2003), «Ёлтышевы» (2009) и «Зона затопления» (2015) сочетают в себе черты критического «офисного» романа и традиции «деревенской прозы». Протестные акции подробно описаны в романе «Лёд под ногами» (2010).

Главный герой – журналист и офисный работник, страдающий от «воскресной депрессии» и прочих радостей постиндустриального общества. Приехав в Москву из Сибири, он живёт на съёмной квартире, боится потерять работу и не хочет никаких перемен. Он почти одинок. Вместо любви случайные связи на одну ночь. В то же время он считается вполне успешным и «достигшим высот» мужчиной. Его жизнь круто меняется, когда в Москву приезжает его старый друг, который, в отличие от него, остался панком и бунтарём. Правда,

безнадёжным неудачником. Именно он знакомит главного героя с протестно настроенной молодёжью.

Действие романа происходит в 2005 году. Именно в это время в Москве проходят акции против монетизации льгот. Сенчин ярко описывает митинги на Манежной площади, голодовку в Государственной Думе, собрания молодых активистов. В героях легко угадываются лидеры протеста – Александр Проханов и Сергей Шаргунов.

Последний – в то время лидер молодёжного крыла партии «Родина» и движения «Ура!» предстаёт на страницах романа молодым начётчиком и политическим карьеристом.

Но главный герой не проникся революционным настроем – довольно сомнительным, в описании Сенчина. Он остаётся инертным конформистом, для которого привычка важнее борьбы за права. Ему не нравятся перемены в своей жизни и он просит старого друга, остановившегося в его квартире, найти себе другое пристанище. Но вместе с его уходом тот теряет что-то, что сделало его жизнь не такой пустой. Конец его трагичен. Автор безжалостен к своему герою, и тот умирает.

Однако, позитивная программа Сенчина – не социальные реформы, не попытки выстроить новое общество на солидарных началах. Идеал автора во многом совпадает с идеалом Прилепина. Как и Санька, главный герой «Льда под ногами» – уроженец деревни, покоряющий город, страдает от утраты связи со своими корнями. Деревенское детство часто снится ему как потерянный рай, последняя надежда на спасение. Невозможность вернуться к корням, страх бросить губительный город – вот что убивает главного героя.

Мысль о массовом возврате в сельскую местность характерна для многих современных писателей. Она перекликается с консервативными трендами нашего общества. Идею «двухэтажной России» высказывают и многие религиозные деятели. В то же время причины возникновения таких настроений вполне можно понять: неудачи либеральных реформ 1990-х годов, растущее неравенство и разорение промышленности пробудили в населении России надежды на возрождение путём возврата к крестьянскому типу общества, тем более, что земледелие на приусадебных участках действительно помогло многим пережить трудные времена. Развитие в рамках проекта модернизации многим

представляется весьма призрачной перспективой, тем более, что прелести глобализации и постиндустриализма отбивают веру в позитивность прогресса.

Наконец, нельзя обойти вниманием творчество писателя, а в настоящий момент депутата Государственной Думы VII созыва Сергея Шаргунова (р. 1980). Его роман «Птичий грипп» (2008) можно назвать настоящей энциклопедией протестной молодёжи. В нём представлены все идейные группы: от коммунистов до либералов и от нац-болов до движения «Наши».

В аннотации к книге утверждается: «Герои желают участвовать в русской истории.» Безусловно, это достойное и вполне понятное желание. Но в чём же заключается это участие? «Они взрывают бомбы в кафе, раскидывают листовки у Кремля, штурмуют особняки на Рублевке и колонию в Краснокаменске.»

В самом же романе встречаются яркие строки: «Жили-были птицы. Они не хотели, чтобы их хватали. Разве приятно, когда хватают? Они не хотели, чтобы им резали крылья и вязали лапки. Но хозяин решительно загонял их по курятникам. Птицы вырывались из опекунских рук, чтобы устремиться к солнцу. И летели к солнцу. Они пылали заразой, мучились, сгорая в тяжелом бреду, взмахивали крыльями из последних силенок. Они делали круг над хозяйским двором и возвращались. Опаленные. Птицы расставались с жизнями. Но перед смертью им казалось, что, издыхая, они отравляют и губят солнечным кошмаром всех на свете, весь этот белый свет! Они рассчитывали – ВСЕХ ЗАРАЗИТЬ!»

Посыл этих строк, перекликающихся с горьковской «Песнью о Буревеснике», понятен – «птицы» протестуют против манипуляции власть имущих, стремятся к независимости в принятии решений. Этот протест – необходимый и делающий «птицу» «птицей» – может оказаться опасным и даже смертельным. Но последние слова всё-таки настораживают.

С птицами Шаргунов сравнивает всех своих героев: либералы – попугаи, коммунисты – снегири, нацисты – чайки, а члены движения «Ура!», конечно же, орлы.

Цели и идеалы «птиц» весьма туманны. Вот что говорит «ворон» национал-большевик: «Цель – ничто, движение – всё!» Очевидно, что цель протеста – сам протест. Для большинства «птиц» – это образ жизни. Это не борьба за права, не протест против их ущемления. Если социальные лозунги и выдвигаются ими, то это лишь повод для акции.

Примечательно, что Шаргунов выводит в романе самого себя. В чертах «молодого писателя Земли Русской» Ивана Шурандина без труда угадывается сам Шаргунов: «Еще каких-то пять лет назад Шурандин не был писателем. Но он выскочил из ряда вон. Он нагло выломился и знал: что бы я ни написал, получит читателя, обрастет шумом восхищения и злобы.»

В его описании проскальзывает едкая самоирония: «Он усаживался за текст, но, совершив легкую пробежку по клавиатуре, возвращался к началу – перечитывал первое слово, менял на синоним, подбирал иной вариант, пока не выдыхался… Вот оно, бесплодие! И тогда он решил: надо быть политиком.»

Именно это и является целью кипучей деятельности Шурандина. Не защита интересов наёмных работников, не защита социальных гарантий, а лишь самореализация, саморисовка и самолюбование.

Правда, несмотря на похвальную самоиронию, Шурандин у Шаргунова всё-таки орёл, а не павлин.

Особенно занятным выглядит изображение «левых» партий. Коммунисты показаны дремучим народом, поклоняющейся мироточащему портрету Ленина, а социал-демократы (легко угадывающиеся в движении «Счастливая Россия») – откровенно криминальной структурой. Примечательно, что в депутаты Шаргунов был выдвинут именно КПРФ.

Подводя итоги можно заключить, что практически все случаи протестных акций, описываемые современными писателями, не носят социальный характер. Протест сугубо иррационален, бесцелен и деструктивен. Он направлен исключительно на разрушение, а не на созидание. Это протест ради протеста, движение, чтобы не останавливаться. Протест — это попытки заполнить душевную пустоту и заглушить чувство бессмысленного существования. В основном писатели преисполнены пессимизма. Их мировоззрению присущи безысходность и упадничество, неверие в прогресс и модернизацию. Разумной альтернативой считается бегство в сельские районы, уход в традиционализм. Вместе с тем это отказ от борьбы за справедливое общество.

Остаётся надеяться, что попытки конструктивного протеста против несправедливости общества будут чаще отражаться в зеркале литературы, показывая пример всему обществу.

Вершина великой революции. К 100-летию Октября (под общ. ред. *Б.Ф. Славина, А.В. Бузгалина*)

Книга раскрывает историческую диалектику Великой российской революции XX века, вершиной которой стал Красный Октябрь 1917 года. В статьях и материалах книги не только воссоздается панорамная картина самих революционных событий начала XX века, но и дается оригинальное понимание постреволюционной советской истории, принципиально отличное от господствующих сегодня либеральных и консервативных трактовок. Авторы книги - известные отечественные и зарубежные ученые, во многом разделяющие взгляды современного критического марксизма, - утверждают: новый мир, рожденный Октябрем, дал человечеству эпохальные завоевания, но был обременен трагическими противоречиями, уроки которых необходимо извлечь и в XXI веке.

Особенность книги – знаковые статьи и отдельные отрывки из работ известных современников революции: Г. Плеханова, В. Ленина, Ю. Мартова, Л. Троцкого, А. Грамши, Р. Люксембург, Н. Бухарина, М. Рютина и др.

Также теме столетнего юбилея Октябрьской революции будет посвящён следующий номер нашего журнала.

Александр Оболенский. «Трансформация процессов формирования органов власти в России за период от ельцинского переворота 1993 года до настоящего времени, или Третий тихий государственный переворот»[1] (Отрывок из новой книги)

ПРЕАМБУЛА

17 марта 1991 года на референдуме жителей Союза Советских Социалистических республик (СССР) 71,3% граждан Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) высказались за сохранение СССР и продолжение пребывания РСФСР в составе СССР

В тот же день в РСФСР был проведен референдум, на котором граждане приняли решение об изменении структуры государственной власти путем учреждения должности Президента РСФСР.

12 июня 1991 года всенародным голосованием первым Президентом РСФСР был избран Борис Николаевич Ельцин. Как показали дальнейшие события, это привело к трагическим последствиям.

В стремлении к личной власти уже через 2 месяца, игнорируя волю народа на референдуме 17марта 1991 года, первый Президент РСФСР вместе с группой соратников взяли курс на упразднение СССР и взятие на себя тем самым явочным порядком полномочий верховной власти в стране. Как показывают социологические опросы, даже спустя 25 лет, эти действия органов власти РСФСР отрицательно оценивает подавляющее большинство населения. Многие открыто считают их государственным переворотом, поскольку ни Президент РСФСР, ни депутаты представительного органа власти РСФСР (Верховного Совета Народных депутатов) не избирались населением в статусе высших органов власти страны.

1 Фрагмент книги известного деятеля социал-демократического движения, в 1989-92 гг. депутата Верховного Совета СССР А.М. Оболенского. Полный текст книги доступен по ссылке: http://mrija2.narod.ru/sdpr354.html

Последующие два года граждане Российской Федерации, в которую была переименована РСФСР, стали свидетелями отчаянной беспринципной борьбы за верховенство власти между Президентом Б.Н. Ельциным и Съездом Народных депутатов РСФСР, в ходе которой страна погружалась в хаос противоречивого законотворчества и поспешных непродуманных экономических экспериментов. В полном соответствии с народной поговоркой: «паны дерутся, а у холопов чубы трещат» уровень жизни населения всё это время катастрофически катился вниз.

21 сентября 1993 года Борис Николаевич Ельцин решился разрубить «гордиев узел» противоречия между стремлением к личной власти и конституционным верховенством власти Съезда Народных депутатов, издав указ № 1400 о введении единоличной президентской формы правления с упразднением прежней системы органов государственной власти.

Решением Конституционного Суда в тот же день этот указ был признан противоречащим действующей Конституции. В силу этого на основании ст. 121^{6} Конституции полномочия Президента следовало считать прекращенными с момента подписания им антиконституционного указа. Однако, все органы исполнительной власти, и в первую очередь Министры силовых структур, продолжили исполнять незаконные приказы и распоряжения «президента», организуя блокаду деятельности конституционного высшего органа представительной власти в стране. Нарастающее противостояние разрешилось 4 октября 1993 года по личному приказу Б.Н. Ельцина организацией показательного расстрела из танков здания, в котором заседал Съезд народных депутатов (так называемого «Белого дома») и кровавой массовой расправой над его в основном безоружными защитниками из числа гражданского населения. Цифры погибших разнятся от 150 (мнение органов власти) до 1500 (цифры общественного независимого расследования). Так завершился второй, на этот раз откровенный, государственный переворот с установлением фактической диктатуры, управления страной личными указами «президента», Бориса Николаевича Ельцина.

Его личной волей были установлены отличающиеся от закона о референдуме правила, так называемого, «народного голосования» по утвержденному им проекту новой Конституции, который объявлен принятым 12 декабря 1993 г.

Его личной волей установлена структура нового органа федеральной представительной власти и утверждены правила избрания в него депутатов.

Общественное расследование трансформации процессов формирования органов власти России, производных, в конечном итоге, от воли бесспорного узурпатора власти, с 1993 года и по настоящее время составляет цель настоящей работы.

1. Коротко для тех, кто очень спешит.

«Правящая партия» – в настоящее время этот термин настолько внедрён в общественное сознание, что не вызывает ни малейших сомнений в праве одной партии управлять всеми делами государства. На протяжении уже 15 лет именно так гордо именует себя всем известная «Единая Россия», члены которой, накрывшись, образно говоря, шкурой избирательного блока «Медведь» (он же «Единство»), стараниями злого гения Б.А. Березовского в 1999 году пролезли в Государственную Думу, получив в ней относительное большинство. Оно было быстро обращено в полный контроль над законодательным органом усилиями уже другого мастера интриги, Владислава Юрьевича Суркова. Последнему, кстати, общественное мнение приписывает чуть ли не авторство концепции «управляемой демократии».

Вот уже добрый десяток лет высший законодательный орган России, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (ГД) функционирует в полном соответствии с бесстыдным своим цинизмом девизом: «Государственная Дума не место для дискуссий!». Правда, авторство этой фразы, приписываемое общественным мнением первому из поставленных «Единой Россией» Председателей Государственной Думы Б.В. Грызлову, строго говоря, принадлежит журналистскому сообществу, интерпретировавшему до столь лаконичного вида высказывание Бориса Вячеславовича. Дословно, по стенограмме, оно всё же выглядит несколько иначе: *«Мне кажется, что Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та*

площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью. У нас с вами есть возможность обсуждать вопросы во время парламентских слушаний. Безусловно, будет общение между лидерами фракций. И я думаю, что Совет Думы именно в таком формате будет работать наиболее конструктивно[1].» Однако, согласимся, установка на подмену открытой конкурентной созидательной законотворческой работы органа представительной власти назначенного представлять интересы всего населения страны во всём их многообразии кулуарной договорённостью нескольких руководителей фракций ухвачена журналистами абсолютно верно.

В полном соответствии с этой рабочей установкой одного из видных единороссов давно ушли в прошлое времена ельцинского десятилетия с яростными спорами в стенах органа законодательной власти идейных антагонистов: либералов и коммунистов. Государственная Дума, как хорошо отлаженный бюрократический департамент, исправно и деловито просто оформляет в законы любые исходящие из Администрации Президента и Правительства инициативы. Процесс отлажен настолько, что для этого, порой, даже не требуется присутствия в зале заседаний большинства депутатов. Да и о чём, действительно, можно спорить, если сам термин «правящая партия» безропотно принятый нашим обществом происходит от глагола «править», подразумевающего деление на правителей и подданных, а не от слова «управлять», подразумевающего организацию жизни в государстве в интересах народа, как *«носителя суверенитета и единственного источника власти в стране» (ст.3, п.1 действующей Конституции[2]).*

Допустим, большинство граждан России в совокупности и составляющие её многонациональный народ на такие нюансы великого и могучего русского языка в повседневной жизни просто не обращают внимание. Но зато они содержат, как считается, профессионалов высочайшего уровня в Конституционном Суде, Прокуратуре и самого Президента - гаранта Конституции, которые и обязаны по должности пресекать поползновения кого бы то ни было править народом, а не служить ему. Что же получается, все эти профессионалы даром едят «народный хлеб» и проморгали момент, когда «правящая партия» взяла силу править носителем суверенитета и единственным источником власти в стране? Или сие проистекает из действующего Основного закона наподобие памятной ещё старшему поколению статьи 6 Конституции СССР, действовавшей до 14 марта 1990 года?: *«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы,*

1 Биография Бориса Грызлова. https://ru.wikipedia.org/wiki/Грызлов,_Борис_Вячеславович
2 Конституция Российской Федерации (в редакции от 30.12.2008 г.), С.1.

государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу[1].» Но, как видим, оказывается, даже в те времена, когда в стране вообще существовала только одна партия, Основной закон, юридически закрепляя её руководящее положение, ориентировал, тем не менее, и её членов и всё общество на служение народу, а не на правление им. Мало того, с расстояния уже в четверть века можно предположить, что именно эта психологическая установка на служение народу парализовала волю 18-миллионной КПСС в решающую и драматичную осень 1991 года, когда рвавшийся именно править Б.Н. Ельцин громил на пути к личной власти структуры управления СССР. Ведь выборы Президента России в те времена только что продемонстрировали явно доминирующий уровень поддержки его народом перед бесцветной потерей остатков авторитета Генеральным секретарём ЦК КПСС и по совместительству Президентом СССР Михаилом Сергееыичем Горбачёвым.

Впрочем, не будем гадать и лучше обратимся к первоисточнику – тексту действующей Конституции, чтобы самостоятельно разобраться насколько существующее положение дел с объявлением одной партией себя «правящей» соответствует Основному закону нашей страны?

Оказывается, в действующей Конституции РФ имеется статья 32, которая исчерпывающе определяет субъекты, имеющие право участвовать в управлении делами государства: *«1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.*

2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме.

3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

4. Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе.

5. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия.»

Как видим, данная статья Конституции не оставляет ни малейших сомнений в том, что право участвовать в управлении делами государства, в том числе через

1 Конституция Российской Федерации (в редакции от 30.12.2008 г.) С.3.

избрание в органы власти, имеют исключительно граждане (в юридической терминологии - физические лица). И не наделены этим правом юридические лица, либо какие ни будь иные объединенные группы граждан, даже если они обозначат себя хоть трижды политической партией. Иными словами, **ст. 32 действующей Конституции РФ в сочетании с её ст.3 юридически определяют политическую систему России как Народовластие свободных Граждан**.

Откуда же тогда возник контроль у нас власти формально многопартийной политической системой во главе с «правящей партией»? Всё очень просто. **На определённом этапе носитель суверенитета и единственный источник власти в стране загипнотизированный умными рассуждениями о преимуществах западной многопартийной демократии не обратил внимания на ловкую подмену на уровне законодательства исключительного конституционного права граждан быть избранными в законодательный орган власти прямо противоречащим, как сами убедились, п.2, ст.32 Конституции правом партий быть избранными в Государственную Думу.** Вспомним, ведь в бюллетене на выборах в 2007 и 2011 годах нам предлагали избрать в орган законодательной власти не конкретных своих представителей - депутатов, а одну из партий, допущенных к выборам органом исполнительной власти, каким является ЦИК. А указанные в бюллетенях против каждой из партий фамилии на поверку оказывались зачастую не более чем удачным рекламным трюком для получения дополнительных голосов не слишком искушенных избирателей. Наиболее вопиющим примером применения такого приёма можно считать бюллетень парламентских выборов 2007 года, в котором весь федеральный список партии «Единая Россия» был представлен одним человеком - действовавшим Президентом В.В. Путиным. Естественно, Владимир Владимирович не собирался уходить в отставку со своего поста ради мандата депутата Государственной Думы. Как же понимать тогда всё это действо? Как циничный обман своего народа? Так неприметно произошло присвоение организованными в политические партии группами граждан одного из ключевых конституционных прав единственного источника власти в стране. Поскольку п.4 ст.3 Конституции РФ гласит: *«Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.»*, уместно ставить вопрос о преступном характере этих действий групп граждан, объединённых в партии.

«Адвокаты многопартийности», конечно же, попытаются словоблудием убедить нас, что политические партии являются, якобы, представителями граждан в

управлении делами государства в соответствии с п.1. ст.32. Для убедительности соответствующее положение даже включено в закон о политических партиях, принятый, обратим внимание, представителями самих партий: *«Политическая партия - это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.» (ст.3, п.1 ФЗ-95 в ред.23.05.2015 г.[1])* Мало того, что уж мелочиться, депутаты – партийцы использовали полномочия законодателей сначала для закрепления за партиями монополии на выдвижение «кандидатов» в Государственную Думу: *«Политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти.» (ст.36, п.1 ФЗ-95 в ред.23.05.2015 г.[2])*, а затем милостиво разрешили избирателям лишь определить в какой пропорции они поделят законодательную власть: *«Депутаты Государственной Думы избираются по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы (далее - федеральные списки кандидатов).» (ст.3, п.2 ФЗ-51 в ред.16.12.2014 г.[3])* **.**

Однако, **Конституция РФ неумолима, - избранными в орган законодательной власти могут быть только лично граждане, а не их объединения.** Следовательно, как прямо противоречащие Конституции процитированные положения закона о политических партиях в соответствии с п.1 ст.15 Конституции и правовой позицией Верховного Суда, который на своём пленуме 31 октября 1995 г. со своей стороны также подтвердил верховенство положений Конституции над всеми остальными нормами российского права: ***«****Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом*

1 Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ "О политических партиях" (в ред. 23 мая 2015 г.) С. 2.
2 Там же. С. 25
3 ФЗ-51 от 18 мая 2005 г. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (с изменениями на 16 декабря 2014 года), С. 2

правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия.

Суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности: когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции;[1]» являются юридически ничтожными!

Показательно, кстати, что термин «партия» упоминается во всем тексте Конституции всего один раз и то косвенно в п.3 ст.13: *«В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность».* Заметим, это положение всего лишь косвенно запрещает органам государственной власти препятствовать гражданам в создании множества партий, как говорится, на любой вкус. И всё! **Бесспорный факт заключается в том, что действующая Конституция РФ не рассматривает партии как субъект политической жизни страны напрямую участвующий в управлении государством!**

Да и здравый смысл подсказывает, что стимулом вступления в общественные объединения, в том числе и в партии, для граждан служит выгода, в их понимании, от коллективной реализации групповых, не исключая, в том числе, и корыстных, интересов. Иными словами, любая партия самим фактом учреждения нацелена на создание привилегированного положения для объединённой членством в ней части общества и только через эту призму оценивает интересы всех остальных граждан. После этого понятным становится естественное стремление всех чиновников, коррупционеров и дельцов всех мастей непременно приобщиться к, так называемой, «правящей партии», коей в настоящее время выступает «Единая Россия».

На основе изложенного постановка вопроса о прямо противоречащем Конституции захвате законодательной власти квартетом организованных в парламентские партии преступных группировок уже не выглядит кощунственной.

Процесс последовательного оттирания конституционного носителя суверенитета от реальной власти был растянут во времени почти на 10 лет и, отчасти, поэтому прошел так незаметно - гладко. Но **окончательное изменение избирательного законодательства, полностью обеспечившее контроль над собственным обновлением в руках действующих органов власти, произошло**

1 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» – Постановление пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8. С.1.

по сговору именно 4-х теперешних парламентских партий, контролирующих законодательный процесс с 2000 года.

Отсутствие ответа на резонный вопрос: «Куда же смотрят Прокуратура, органы судебной системы, включая Конституционный Суд, Президент, как гарант конституционных прав граждан, наконец, не замечающие столь вопиющего нарушения Конституции?» резонно вызывает подозрение о соучастии всех ветвей власти России в совершенном государственном перевороте. В результате его **конституционная власть народа была тихо подменена властью от имени народа, осуществляемой устойчивой группой партий в интересах, прежде всего, своих членов.** Выгода рядовых членов партий от соучастия в этом процессе, естественно, несоизмерима с преимуществами, получаемыми их активом и, тем более, руководящим составом. Как существенно различается и мотивация соучастия в совершенном и совершаемом преступлении у руководителей, к примеру, КПРФ и ЕР. Но существа дела это не меняет. **Существующий в России контроль партийной политической системой процесса обновления органов управления государством противоречит действующей Конституции РФ.**

Что же получается, мы и не заметили, как в очередной раз власть в стране, на этот раз тихо, без стрельбы из танков и расстрелов безоружных защитников демократии, перешла к организованным под видом политических партий преступным (в смысле соучастия в противоречащем Конституции присвоении и удержании властных полномочий) группировкам граждан, оградившим изменением текущего законодательства, а также его правоприменением исполнительной властью и судебной системой своё монопольное властное положение? Не хочется верить в то, что целый народ обвели вокруг пальца? И правильно! Чтобы самостоятельно разобраться в этом, не пожалейте пару, тройку часов. Давайте вместе, в деталях, проследим все этапы этого процесса.

ОБ АВТОРАХ

Бабич Дмитрий Олегович – журналист

Букреев Виктор Вениаминович – д.э.н., профессор Российского государственного геологоразведочного университета им. С. Орджоникидзе

Галлямов Аббас Радикович – политолог

Котельников Михаил Евгеньевич – доктор философских наук, зам. главного редактора журнала «Демократия и социализм XXI»

Ломанов Александр Владимирович – д.и.н., главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений

Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, доцент, член Научного Совета РАПН, руководитель исследовательского комитета по гражданскому обществу и публичной политике РАПН, член экспертного совета при Правительстве РФ, член Экспертного совета при фракции политической партии Справедливая Россия в ГД РФ

Оболенский Александр Митрофанович – политик, народный депутат Верховного Совета СССР (1989-1992)

Олейников Юрий Васильевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Павельев Давид Джемалович – журналист, ответственный секретарь журнала «Демократия и социализм XXI»

Романов Борис Савельевич – историк, политический аналитик интернет-журнала «Социалист».

Рудык Эмиль Николаевич – доктор экономических наук, профессор Академии труда и социальных отношений.

Славин Борис Фёдорович – доктор философских наук, профессор МПГУ, главный редактор журнала «Демократия и социализм XXI»

Цаголов Георгий Николаевич – д.э.н., профессор кафедры менеджмента Международного университета в Москве, писатель, публицист